

НАЦИО
НАЛЬ
НЫЙ
БЕСТ
СЕЛЛЕР

Швеция

РИПОЛ КЛАССИК

JOHAN
THEORIN

Sankta Psyko

НАЦИОНАЛЬНЫЙ BESTSELLER
Швеция

ЮХАН
ТЕОРИН

Перевод Сергея Штерна

РИПОЛ
КЛАССИК

МОСКВА

2015

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44
Т11

Перевод со шведского Сергея Штерна

Теорин, Ю.

Т11 Санта-Психо / Ю. Теорин ; [пер. со швед. С. Штерна]. – М. : РИПОЛ классик, 2014. – 448 с. – (Национальный Bestселлер).

ISBN 978-5-386-07279-7

Новый роман Юхана Теорина «Санта-Психо» – это больше, чем детектив, больше, чем триллер, и больше, чем прекрасный образец скандинавской прозы. Эта книга способна покориť сердце самого взыскательного читателя!

В закрытой и отгороженной от мира психиатрической клинике со-держатся особо опасные преступники-сумасшедшие. А рядом, в дет-ском саду «Полянка», их дети, которые участвуют в эксперименталь-ном лечении. Из месяца в месяц молодой воспитатель Ян Хаугер по подземному ходу водит детей на свидание к родителям. А по ночам во тьме этих длинных коридоров оживает нечто ужасающее: призра-ки прошлого становятся реальностью. Однажды Хаугер спускается в запретный мир Санта-Психо в поисках ответов на вопросы, давно терзающие его душу..

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44

By agreement with Hedlund Literary Agency and Banke,
Goumen & Smirnova Literary Agency,

© Johan Theorin, 2011
© Перевод. Штерн С., 2015
© Издание на русском языке, пере-вод на русский язык, оформление.
ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

ISBN 978-5-386-07279-7

ПОСВЯЩАЕТСЯ КЛАРЕ

С благодарностью Кларе Асклёф,
Рогеру Баррету, Катарине Энмарк
Лундквист, Анн Хеберлейн, Рикарду
Хедлунду, Карлу Якобсену, Черстин
Юлин, Андерсу Парсму, Анн Руле,
Осе Селлинг и Бенгту Витте — все
они, прямо или опосредованно, по-
могли автору написать этот роман.

Дорогой Иван!¹

Любовные письма незнакомым людям не пишут — а я, как видишь, пишу. Я видела тебя только на фотографиях в газетах, под жуткими заголовками на пол-листа. Черно-белые снимки. «Чудовищные преступления», «Иван Рёссель, помешанный детубийца»... как они тебя только не называют.

Фотографии намеренно несправедливые, но я все равно долго и внимательно их рассматривала. Что-то есть в твоём взгляде... что-то мудрое и спокойное и в то же время про-

¹ Имя произносится с ударением на первом слоге: Ёван, и никакой скрытой русофобии не содержит. — *Здесь и далее примеч. пер.*

низывающее. Сразу видно, что ты видишь мир таким, какой он есть, и меня ты тоже видишь насквозь. Я бы очень хотела увидеть твои глаза не на фотографии. Живые глаза. Мечтаю тебя встретить.

Нет ничего хуже одиночества. Меня оно тоже не минуло. Думаю, тебе, в твоей наглухо запертой больничной палате, тоже очень одиноко. Особенно ночью, в тишине, когда все остальные спят... Одиночество душит. Оно может задушить человека насмерть.

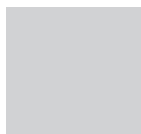
Посылаю тебе свое фото. Меня сфотографировали этим летом, в теплый и солнечный день. Как ты видишь, волосы у меня светлые, а одежду я предпочитаю темную. Надеюсь, ты найдешь время посмотреть на мою фотографию, как я смотрю на твою.

На этом кончаю, но очень хотелось бы продолжить переписку. Хорошо бы, это письмо нашло тебя по другую сторону Стены, и хорошо бы, чтобы ты нашел возможность ответить.

Чем я могу тебе помочь?

Для тебя я сделаю все что хочешь, Иван.

ЧАСТЬ 1
РАСПОРЯДОК ДНЯ

Все начинают с одной точки — и как же получается, что большинство без труда проходят весь лабиринт, а некоторые тут же теряют дорогу.

Джон Барт

«Заблудившись в комнате смеха»

1

«Осторожно! Здесь играют дети!» — прочитал Ян на голубом пластмассовом щите, а чуть ниже буквами поменьше: «Снизьте скорость».

Таксист свернул за угол, чертыхнулся и резко затормозил. Яна бросило вперед. Посреди дороги валялся забытый кем-то из «здесь играющих детей» трехколесный велосипедик.

Район вилл в городке Валла. Низкие деревянные заборы, белые ухоженные дома — и огромный предупредительный щит:

«Осторожно! Здесь играют дети».

Где эти дети — неизвестно. Улица совершенно пуста, если не считать брошенного трехколесника. Никаких детей, чтобы проявлять особую осторожность.

Дети сидят по домам, решил Ян. Их всех там позапирали.

Шофер покосился на него в зеркало, и Ян рассмотрел его лицо. Возраст предпенсионный, если не уже пенсионный, морщинистый лоб, седая бородка, как у гнома, усталый взгляд.

До того как затормозить и помянуть черта, таксист не произнес ни слова, а теперь вдруг спросил:

— Больница Святой Патриции... Санта-Патриция. Вы там работаете?

— Нет. — Ян улыбнулся. — Пока нет.

— Значит, собираетесь? Приехали наниматься?

— Да.

— Вот оно как...

Яну не хотелось говорить на эту тему, он опустил глаза и замолчал. Зачем рассказывать о своей жизни первому встречному? Тем более он не знает, что можно говорить об этой больнице, а чего нельзя.

— А знаете другое название? Как люди ее называют, эту больницу?

Ян поднял голову:

— Какое название?

— Там расскажут, — таксист усмехнулся и замолчал.

Ян посмотрел на бесконечный ряд добротных вилл и вспомнил, с кем у него назначена встреча.

Доктор Патрик Хёгсмед, главный врач. Именно его имя стояло под объявлением в газете. Ян наткнулся на это объявление в середине июля.

**Требуется воспитатель
в подготовительную школу «Полянка»**

Текст мало отличался от стандартного.

Ты воспитатель дошкольных групп, желательно молодой мужчина — мы стремимся к равноправию полов среди персонала.

Ты уверен в себе, спокоен и надежен, открыт и честен.

Тебе нравятся развивающие и творческие игры. Рядом со школой большой парк, и мы поощряем лесные прогулки.

Ты должен поддерживать позитивный дух в нашей школе и противодействовать любым формам травли и унижения детей.

Ну что ж... они точно с Яна списали все эти качества. Молодой, получил педагогическое образование, специализировался на дошкольном воспитании, любит возиться с детьми, в подростковом возрасте учился играть на ударных — правда, только для себя.

И он терпеть не может детской травли. На это у него есть личные причины.

Открыт и честен? Это, как говорят, зависит... Хотя казаться открытым он умел, и получалось неплохо.

Собственно, вырезать объявление из газеты его побудил адрес: доктор Патрик Хёгсмед, администрация судебно-психиатрической региональной клиники Святой Патриции в Валле. Санта-Патриция.

Яну всегда было очень трудно «продавать себя», как это обычно называют, но чертова вырезка лежала на кухонном столе и тарасилась на него крупными буквами из рамки с виньетки. В конце концов он снял трубку и набрал указанный номер.

— Хёгсмед.

Низкий негромкий голос.

— Доктор Хёгсмед?

— Да?

— Меня зовут Ян Хаугер, я по поводу места. Я заинтересован его получить.

— Какого места?

— Дошкольного педагога и воспитателя.

Несколько секунд молчания.

— А, вот оно что...

Хёгсмед говорил очень тихо и как-то странно. Яну показалось, он думает о чем-то другом.

— А почему вы заинтересовались этим предложением?

— Ну... — Поскольку Ян не мог сказать правду, у него сразу появилось чувство, будто он врет. А если не врет, то недоговаривает. — Любопытство, — с трудом выдавил он, и сам подивился нелепости мотивировки.

— Любопытство... — не столько спросил, сколько засомневался Хёгсмед.

— Да... мне интересны и работа и место. Я работал в больших городах, и хотелось бы поработать в провинции. Сравнить, научиться чему-то... ну и так далее.

— Хорошо, — сказал Хёгсмед. — А вас информировали, что наша подготовительная школа — не совсем обычное заведение? То есть дети самые обычные, но их родители... в общем, их родители — наши пациенты.

И он пустился в объяснения, зачем больнице Святой Патриции вообще нужен детский сад.

— Мы открыли школу несколько лет назад, это как бы эксперимент... научный эксперимент. Важно понять, насколько решающую роль в развитии ребенка играют его отноше-

ния с родителями. Существуют, разумеется, детские дома, и временные, и постоянные... но мы здесь, в Санта-Патриции, склоняемся к мысли, что для детей очень важен постоянный и регулярный контакт с биологической матерью... или отцом. К тому же для многих родителей общение с детьми в какой-то степени является элементом лечения...

Доктор сделал паузу и продолжил.

— Не забывают, — сказал он с нажимом. — Не забывайте: мы в клинике именно этим и занимаемся — лечением. Лечение — это не наказание, наказания определяют другие инстанции, а для нас больной — это больной. И мы стараемся его лечить, что бы он там ни натворил.

Ян внимательно слушал. Отметил про себя: доктор ни разу не употребил слово «вылечить». Только «лечить».

Хёгсмед закончил лекцию внезапным вопросом:

— И как вам это?

— Что ж... интересно.

Ян послал заявление и приложил куррикулум вите.

Хёгсмед позвонил в начале августа — оказывается, Ян прошел предварительный отбор и доктор хотел бы с ним встретиться. Они уже договорились о времени, и тут Хёгсмед внезапно сказал:

— У меня к вам две просьбы, Ян.

— Слушаю.

— Во-первых, захватите удостоверение личности. Права или паспорт, что хотите. Чтобы мы были уверены, что вы — это вы.

— Разумеется.

— И еще одно... не берите с собой острые предметы. Вас к нам не впустят.

— Острые предметы?

— Ну да... металлические острые предметы... короче, ножи.

Ян — без острых предметов — сошел с поезда в Валле в час дня. За полчаса до интервью. За временем он следил, хотя нельзя сказать, чтобы особенно волновался. Не на Эверест же карабкаться. Большое дело — устраивается на новую работу. Только и всего.

Стоял солнечный сентябрьский день, город показался ему светлым и чистым, как бы промытым, хотя на удивление безлюдным. В Валле он был впервые в жизни. Вышел на площадь и вдруг осознал, что ни одна душа в мире не знает, что он здесь. Ни одна. Главврач в Санта-Патриции ждет его, это понятно, но что он для доктора Хёгсмеда? Имя, фамилия и реестр служебных подвигов.

Был ли он готов к интервью? Конечно. Поправил светлую челку, огладил пиджак и пошел к стоянке такси. Там была всего одна машина.

— Больница Санта-Патриция. Вы знаете, где это?

— Еще бы...

Шофер похож на рождественского гнома, но не такой добродушный. Молча отложил газету и повернул ключ зажигания. Ян уселся на заднее сиденье и поймал на себе настороженный взгляд — а вдруг он тоже из этих... психов?

Он прикинул, не спросить ли водителя, знает ли он, что это за больница, но раздумал. Конечно знает. Он же местный.

Шоссе довольно долго сопровождало железную дорогу, но в конце концов они нырнули в туннель под путями. По другую сторону стояла группа внушительных красно-коричневых зданий. У самого большого фасад остеклен. Очень

похоже на больницу, и как раз в этот момент к подъезду подкатила желтая машина «скорой помощи».

— Это она и есть? — спросил Ян. — Санта-Патриция?

Гном покачал головой:

— Не-е... здесь лечат, у кого болячки в теле, а не в котелке.

Солнце продолжало светить вовсю, на голубом небе ни облачка. От больницы они свернули налево, поднялись на холм и оказались в этом самом районе вилл с голубым пластиковым щитом на въезде:

Осторожно! Здесь играют дети!..

Ян вспомнил о детях, с которыми он возился все эти годы. Не о своих детях, конечно, — ему платили за то, что он с ними возился. Но в какой-то степени они были и его детьми, и расставаться, когда замещение подходило к концу, было очень тяжело. Они частенько плакали, да и Ян иногда тоже.

Вдруг он и в самом деле увидел детей: четверо мальчишек лет по двенадцать-тринадцать играли в хоккей у гаража.

А их еще можно называть детьми? В двенадцать лет? А в тринадцать? Когда дети перестают быть детьми?

Он откинулся на сиденье. Оставим философские вопросы. Пока. Надо сосредоточиться и подготовить четкие и ясные ответы. Собеседование при приеме на работу может стать довольно неприятной штукой, если есть что скрывать, — а много ли таких, кому скрывать нечего? У всех есть свои маленькие секреты, и ими вовсе не хочется делиться с посторонними. Яну тоже. А сегодня — тем более. Секреты должны остаться секретами.

Хёгсмед — психиатр, не забывай.

Проехали район вилл, за ним шли застроенные таунхаусами кварталы, а потом дома кончились. Справа и слева от дороги простирался луг, а за ним, по мере приближения, постепенно росла выкрашенная серо-зеленой краской колоссальная бетонная стена. Не меньше пяти метров высотой, а по верхней кромке стены — туго натянутая, похожая на огромную растянутую пружину спираль колючей проволоки.

Не хватает только сторожевых башен с вооруженными часовыми.

За стеной — большое серое здание, чем-то напоминающее замок. С дороги виден только верхний этаж с рядом узких зарешеченных окон.

Там, за этими решетками, они и сидят, подумал Ян. Опаснейшие из опасных. Те, кого ни под каким видом и ни при каких условиях нельзя выпускать на свободу... А мне туда и надо.

Сердце заколотилось. А вдруг Алис Рами в эту самую секунду сидит и смотрит на него в одно из этих окошек? Через решетку?

В стене обнаружилось широкие стальные ворота, но остановка там запрещена, и машина остановилась на разворотном кольце. Приехали. Он покосился на счетчик — девяносто шесть крон — и протянул сотенную бумажку:

— Сдачи не надо.

— Ну-ну... — Таксист был явно разочарован скромностью чаевых. Конфет детям не купишь. Он даже не вышел из машины открыть клиенту дверь.

— Надеюсь, повезет, — буркнул он, протягивая Яну квитанцию.

Ян кивнул и одернул пиджак:

— А вы знаете кого-нибудь, кто здесь работает?

— Нет... а может, и знаю. Если кто здесь и работает, по-малкивает в тряпочку. Кому охота отвечать на вопросы...

В широченных воротах открылась маленькая калитка — Ян сразу ее и не заметил, — и в проеме появился человек лет сорока, в очках в черной оправе и с густыми каштановыми волосами. Издалека напоминает Джона Леннона, решил Ян.

Леннона застрелил Марк Чапмен, подумал ни к селу ни к городу Ян, и сам себе удивился — почему он про это вспомнил? И тут же сообразил почему: убийство за одну ночь сделало из Чапмена звезду мирового масштаба.

И если Рами здесь, то кто еще из печально известных знаменитостей составил ей компанию?

Забудь, настойчиво произнес внутренний голос. И про «Рысь» забудь. Сосредоточься на собеседовании.

Мужчина у ворот был без халата — черные брюки и коричневый пиджак, но никаких сомнений, кто это, у Яна не возникло.

Доктор Хёгсмед поправил очки и внимательно смотрел на него. Собеседование началось.

Ян в последний раз повернулся к таксисту:

— А теперь-то вы можете сказать название?

— Какое название?

— Название больницы. Ну... как ее люди зовут.

Рождественский гном ответил не сразу — улыбнулся. Его позабавило любопытство пассажира.

— Санта-Психо.

— Как?

Таксист мотнул головой в сторону ворот:

— Привет Ивану Рёсселю... Он, похоже, здесь и сидит.

Водительское стекло поползло вверх, машина развернулась и укатила.

2

Оказалось, нет — вовсе не обычная колючая проволока натянута спиралью на стене клиники Святого-Патриция. Она еще и под током. Ян заметил это, пока обменивался рукопожатием с доктором Хёгсмедом. Метровая спираль со злобно мигающими красными светодиодами на поставленных с двухметровыми интервалами стойках.

— Добро пожаловать! — Хёгсмед без улыбки смотрел на него сквозь толстые стекла очков. — Трудно было нас найти?

— Нет, что вы... совсем не трудно.

Эта бетонная стена с высоковольтной шевелюрой могла бы служить крепостью или вольером для особо крупных тигров, но на траве рядом стоял абсолютно мирный велосипедный штатив с гнездами для десятка велосипедов — дамских, мужских, с корзинами для продуктов, а на одном даже было смонтировано детское сиденье.

В калитке что-то щелкнуло, и невидимая рука отвела ее в сторону.

— После вас, Ян.

— Спасибо.

Пройти через тюремную дверь было как шагнуть в огромную темную пещеру. Тюремный двор. Совершенно отдельный, чужой и страшноватый мир. Калитка с таким же щелчком встала на место. Первое, что Ян увидел, — длинная

белая камера наблюдения, объектив направлен прямо на него. Укреплена на столбе у входа, неподвижная и беззвучная.

А вон еще одна, на другом столбе поближе к зданию, и на самом доме несколько. У дорожки большой щит с желтой надписью: «ВНИМАНИЕ! ВЕДЕТСЯ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЕ!»

Они прошли парковку. Там тоже щиты с объявлениями. Несколько парковочных мест под надписью «ДЛЯ БОЛЬНИЧНОГО ТРАНСПОРТА», и еще несколько клеток на асфальте отведено для полиции.

Отсюда, со двора, Яну открылся весь светло-серый фасад больничного корпуса. Пять этажей, длинные ряды узких окон с решетками; на нижнем этаже окна кое-где увиты плющом, похожим на клубок огромных зеленых червей.

Яну стало не по себе. Странно, над ним сияло веселое сентябрьское солнце, а он ощутил нечто вроде приступа клаустрофобии, будто его зажали между этим странным домом и огромной бетонной стеной. Ему захотелось поскорее уйти отсюда, но доктор шел широким шагом и даже не оборачивался. Яну ничего не оставалось, как следовать за ним.

Дорожка уперлась в еще одну стальную дверь. Врач сунул в щель магнитную карточку и помахал ближайшей камере. Через полминуты в замке чмокнуло, и дверь открылась.

Они оказались в небольшой комнате, что-то вроде лобби в гостинице, только стойка администратора была закрыта толстым стеклом. Здесь тоже видеочамера. Пахло мылом и мокрым камнем. Видимо, только что мыли пол. За стеклом маячила широкоплечая тень.

Вахтер? Или как правильно — надзиратель? охранник? Интересно, есть ли у него оружие?

Оружие... в таких заведениях наверняка иногда приходится применять силу. Ян прислушался — не слышно ли криков больных. Нет. Наверняка они где-то далеко отсюда. За стальными дверьми. И с какой стати они должны кричать, хохотать или колотить пластмассовыми кружками о решетки? Нет... здесь, наверное, всегда тихо. Тихие палаты, пустые коридоры.

Доктор спросил что-то и вывел Яна из задумчивости.

— Простите?

— Удостоверение личности...

— Да-да... конечно.

Ян порылся во внутреннем кармане пиджака, извлек права и протянул главврачу.

— Не надо... откройте на странице с вашими данными и подержите перед камерой.

Ян, чувствуя себя идиотом, протянул к камере пластиковую карточку водительского удостоверения. Характерный звук сработавшего затвора фотокамеры. Итак, он зарегистрирован.

— Хорошо. Теперь... извините, мы должны ознакомиться с содержимым вашей сумки.

Ян пожал плечами и вывалил из сумки все, что там было: пакет с бумажными носовыми платками, дождевик, небрежно сложенный номер «Гётеборгс Постен».

— Достаточно, спасибо.

Доктор кивнул вахтеру, тот вышел из-за укрытия, провел Яна через большой, подмигивающий разноцветными лам-

почками стальной портал — магнитный детектор — и открыл еще одну дверь.

Яну показалось, что, чем дальше они шли, тем становилось холоднее и холоднее. Миновали еще три стальные двери и очутились в коридоре, упиравшемся в простую (наконец-то), самую обычную деревянную дверь. Хёгсмед открыл ее ключом:

— Это мой кабинет.

Кабинет как кабинет. Только все белое — ну как же, кабинет врача. Белые обои, белый диплом в рамке рядом с книжным шкафом, да и сам шкаф белый, как и ворох бумаг на белом письменном столе. Девственную официальность нарушала только фотография на столе: молодая женщина, веселое, но немного усталое лицо. На руках у нее новорожденный ребенок.

И еще одно — Ян не сразу заметил. За стопкой бумаг лежали шапки. Поношенные, пять штук. Голубая бейсболка, белая сестринская шапочка, черная ректорская конфедератка, зеленая охотничья с пером и ярко-красный клоунский парик.

— Выберите любую, если хотите.

— Простите?

— Я обычно предлагаю новым пациентам выбрать и надеть одну из шапочек, — сказал Хёгсмед. — А потом мы беседуем, почему он выбрал именно эту шапку и что это может означать... Вы тоже можете попробовать, Ян.

Ян протянул руку. Сначала он решил взять клоунский парик — но что это может означать в глазах Хёгсмедта? А может быть, сестринскую? Тогда он хороший человек, нацеленный

на помощь ближнему. Флоренс Найтингейл в брюках... Или ректорскую? Мудрость и знания...

Рука слегка задрожала, и он опустил ее:

— Воздержусь.

— Почему?

— Я же не ваш пациент.

Хёгсмед коротко кивнул.

— Я все же заметил, что вы первым делом потянулись к клоуну... Это любопытно, Ян. Потому что у клоунов всегда бывают тайны. Они скрывают их за смешной маской.

— Вот как?

Хёгсмед опять кивнул.

— Серийный убийца Джон Гейси подрабатывал клоуном в Чикаго, пока его не взяли. Ему нравилось выступать перед детьми... это понятно: серийные убийцы и сексуальные маньяки — своего рода дети, они воспринимают себя самих как центр мироздания... и никогда не вырастают из этого состояния.

Ян попытался улыбнуться. Хёгсмед несколько секунд изучал его, потом повернулся и показал на стул перед письменным столом:

— Садитесь, Ян.

— Спасибо, доктор.

— Я знаю, что я доктор... но называйте меня Патрик.

— Спасибо, Патрик.

Звучит некорректно. Он вовсе не собирался фамильярничать с главным врачом. Сел на стул, опустил плечи и попытался расслабиться.

Для главного врача огромной больницы доктор Хёгсмед был довольно молод, к тому же выглядел так себе.

Глаза с красными прожилками блестели нездоровым блеском.

Главврач сел в свое вращающееся кресло и поднял глаза к потолку. Ян не успел удивиться, как тот достал маленький пузырек и закапал что-то в оба глаза.

— Воспаление роговицы, — пояснил Хёгсмед, сморгнув слезу. — Почему-то люди забывают, что врачи тоже иногда болеют.

— Это серьезно? — сочувственно спросил Ян.

— Не особенно... Но веки, как наждачная шкурка. И так еще минимум неделю. — Он опустил голову, помигал еще несколько раз и надел очки. — Ну что ж, Ян, добро пожаловать. Вы же знаете, как нашу клинику судебной психиатрии называют в городе?

— Как?

Главный врач вынул платок и потер глаз под очками:

— Вы не знаете эту кличку? Как называют Санта-Патрицию?

Ян знал эту кличку. Уже пятнадцать минут. Она засела у него в голове так же, как и имя убийцы, Ивана Рёсселя. Он огляделся, точно искал ответ на стене.

— Нет, — сказал он. — И как же?

Ему показалось, что Хёгсмед напрягся.

— Вы же знаете.

— Не уверен, что вы именно это имеете в виду... таксист сказал мне по дороге.

— Что он вам сказал?

— Вы имеете в виду — Санта-Психо?

Главврач быстро кивнул, но физиономия у него выглядела недовольной.

— Да, кое-кто так и называет нас... Санта-Психо. Я сам слышал пару раз, хотя мне не часто приходится разговаривать с посторонними... — Он быстро наклонился вперед и внимательно посмотрел на Яна. — Но мы, те, кто здесь работает, *никогда* не употребляем это прозвище. Мы говорим так, как есть: региональная судебно-психиатрическая клиника Святой Патриции... а чаще просто: Санта-Патриция. Или клиника. И если вы будете здесь работать, вам тоже придется....

— Само собой. — Ян посмотрел Хёгсмеду в глаза. — Мне эта кличка тоже не нравится. Вообще не люблю дурацкие прозвища.

— Вот и хорошо. — Главврач опять откинулся на своем кресле. — К тому же вы, если мы вас возьмем, в клинике работать не будете. Работа с детьми вынесена за пределы территории.

— Вот как? — Для Яна это было новостью. — Я думал... Разве детский сад находится не здесь же, в здании?

— Нет. У «Полянки» отдельное здание.

— А как же вы... поступаете с детьми?

— Как мы *поступаем*?

— Ну да... как дети общаются со... своей мамой? Или папой?

— Есть особая комната. Детей приводят туда через шлюз.

— Шлюз?

— Подвальный коридор. И лифт.

Он взял со стола стопку бумаг. Яну эти бумаги были знакомы — его куррикулум вите и приложение: выписка из полицейского регистра, подтверждающая, что Ян Хаугер никогда не привлекался к ответственности за сексуальные престу-

пленя. Ничего необычного — такую справку требовали всегда, когда принимали на работу с детьми.

— Посмотрим... — Хёгсмед просматривал бумаги, прищурив воспаленные глаза под очками. — Ваш послужной список выглядит превосходно. Воспитатель в Нордбру, два года после гимназии... потом курсы воспитателей и учителей дошкольного обучения в Упсале, так... замещение в нескольких детских садах в Гётеборге... с весны не работаете.

— Не с весны. Всего месяц. Чуть больше, — быстро поправил Ян.

— *Девять* замещений за шесть лет... так и есть?

Ян молча кивнул.

— Постоянной работы не нашлось?

— Нет. По разным причинам... Чаще всего я замещал воспитателей, когда они брали родительский отпуск... но они же в конце концов возвращаются.

— Я понимаю... И у нас тоже замещение. Пока до Нового года.

Ян почувствовал невысказанное неодобрение — экий непоседа, порхает с места на место... или не может ужиться с людьми.

— Дети и родители были очень довольны. Всегда самые добрые слова.

Доктор кивнул, не отрывая глаз от бумаг:

— Я вижу... действительно. Самые добрые. Даже в превосходной степени... с трех последних мест... — Он посмотрел на Яна. — А остальные?

— Остальные?

— Остальные, до того... отзывов нет. Значит ли это, что там вами были недовольны?

— Ни в коем случае! Я просто не хотел собирать все положительные...

— Спасибо, я понял, — прервал главврач. — Слишком много меда — и уже невкусно. Но могу я им позвонить? Кому-то из ваших предыдущих работодателей?

Расслабленная, даже болезненная манера говорить куда-то исчезла — доктор выглядел собранным и внимательным. Даже положил руку на телефон.

Ян остался сидеть с полуоткрытым ртом. Это все из-за шапки, подумал он. Зря он отказался от этого дурацкого теста. Хотел кивнуть, но шею словно заморозило.

Только не в «Рысь». Звони, куда хочешь, только не в «Рысь».

Наконец ему удалось наклонить голову — получилось довольно неуклюже.

— Конечно, — сказал он. — Только у меня нет с собой телефонных номеров.

— Что за проблема? Найдем в Сети.

Хёгсмед, заглядывая в бумаги, застучал пальцами по клавишам.

Номера детских садов. Но каких? *Каких?* Ян с трудом удержался, чтобы не перегнуться через стол и посмотреть. Неужели «Рысь»?

За каким чертом он вообще воткнул «Рысь» в послужной список?

Девять лет назад! Одна-единственная ошибка с одним-единственным ребенком... неужели она выплывет именно сейчас?

Он старался дышать спокойно, положил руку на бедро, чтобы скрыть дрожь в пальцах. К тому же только идиоты начинают жестикулировать в трудных ситуациях.

— Ну вот, у нас и номер есть. Теперь только позвонить... Он быстро набрал несколько цифр и посмотрел на Яна. Ян попытался улыбнуться. Как будто бы получилось... он затаил дыхание. Кому звонит главврач?

И вообще — остался ли кто-нибудь в «Рыси» из тех, кто тогда работал? Кто его помнит? Кто помнит, что случилось тогда в лесу?

3

— Алло?

Очевидно, кто-то взял трубку. Главврач наклонился к столу:

— Патрик Хёгсмед. Да... Я хотел бы поговорить с кем-то, кто работал несколько лет назад с Яном Хаугером. Да... Ха-а-у-ге-е-эр. Он замещал у вас восемь-девять лет назад.

Восемь-девять лет. Ян опустил голову. Тогда он работал в Нордбру. Значит, либо «Подсолнечник», либо «Рысь». После этого он уехал из города своего детства.

— Да? Значит, это было еще до вас, Юлия? Хорошо... тогда соедините меня с заведующим. Конечно подожду...

В кабинете стало очень тихо. Настолько тихо, что Ян услышал, как где-то в коридоре закрылась дверь.

Нина. Ян вдруг вспомнил, что заведующую в «Рыси» звали Нина. Нина Гундоттер. Необычное имя, наверное, с исландскими корнями. Не думал о ней много лет — затолкал все воспоминания о «Рыси» в бутылку и закопал. Думал, на всегда.

На стене тикали большие белые часы. Четверть третьего.

— Алло?

Заведующий. Ян вцепился руками в бедра. Хёгсмед представился и объяснил, по какому поводу звонит. Яну

показалось, что за это время он ни разу не перевел дыхания.

— Значит, вы помните Яна Хаугера? И что вы можете о нем сказать?

Хёгсмед молча выслушал ответ, периодически бросая на Яна испытующие взгляды.

— Спасибо, — сказал он через полминуты. — Да-да, этого достаточно. Спасибо, обязательно передам. Спасибо, большое спасибо. — Он повесил трубку и откинулся на стуле. — Вас и тут хвалят. Я говорил с Леной Сеттерберг из «Подсолнечника». Ян Хаугер. Позитивный, ответственный, пользовался расположением как детей, так и родителей. Высшая оценка.

Ян с облегчением улыбнулся, мысленно отметив дикую формулировку: «Пользовался расположением детей...»

— Я помню Лену, — сказал он. — Нам хорошо работалось вместе.

— Ну, хорошо... — Главврач поднялся со своего кресла и взял со стола пластиковую папку. — А теперь пойдём в наш детский сад... вы, кстати, знаете, что детский сад теперь называется подготовительной школой?

— Конечно.

Доктор придержал дверь и пропустил Яна:

— Название «детский сад» устарело... какой же это «сад»? То же самое происходит и с многими психиатрическими терминами. В наши дни неприлично говорить «истеричка», «сумасшедший» или «психопат». Некорректно. Мы здесь, в Санта-Патриции, не употребляем даже слов «больной» и «здоровый». «Функционирующий индивид» и «не функционирующий индивид». — Он внимательно по-

смотрел на Яна: — А кто из нас стопроцентно и постоянно здоров?

Вопрос явно с подковыркой. Ян предпочел промолчать.

— Мало того... что мы вообще знаем друг о друге? Допустим, вы встречаете кого-то в коридоре... можете вы сразу сказать, хороший это человек или плохой?

— Нет, конечно... но я не стал бы думать, что этот человек желает мне зла.

— Это очень хорошо. Доверие к людям в первую очередь означает, что человек уверен в себе.

Ян кивнул. Доктор опять достал магнитную карточку:

— Здесь получается быстрее... можно идти через подвал, но там дольше и... не очень приятно. Так что мы пойдем опять через ворота.

Они прошли мимо вахтера, и Ян снова обратил внимание на толстенное стекло — может быть, даже пуленепробиваемое.

— Но кое-кто из пациентов здесь... они опасны?

— Опасны?

— Ну да... склонны к насилию и все такое.

Хёгсмед печально вздохнул:

— Да... но опасны они больше всего для самих себя. Конечно, среди пациентов есть люди с деструктивными тенденциями, женщины и мужчины с тяжелыми социальными отклонениями, которые совершали... скажем так, *очень плохие* поступки...

— И вы можете их вылечить?

— Вылечить — это серьезное слово. Мы, врачи, стараемся не угодить в тот же темный лес, где заблудились наши пациенты. Мы стараемся оставаться на свету и выманить их

к нам, прочь из этого леса... — Он помолчал, потом продолжил: — У всех насильственных преступлений... вернее, у людей, которые совершают насильственные преступления, прослеживается общий знаменатель в виде детской психической травмы. И мы умеем его находить. Как правило, у них был очень плохой контакт с родителями, их ставили в унижительные ситуации. — Он открыл еще одну дверь и посмотрел на Яна. — Отсюда и возник проект «Полянка». Цель нашей подготовительной школы — сохранить как непосредственную, так и эмоциональную связь между детьми и изолированными у нас родителями.

— А второй... второй родитель? Тот, кто на свободе... папы или мамы... они ничего не имеют против?

— Если они здоровы... или вообще живы... — Хёгсмед опять потер глаза. — Но, к сожалению, мы почти никогда не имеем дело с полноценными или хотя бы социально стабильными семьями.

Ян решил больше ни о чем не спрашивать.

Они вышли на залитый солнечным светом двор, и Хёгсмед сразу начал моргать.

— Идите впереди, Ян.

Они подошли к бетонной стене. Чистый, сухой и свежий воздух. Ранняя осень во всей красе.

Дверь отодвинулась, и они вышли на поляну. *На свободе.* Странно — он мог уйти из больницы в любой момент, никто не хватал его за рукав, но ощущение было именно таким: *вновь на свободе.*

Калитка за ними тут же закрылась.

— Сюда.

Они пошли вдоль стены. На горизонте видны были пригороды: за широким, недавно вспаханным полем ряды таунхаусов. Интересно, как владельцы этих домов относятся к такому соседству?

Хёгсмед посмотрел туда же и словно прочитал мысли Яна:

— Наши соседи... Раньше здесь почти не было домов, клиника была куда более изолированной. Но у нас никогда не было никаких инцидентов — ни демонстраций, ни сборов подписей... ничего такого, с чем обычно сталкиваются психиатрические больницы. Думаю, люди понимают, что наша деятельность для них безопасна... что безопасность — наш главный приоритет.

— А побег были?

Ян тут же обругал себя за излишне провокационный вопрос, но Хёгсмед, очевидно, посчитал его естественным и поднял указательный палец:

— Один. За все мое время здесь — один побег. Молодой человек, сексуальный преступник. Построил из камней лестницу в дальнем углу двора, каким-то образом перелез через ограду и исчез. Задержали его в тот же вечер, но он уже успел познакомиться с маленькой девочкой. Когда его взяли, они сидели в парке на лавочке и ели мороженое. — Доктор посмотрел на электрическое ограждение. — С тех пор правила безопасности стали еще строже... но, честно говоря, не думаю, чтобы в отношении этой девочки у него были какие-то преступные намерения... Беглецов частенько тянет к детям, почему-то дети внушают им чувство безопасности. Они же сами как дети — маленькие и перепуганные.

Ян не ответил. Его догадка подтвердилась — они шли к деревянному павильону поодаль. «Полянка».

Бетонная стена кончилась. Детский сад... *подготовительная школа*, несколько раз мысленно повторил Ян, чтобы не ошибаться, *подготовительная школа* окружена низким забором из штакетника. Он заметил несколько качелей, маленькую хижину для игр и песочницу. Детей не было. Видимо, в помещении.

— Сколько детей ходит в школу?

— Около дюжины... Трое живут здесь постоянно — по разным причинам. Шестерых или семерых забирают домой. И еще несколько человек, те посещают школу нерегулярно... — Хёгсмед открыл папку и достал исписанный лист бумаги: — Кстати, здесь правила... хорошо, если вы ознакомитесь с ними прямо сейчас.

Ян остановился у калитки и взял бумагу.

Правила для персонала

1. Дети в «Полянке» и пациенты в психиатрической клинике Святой Патриции содержатся отдельно. Это правило действует КРУГЛОСУТОЧНО, за исключением индивидуально определяемых посещений родителей.

2. Персонал подготовительной школы НЕ ИМЕЕТ ДОСТУПА на территорию клиники, за исключением административных помещений.

3. Персонал подготовительной школы сопровождает детей через шлюз в отделение для свиданий. Дети НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ не должны посещать родителей без сопровождения.

4. Персонал ни при каких условиях не имеет права обсуждать с детьми посещение клиники или задавать им

вопросы про родителей. Такие беседы проводятся только врачами и детскими психологами.

5. Персонал, так же как и работники клиники, связан ОБЕТОМ МОЛЧАНИЯ относительно всего, что касается психиатрической клиники Святой Патриции.

В самом низу — обозначенное пунктиром место для подписи. Хёгсмед протянул Яну ручку, и он подписал бумагу.

— Хорошо... у разных дет... *подготовительных школ* разные правила, не так ли? — Доктор, видимо, еще и сам не привык к нововведению. — И неплохо знать их заранее. Вам же это знакомо, правда?

— Безусловно.

Ян соврал, причем неизвестно зачем. Никогда в жизни он не сталкивался ни с чем подобным. Но приказ был недвусмысленным.

Насчет Санта-Психо — молчок.

Никаких проблем. Ян умел хранить тайны.

«РЫСЬ»

Яну было двадцать, когда он начал работать в детском садике «Рысь». В том самом году, когда Алис Рами выпустила свой первый альбом. Эти два события неразделимы в его памяти. Он купил ее диск — увидел на витрине и купил, а потом ставил и ставил, как заколдованный. Альбом назывался «Рами и Август», но «Август» означало не имя какого-то еще участника группы, а название ее ансамбля. Два парня с неопрятными черными лохмами, контрабас и ударные, а посередине она с ангельски белыми локонами и с гитарой. Наверное, кто-то из этих парней — ее бойфренд.

Буквально на следующий день он купил недорогой CD-плейер и слушал ее диск, пока шел на работу в детский сад. Самым коротким путем — через густой ельник. Он брел по тропинке и вслушивался в ее шепот:

*Убивая, убьешь себя,
И тебя, и себя — обоих,
Ненависть — та же любовь,
Теперь-то я знаю,
Теперь-то я знаю.*

*Жизнь означает смерть,
В силе скрывается слабость,
Баранов грузят в вагоны
И везут на убой,
Теперь-то я знаю.*

В других песнях альбома речь шла о власти, тьме, наркотиках и лунных тенях. В то лето Ян слушал и слушал, пока не выучил тексты наизусть; ему казалось, что Рами поет для него. А почему бы нет? Одна из песен так и называлась: «Ян и я».

В середине августа в садик пришли новые дети, и среди них — маленький мальчик со светлыми кудрями. Он пришел с мамой, и Яну показалось, что он откуда-то ее знает. Какая-нибудь знаменитость? Старая знакомая? На вид лет сорок. Поздний ребенок.

Потом он обратил внимание на мальчика — лет пять или шесть, маленький и тоненький, как щепочка, с огромными голубыми глазами. Светлые льняные локоны, у Яна в его возрасте были такие же. Они прошли мимо, в другую группу,

которая занимала отдельное здание, — не «Рысь», а «Бурый медведь».

Странная пара: высокая стройная мать в облегающей кожаной куртке с меховым воротником и крошечный мальчонка, едва достает ей до колена. Он семенил рядом — еле успевал за широким шагом матери.

День был холодный, и Яну показалось, что мальчик слишком легко одет. Надо бы найти ему что-то потеплее.

Женщина в кожаной куртке кивнула ему совершенно равнодушно — безымянный воспитатель в детском саду, невелика птица. Он тоже кивнул и задержался в дверях — смотрел, как они поднимаются по тропинке к «Бурому медведю». Потом открыл дверь и шагнул в тепло. Его тут же окружило с полдюжины детишек.

На двери соседней группы и в самом деле красовался вырезанный из древесно-волоконистой плиты медведь, а в группе Яна дверь украшала желтая, изготовившаяся к прыжку рысь. Два опасных лесных зверя. Яна с самого начала удивил выбор названий. По меньшей мере странно. И рысь, и медведь — не просто безобидные зверушки. Беспощадные хищники.

Он долго смотрел вслед, уже в окно, пока мама с мальчиком не исчезли. Потом словно очнулся — у него же своя группа, надо работать... но почему-то короткая встреча долго не выходила из головы. Почему?

Базы данных у обеих групп были общие, так что ему не составило труда, с песнями Рами в наушниках, проскользнуть в контору и посмотреть в компьютере имя нового воспитанника.

Вильям Халеви. Сын Роланда и Эммы Халеви.

Он читал и перечитывал эти три имени. Домашний адрес тоже был, но зачем он ему сейчас? Достаточно знать, что маленький Вильям будет ходить в соседнюю группу всю осень. Тридцать метров, соседняя дверь.

4

— Ян, кофе? — спросила Мария-Луиза.

— Спасибо. С удовольствием.

— С молоком?

— Нет, не надо. Спасибо.

Мария-Луиза — заведующая «Полянкой». Пятьдесят с хвостиком, светлые волнистые волосы, веселые морщинки вокруг глаз — очень часто улыбается и старается изо всех сил, чтобы всем в ее окружении было хорошо. И большим и маленьким.

И надо сказать, не без успеха. Яну было комфортно. Он толком и сам не знал, чего ожидал, но здесь, в «Полянке», ничто не напоминало о бетонной стене в нескольких десятках метров отсюда.

После холодных коридоров Санкта-Патриции и белого кабинета Хёгсмеда он угодил в мир, переливающийся всеми цветами радуги, с кривыми детскими рисунками на стенах, с рядами желтых и зеленых сапожек в холле и большими ящиками, забитыми игрушками и книжками с картинками. Здесь было слишком тепло и немного душно, как и везде, где только что играли дети.

Ян работал во многих идеально чистых и светлых детских садах, но не успел он переступить порог «Полянки», как сразу почувствовал себя как дома. Здесь присутствовала некая особая гармония, которую почти невозможно определить словами. Одним словом, здесь было уютно.

Сейчас царила тишина — дети спали после еды. Именно поэтому у сотрудников появилась возможность собраться всем вместе.

Кроме Марии-Луизы в садике еще три воспитателя. Две женщины и мужчина. Лилиан, нервная молодая женщина с высокой темно-рыжей прической. В глазах у нее застыло горестное выражение, и она прилагала довольно много усилий, чтобы его скрыть, — говорила непрерывно, вставала, садилась и слишком громко смеялась. Вторая, Ханна, на редкость молчалива. Она лет на десять моложе, белая блузка и розовые джинсы — довольно красиво в сочетании со светлыми прямыми волосами.

Лилиан и Ханна совершенно непохожи, но, как выяснилось, у них есть общий интерес: не успев выпить кофе, пошли на улицу — покурить. Стояли у низкого забора, курили, о чем-то разговаривали, Лилиан говорила, а Ханна согласно кивала. Похоже, у них вполне доверительные отношения.

Мария-Луиза проследила за его взглядом, увидела курящую парочку и нахмурилась. Но когда женщины вернулись, на лице ее по-прежнему играла приветливая улыбка.

Чаще всего она улыбалась четвертому сотруднику, молодому парню по имени Андреас. Он не курит, пользуется снюсом. Широкие плечи, большие заскорузлые руки... Скорее напоминает строительного рабочего, чем воспитателя детского сада, но излучает спокойствие и надежность. Его, похоже, вообще ничто особенно не волнует. Скала, а не парень.

Главный врач Хёгсмед тоже задержался выпить кофе. Представил Яна, сказал, что выбор пал на претендента муж-

ского пола — из чего Ян сделал вывод, что был как минимум еще один кандидат. После этого Хёгсмед замолчал и представил говорить другим.

А о чем, собственно, говорить? Правила он только что прочитал и не собирался их нарушать — по крайней мере, сегодня. Про больницу Святой Патриции говорить нельзя. Про детей нельзя. Так о чем же говорить?

— А кто была святая Патриция? — спросил он.

Доктор уставился на него:

— Святая, разумеется.

— Да, но что она такого сделала, чтобы стать святой? И когда жила? Вы не знаете?

Никто не проронил ни слова.

— У нас здесь святые — большая редкость, — мрачно проронил Хёгсмед и криво усмехнулся.

Опять повисло молчание. Ян спросил Марию-Луизу, как организовано рабочее время.

— «Полянка» работает круглосуточно, — ответила она и опять улыбнулась, точно в факте круглосуточной работы было что-то веселое. — У нас троих детей не забирают, так что они и ночуют здесь. — Она помолчала. — Один воспитатель остается на ночь. Как вы на это смотрите, Ян?

— Нормально.

Яну показалось, что кто-то постучал в окно, и он быстро обернулся. Дождь. Капли косога дождя отскакивали от стекла, как маленькие алмазики. Отсюда видны часть стены и крыша больницы.

— У вас есть семья? — услышал он голос Лилиан — и понял, что вопрос адресован ему.

Вопрос неожиданный. А ей-то что? Но Ян рефлекторно улыбнулся:

— Можно сказать... Младший брат учится на врача в Лондоне. И мать в Нордбру. А жены, если вы это имели в виду... жены нет. И своих детей нет.

— Подруга? — быстро спросила Лилиан.

Ян открыл было рот, чтобы ответить, но в разговор вмешалась Мария-Луиза.

— Это чересчур личный вопрос, Лилиан, — сказала она беспокойно.

Ян отметил, что ни у Лилиан, ни у Ханны обручальных колец нет. Он покачал головой. *Нет*. Пусть догадываются, что это значит. То ли подруги у него нет, то ли не хочет отвечать на этот «чересчур личный вопрос».

— А как вы проводите свободное время, Ян? — Доктор Хёгсмед.

— По-разному... интересуюсь музыкой, сам немного играю на ударных. И рисую.

— Рисуете что?

Ян помедлил немного — почему-то именно этот вопрос, а не любопытство Лилиан, показался ему «чересчур личным».

— Комиксы... старое пристрастие.

— Вот как... для какой-нибудь газеты?

— Нет... для себя. Работы — начать и кончить.

— Покажите детям. — Мария-Луиза дружелюбно улыбнулась. — Мы им очень много читаем.

Ян кивнул, хотя сильно сомневался, захотят ли дошкольники рассматривать и читать его серию о Затаившемся. Слишком много ненависти.

В спальне кто-то тихо вскрикнул. Мария-Луиза насторожилась, Андреас повернул голову и прислушался.

— Похоже, Матильда, — тихо произнес он.

— Да... — подтвердила Мария-Луиза. — Ей постоянно что-то снится.

— Все время фантазирует, — кивнула Лилиан.

Все затихли — прислушивались к звукам из спальни, но крик больше не повторился.

Хёгсмед потер глаза и посмотрел на часы:

— О'кей, Ян. Вам, должно быть, пора домой?

— Да... конечно. Надо успеть на поезд.

Он понял намек — Хёгсмед хочет его выпроводить и выслушать мнение остальных воспитателей: что они думают о новичке?

— Я позвоню вам, Ян. Номер у меня есть.

Ян приветливо улыбнулся и обменялся рукопожатиями со всеми.

Осенний дождь кончился.

У бетонной стены никого не было. Но само здание клиники казалось живым. Серо-зеленый фасад потемнел от дождя, и Санта-Патриция нависла над «Полянкой» как каменный колосс. Голем.

Он остановился у стены и еще раз посмотрел на больницу. Смотрел долго — вдруг чья-то тень мелькнет в одном из окон, лицо или рука прижмется к стеклу? Ничего похожего. Он словно очнулся — а если его заметит кто-то из охранников и решит, что он сумасшедший?

Он в последний раз оглянулся на «Полянку» и пошел дальше.

Бетонная стена произвела на него неизгладимое впечатление, но он заставил себя о ней не думать. Попытался сосредоточиться на «подготовительной школе». Маленький дом со спящими детьми.

Это всегда так — детские сады похожи на оазисы мира, доверия и защищенности.

Он и в самом деле хотел получить место, хотя нервы были напряжены до предела. Пристальный и даже подозрительный взгляд Хёгсмеда, шапочный тест.. и, самое скверное, разговор насчет его профессиональной биографии.

Но то, что случилось в «Рыси», в «Полянке» не повторится.

Тогда он был молод. Двадцатилетний воспитатель, к тому же немного не в себе.

5

Ливень кончился, ушел на север; осенний воздух в Валле чист, холоден и прозрачен. Городок лежит в низине, как в кастрюле, окруженный со всех сторон невысокими холмами. Ян опять миновал квартал вилл, перешел мост через железную дорогу и спустился в деловой центр. Тут было полно подростков и пенсионеров. Молодежь толпилась у магазинов, пожилые отдыхали на лавках. Собаки на поводках, голуби у корзин с мусором. Детей, как ни странно, почти нет.

До поезда в Гётеборг оставался час, так что вполне есть время прогуляться. Почему-то в первый раз за все эти недели он задумался: а каково это вообще — жить в Валле? Если получит работу, придется сюда переехать.

Ян вышел на неизбежную в каждом городке Стургатан¹, и тут же в кармане внезапно зазвонил телефон. Он отошел к кирпичной стене, чтобы не мешал ветер, и нажал кнопку.

— Ян? — Скрипучий бессильный голос. Мать. — Что ты делаешь? Ты в Гётеборге?

— Нет... устраиваюсь на работу. Собеседование.

Ему почему-то всегда было трудно разговаривать с матерью. Все, что он говорил ей, сразу начинало казаться «чересчур личным».

— Звучит неплохо. В городе?

— Нет... за городом.

— Тогда не буду беспокоить...

— Ты не беспокоишь. Все прошло хорошо.

— А как Алис?

— Нормально... старается.

— Хорошо бы вы как-нибудь заехали вместе.

Ян промолчал.

— Скажем, попозже, осенью.

Никакого упрека в голосе. Одинокая вдова мечтает повидать взрослого сына.

— Хорошо... осенью. Я поговорю с Алис.

— Желаю удачи. И помни: важно не только, понравился ли ты. Важно, чтобы и тебе понравилось. Работодатель и все прочее.

— Спасибо, мама... — Он поспешно нажал кнопку отбоя.

¹ Стургатан (*Storgatan*) — в буквальном переводе Большая, или Главная, улица.

Алис. Как-то раз Ян случайно упомянул это имя в разговоре с матерью, и в ее сознании постепенно сформировался образ подруги сына. Никакой Алис в его жизни нет, это выдуманная фигура... и вот теперь мать хочет с ней встретиться. Надо собраться с духом как-нибудь и рассказать ей, как все обстоит на самом деле.

Интересно, где же здесь церковь? Полно всяких магазинов в центре, а церкви нет. И погоста не видно.

Симпатичное здание городского музея с кафе на первом этаже. Ян зашел, купил большой сэндвич и сжевал его с кофе, наблюдая, как подходят и уходят автобусы.

Он не знает в Валле ни единого человека — это как? Пугает его? Или, наоборот, привносит чувство свободы? Преимущества очевидны. Можно начать совершенно новую жизнь и, отвечая на вопросы, откуда он и как жил раньше, самому выбирать фрагменты и детали из своей прошлой жизни. И чем меньше деталей, тем лучше. Можно вообще ничего не говорить. И тем более об Алис Рами.

Но ведь именно преклонение перед ней и привело его сюда.

Впервые он услышал про больницу Святой Патриции в начале июня. У него тогда кончалось заместительство в подготовительной школе в Гётеборге.

Как обычно, среди воспитателей Ян был в единственном числе — остальные женщины. Они-то и пригласили его в ресторан — хотели отблагодарить, как было торжественно заявлено, за приятное сотрудничество. Он принял приглашение. Вечер получился веселым, у него было хорошее настроение. А потом... Ян и сам не знал, что на него нашло, — он

позвал их в свою крошечную однокомнатную квартирку в Юханнеберге.

Позвал... на что? Он почти не пил, ему попросту не нравился вкус алкоголя.

— У меня есть чипсы дома... хотите зайти?

Все пять дам встретили его предложение с энтузиазмом. Он вел их по лестнице и уже ругал себя за легкомыслие.

— У меня не очень прибрано... к сожалению.

— Неважно! — хихикали не совсем трезвые коллеги.

Дневник его лежал в ящике письменного стола, там же и наброски к многосерийному комиксу «Затаившийся». Так что прятать ему ничего не надо было. Разве что портреты Алис Рами. Если бы он знал заранее, что придут дамы, он бы и их спрятал, но уже в прихожей они увидели обложку диска в рамке, в кухне — афишу концерта и большой плакат в комнате. Ян помнил историю этого плаката — он нашел его в приложении к музыкальному журналу несколько лет назад и приколот булавками рядом с книжной полкой.

Черно-белое изображение. Рами стоит, широко расставив ноги, на маленькой сцене, взлохмаченные волосы инфернально подсвечены софитом, другие члены группы угадываются сзади, изображения их размыты, похожи на привидения. Ей двадцать лет, и она зажмурилась от света. А выражение лица... будто рычит в микрофон.

Это единственный предназначенный для фанатов плакат, который ему удалось разыскать. Другие выпускают такие постеры десятками.

Одна из воспитательниц, чуть постарше Яна, остановилась у плаката.

— Рами? — спросила она. — Тебе она нравится?

— Конечно, — ответил Ян. — Музыка, конечно... а ты ее слышала?

Она кивнула, не отводя глаз от изображения.

— Я помню ее первый диск... но ведь уже порядочно с тех пор прошло, или как? И никакого продолжения не последовало.

Ян молча кивнул.

— А теперь она в больнице.

Он уставился на нее. Что значит — в больнице?

— В какой-то психушке. Кажется, называется больница Святого Патрика. Здесь, на западном побережье.

У Яна перехватило дыхание. Алис Рами в психушке? Он попробовал представить ее в смиренной рубаше — и, как ни странно, легко представил.

— А откуда ты знаешь?

Она пожала плечами:

— Слышала от кого-то. Уже давно... несколько лет назад. Точно не помню... а может, просто слухи.

— А почему... ты не знаешь? Почему она туда попала?

— Понятия не имею. Но, должно быть, выкинула что-то. Это же такая больница... закрытого типа.

Ян опять кивнул.

Больница Святого Патрика. Хотел расспросить поподробнее, но ему не хотелось, чтобы они приняли его за одного из этих одержимых фанов. Он давно уже пытался отыскать следы Алис Рами на различных форумах в Интернете,

но ничего так и не нашел. И вот сейчас, случайно, услышал что-то конкретное.

А потом ничего не происходило. Лето продолжалось, Ян искал работу. Регулярно читал анонсы в «Гётеборгс Постен». Кое-что его интересовало, но, как правило, место было уже занято.

И вот в начале июля появился этот анонс. «Полянка». Мало чем отличающееся от подобных объявление, но адрес заставил его вздрогнуть: главный врач Хёгсмед, администрация судебно-психиатрической клиники Святой Патриции в городке Валла. Меньше часа езды от Гётеборга.

Ян читал и перечитывал объявление.

Детский сад в судебно-психиатрической клинике?

Зачем?

И сразу вспомнил — бывшая сотрудница говорила о «больнице Святого Патрика» на западном побережье. Должно быть, перепутала. Что делать святому Патрику в Швеции? Это же не Ирландия...

И он позвонил доктору Хёгсмеду.

Почему бы нет? Он ищет работу. Ни одна из его попыток пока результатов не принесла. Что мешает попробовать еще раз?

6

Телефон зазвонил в четверть девятого. Ян еще был в постели.

— Доброе утро, Ян! Патрик Хёгсмед из клиники Святой Патриции. Я вас не разбудил?

Голос энергичный, напористый.

— Нет-нет... ничего страшного, — сказал Ян и поморщился, настолько хрипло и вяло прозвучал его ответ. Он плохо спал, снились странные сны. Была ли во сне Алис Рами? Он не уверен... какая-то женщина была, она стояла на сцене в темной меховой шубке, а потом спустилась в огромный ящик...

Главврач вернул его к действительности:

— Хочу вам рассказать — мы в «Полянке» поговорили вчера немного после вашего ухода... то есть я и персонал школы. Очень полезный разговор. Потом я вернулся в клинику, подумал, поговорил с руководством... в общем, мы приняли решение.

— Да?

— Я хотел спросить: можете ли вы приехать? Обсудим условия... и хорошо, если бы вы приступили к работе уже в этот понедельник.

Жизнь иногда меняется мгновенно. Три дня спустя Ян вернулся в Валлу — город, которому предстоит стать его новым домом. Но с домом пока что не складывалось.

Он стоял в тесной прихожей. Квартира забита мебелью и большими картонными коробками. Трешка в одном из немногих многоквартирных домов.

— Жильцы у нас в основном пожилые. — Между штабелями коробок к нему пробралась тетушка с серебряными волосами. Такая маленькая, что Яну пришлось наклониться. — Семей с детьми почти нет... все тихо и мирно.

— Хорошо... — Он прошел в комнату.

— Четыре тысячи сто, — сказала хозяйка. — Контракт второй руки, сами понимаете. Я почти ничего не добавляю

к тому, что сама плачу, так что торговаться бессмысленно... зато квартира полностью меблирована.

— О'кей.

Полностью меблирована? Мягко сказано. Скорее, *за-*
блирована. Ян никогда не видел столько барахла в одной квартире. Стулья, шкафы и комоды стоят вдоль стен, как солдаты в строю. Больше напоминает мебельный склад, чем квартиру. В какой-то степени это и есть мебельный склад. Мебель и картонные ящики принадлежат сыну этой тетушки, а он сейчас живет в Сундсвале.

Ян открыл буфет в кухне — батарея бутылок из-под рома, коньяка, водки и разнообразных ликеров. Все пустые.

— Это не мои, — быстро оправдалась хозяйка. — Остались после предыдущего жильца.

Он закрыл дверцу буфета:

— А кладовая есть на чердаке?

— Там стоят велосипеды внуков. Значит, вы заинтересовались?

— Так... немного.

Он уже говорил с квартирным бюро — в этом месяце свободных квартир не будет, а срок ожидания контракта первой руки больше полугода. В рубрике «Сдается» в местной газете нашлось только одно объявление — эта самая сверхмеблированная квартира.

— О'кей, я согласен, — сказал он.

Поев, Ян сел на поезд в Гётеборг. Взял из мастерской свой старенький «вольво», доехал до магазина ИКЕА и купил несколько картонных ящиков.

За выходные погрузил свою собственную мебель на прицеп и отвез на свалку. Ему уже тридцать, но у него почти ничего нет. Никакой собственности. И почти ничего, что ему хотелось бы сохранить, к чему бы он был привязан. Что ж... это тоже своего рода свобода — ничего не иметь.

Переехав в трехкомнатную, он распихал по углам хозяйкины коробки и картонки, что-то спрятал в гардероб, за диван и под диван. Более или менее похоже на *дом*.

Он захватил свой наклонный мольберт. И почти двести листов комикса о герое, которого назвал Затаившимся. Он мусолит эту серию уже пятнадцать лет, но пообещал себе — здесь, в Валле, закончит ее. Финал уже виден: Великая битва Затаившегося с его врагами — Бандой четырех.

Понедельник девятнадцатого сентября выдался ясным и солнечным, даже бетонная стена вокруг Санта-Психо выглядела не так мрачно. В четверть девятого утра Ян во второй раз прошел через стальные ворота.

Его принял главврач. С глазами у него на этот раз все в порядке, взгляд внимательный и даже пристальный.

— Поздравляю с первым рабочим днем, Ян.

— Спасибо за доверие, докт... Патрик.

— При чем здесь доверие? Вы оказались лучшим из соискателей.

И опять они прошли через анфиладу запертых дверей — на этот раз в отдел кадров. Ян подписал несколько бумаг. Теперь он — сотрудник клиники судебной психиатрии Санта-Патриция.

— Вот и все, — пожал плечами Хёгсмед. — Пойдем теперь на ваше рабочее место?

— С удовольствием.

И опять через ряд дверей, опять через стальную калитку в грозной бетонной стене. Ян не удержался, чтобы не обернуться на Патрицию. По пути Хёгсмед прочел маленькую лекцию:

— Учреждение основано в конце девятнадцатого века, причем сразу было построено как больница для умалишенных... потом название сменилось. Здесь, кстати, широко применяли лоботомию и принудительную стерилизацию... но теперь все перестроено и модернизировано.

Ян машинально кивал, осматривался украдкой. Едва отошли от стены, поднял голову и опять увидел зарешеченные окна верхнего этажа. Он сразу вспомнил Рами и почему-то еще одно имя, названное таксистом: Иван Рёссель.

— А больные только на верхних этажах? — спросил Ян. — Или распределены по всему корпусу?

Хёгсмед предостерегающе поднял руку:

— Мы никогда не обсуждаем эти темы.

— Понимаю, — спохватился Ян. — Конечно, конечно... само собой. Я и не собирался ничего спрашивать о каком-то конкретном больном... просто интересно, сколько же их?

— Больше ста. — Главврач помолчал немного и продолжил уже не так жестко: — Интерес ваш мне вполне понятен... это очень по-человечески. Мало кому приходится близко сталкиваться с психиатрической клиникой.

Ян промолчал.

— Насчет нашей работы могу сказать вот что, — продолжил доктор. — Она далеко не так драматична, как многие

представляют. *Business as usual*... обычная работа. В основном обычная. У большинства наших больных тяжелые психические расстройства, травматические переживания, навязчивые идеи. Потому они и здесь. Но! — Хёгсмед вновь поднял указательный палец. — Но! Это вовсе не значит, что больница забита выкрикивающими что-то нечленораздельное, вопящими и плачущими людьми. Наши больные спокойны и вполне способны на контакт. Они знают, почему они здесь, и я бы сказал, они этим довольны. У них не возникает даже мысли о побеге... ну, может быть, не у всех, но у подавляющего большинства. — Он открыл калитку детсада и задержался. — Могу сказать еще одно. Многие из наших больных страдают наркоманией, поэтому в клинике никакие препараты не используются.

— Вообще никакие? А лекарства?

— Лекарства мы применяем, но только по назначению врача, и они раздаются в строго определенных дозах... мы также ограничиваем телефонные контакты и сидение у телевизора.

— Развлечения запрещены?

— Ну что вы... бумага, карандаши без ограничений. Многие пишут или рисуют. Есть радио, большая библиотека... музыка, само собой.

Ян тут же вспомнил Рами с гитарой.

— И я уже говорил: если у наших пациентов есть дети, мы поощряем регулярное общение. И сами больные, и дети нуждаются друг в друге... чувство защищенности, семейные ритуалы, распорядок дня... У них в жизни не так много этого...

Хёгсмед открыл дверь и опять поднял указательный палец.

— Распорядок дня — решающий фактор в жизни человека. Так что можете себе представить важность вашей работы.

Ян кивнул. Важная работа, продуманный распорядок.

За дверью кто-то пискнул и послышался залиvistый смех.

Ян шагнул в дверь.

У него было прекрасное настроение. Он совершенно успокоился. Когда предстояла встреча с детьми, у него всегда было прекрасное настроение.

«РЫСЬ»

В Нордбру Ян жил в паре километров от детского сада. Дорога шла через парк. Впрочем, это был парк только по названию. Настоящий лес — густой ельник, низкие холмы, обжитое птицами глубокое озеро в низине. Обычно он ездил на работу на велосипеде, но когда был запас времени, предпочитал идти пешком, а в свободные дни гулял в лесу. Он знал все тропинки и проселки, иногда забирался на холм и долго смотрел на бурную птичью жизнь на озере.

И во время одной из таких прогулок он обнаружил заброшенный бункер.

Бункер был вмурован в склон горы со стороны озера. Никакая тропинка к нему не вела, а сейчас, осенью, его почти невозможно было заметить — похоже на земляной холм, засыпанный ветвями, хвоей и багровыми кленовыми листьями. Но Ян, случайно оказавшись рядом, увидел кусок ржавого швеллера. Раскидал листья и землю — железная дверь в бетонной скорлупе, низкая, не выше метра. Гостеприимно приоткрыта. Он решил заглянуть.

Темнота давила на глаза. Бетонные стены показались ему очень толстыми, не меньше нескольких дециметров.

Цементный пол, как ни странно, оказался совершенно сухим. Ян встал на четвереньки и, как заправский спелеолог, пролез внутрь.

Внутри было довольно просторно — помещение пробили в горной породе, и бетонировать гранитные стены не было нужды.

Кто-то здесь побывал до него, но давно. В углу пожелтевшие газеты и банки из-под пива. Ничего больше. Оказалось, что и окна есть — узкие бойницы под потолком, забитые листвой и землей. Ян решил, что это что-то вроде армейского наблюдательного пункта. Или построили на всякий случай огневую точку. Память о «холодной войне».

Он выбрался наружу и прислушался. Иногда ему попадались такие же любители лесных прогулок, но сейчас никого не было. Только слабый шум ветра в кронах деревьев.

Ниже входа в бункер тянулся длинный вал. Ян подошел поближе и увидел, что это искусственная насыпь, почти незаметная за бурьяном и древесной порослью; по форме насыпь напоминала гигантский золотой слиток, какими их показывают в кино. Рельсов не было, но Ян решил, что это остатки железной дороги, проходившей здесь много десятилетий назад. Скорее всего, дорогу провели для строительства бункера. Может, для подъемного крана. Или вагонеток с выбранной породой.

Он пошел вдоль насыпи, которая очень скоро ушла в узкую расщелину в скале и там закончилась. Уперлась в ржавую железную решетку. Решетка была закрыта, но Яну удалось ее открыть. Он поднялся по некрутому склону на холм,

огляделся, посмотрел на птичье озеро и понял, что место ему знакомо.

Ели росли очень плотно, но он увидел тропинку, прошел пару сотен метров и увидел детский сад, тот самый детский сад, где работал. Зеленый штакетник, несколько детишек уже играют во дворе: родители привели их пораньше, чтобы успеть на работу. Все вместе — и из группы «Рысь», и из группы «Бурый медведь». Он заметил маленького Вильяма — тот забрался на самый верх шведской стенки и широко развел руки — показывал всем, что не боится.

Храбрый мальчонка. Ян обращал на него внимание, когда обе группы играли вместе. Едва ли не самый маленький и щуплый, но обязательно должен бегать быстрее всех и лазать выше всех.

Ян посмотрел на Вильяма и подумал про бункер.

Так все и началось: не как разработанный план заманить ребенка в лес, а как случайная мысль, игра воображения. Мысль, которой он ни с кем не делился.

7

— Здесь рабочая схема посещений клиники, Ян. — Мария-Луиза показала на дверцу холодильника. — Мы обязаны ее придерживаться, изо дня в день и даже из часа в час. Иногда мы оставляем ребенка с родителем, через час приводим другого, а того забираем.

На прикрепленном магнитиком листе стояли имена, даты и точные часы, когда того или иного ребенка следовало отвести в больницу. Магнитик Яну понравился: наивная, но кокетливая коровка с розовым бантиком на шее.

На самом верху Лео: понедельник, 11—12. Потом Матильда: понедельник, 14—15. И наконец, Мира и Тобиас: 15—16.

Пока еще только без четверти девять.

— Мы их провожаем, — продолжила Мария-Луиза, — и встречаем. — Но бывают случаи, когда к нам приходит другой родитель... и тогда они идут вместе.

Ян кивнул. *Другой родитель*. Она говорит о матери или отце, которые остались на свободе. О тех, кто не сидит за решеткой.

Он уже встречался с ними. Они сидели в раздевалке в ожидании своих детей, которые не жили постоянно в «Полянке». Но кто они — биологические родители? Или приемные? Спрашивать запрещено. Как правило, аккуратно одетые женщины и мужчины, от тридцати и старше. Некоторые наверняка уже на пенсии.

Ян по опыту знал: когда детей оставляют в садике, начинаются слезы и капризы. А родители, как правило, преувеличенно веселы и разговорчивы, пытаются заглушить чувство стыда, что покидают своего ребенка. Но здесь, в «Полянке», если кто и переживает, то скорее взрослые... может, из-за бетонной стены? Тень ее падает на всех.

А дети? Дети застенчивы. Улыбаются, прячутся друг за друга, рассматривают нового человека, стоящего рядом с их фрекен, воспитательницей. В течение многих лет работы в садах Ян привык — детишки всегда любопытны, даже по глазам видно. Если ребенку неинтересно — значит, заболел. В отличие от взрослых, дети не умеют скрывать чувства.

— Жаль, ты... мы здесь все на «ты», ничего? Жаль, ты пропустил нашу пятиминутку, — сказала Мария-Луиза, проведя Яна по всем помещениям.

— А что это за пятиминутка?

— Пятиминутка называется «Хорошее настроение». Мы собираемся каждый понедельник по утрам и рассказываем, кто как себя чувствует. Пятиминутка и пятиминутка... занимает, естественно, минут пятнадцать, — она улыбнулась, — ну, ничего, в следующий понедельник догонишь.

Ян молча кивнул. Ему вовсе не хотелось углубляться в размышления о своем самочувствии.

— Ну что? Хочешь приступить к работе прямо сейчас?

— Конечно. С удовольствием.

— Вот и хорошо. Тогда, мне кажется, лучше начать с чтения.

Она предоставила Яну покопаться в ящике и выбрать книгу. Ян вытащил чуть не с самого дна «Эмиль и супница»¹.

— Почитаем?

Он поставил себе стул у стены и сел. Дети постепенно оставили игрушки и собрались вокруг него. Уселись на маленькие табуреточки и смотрят выжидающе и настороженно. Он их понимал — новый дядька.

— Хорошо... кто помнит, как меня зовут?

Молчание.

— Неужели никто?

Дети молча уставились на него.

— Ян, — прошептала девочка с единственным передним зубом.

¹ Рассказ из серии повестей Астрид Линдгрен «Эмиль из Лённеберги». В русском переводе рассказ называется «Как Эмиль угодил головой в супницу».

Она сидела чуть ближе, чем остальные. Матильда, вспомнил он. Это Матильда. Лет пять, прямой пробор и длинные рыжеватые косички.

— Правильно, молодец. Меня зовут Ян Хаугер. — Он поднял книгу и показал: — А это книга про Эмиля... Эмиля из Лённеберги. Вы с ним знакомы?

Ребятишки дружно закивали. Какое-то подобие контакта.

— А вы читали, как Эмиль застрял головой в супнице?

— Да...

— Много раз!

— Да!

На этот раз громко. Уже хорошо.

— Так может быть, вы не хотите слушать еще раз?

— Хотим! — Дружный хор детских голосов.

Ян улыбнулся. Все дурное мигом забывается, когда смотришь детям в глаза. Будто они вобрали весь свет в мире и щедро возвращают его нам. Тупым и равнодушным взрослым.

Он открыл книгу и начал читать.

Дело шло к полудню. Ян быстро понял, что распорядку дня, или *рутине*, как они говорят, здесь придают очень большое значение. После чтения вслух дети должны гулять. Взяли куртки, надели сапоги и вышли во двор. Больше половины захотели играть в пятнашки, и Яну выпало водить. Всю застенчивость как ветром сдуло — он гонялся за ними вокруг песочницы и сарая, а дети визжали от счастья и притворного страха. Двор небольшой, но очень зеленый, траву и кусты еще не тронуло осеннее увядание. Асфальта нигде

не видно, а гравием посыпана только узкая тропка к входной двери.

Отсюда тоже видно больницу, с торца. Стены нет — только высокий, метров пять, забор из стальной решетки, но на самом верху тоже змеится колючая проволока под током.

— Догоняй! Догоняй!

Яну весело. Он поднимает широко расставленные руки, как настоящий монстр, и охотится за детьми. Они прячутся в маленькой игрушечной хижине в другом конце двора, он притворяется, что не видит, а потом внезапно заглядывает за угол и ухает, как тролль: «У-у-у!»

Дети раскраснелись, Ян тоже. И вдруг он остановился как вкопанный. Улыбка исчезает. За высоким забором больницы кто-то стоит и смотрит на них.

Высокая и худая пожилая женщина в черном плаще за металлической оградой судебно-психиатрической клиники Святой Патриции. Из-под пальто видны белые тонкие ноги. В одной руке ажурные грабли для сгребания листьев, а другую просунула через железное звено ограждения.

Она смотрит прямо на Яна. Бледное лицо и темные-пре-темные глаза, такие же темные, как плащ, то ли печальные, то ли ненавидящие. Отсюда не видно.

— Ян?

Он вздрагивает и поворачивает голову — из окна ему машет Мария-Луиза.

— Пора отводить Лео... хорошо бы, чтобы ты пошел со мной, посмотреть, как это происходит. Для первого раза. Хочешь?

— Разумеется... конечно, да.

Мария-Луиза кивает и закрывает окно.

Ян быстро оборачивается — женщина с граблями исчезла. За оградой никого нет. Только большая неряшливая куча сухих листьев.

Режим дня в действии. Дети возвращаются с прогулки, снимают сапожки и тут же направляются в игровые комнаты. Ян всегда поражался, насколько дисциплинированны могут быть детишки, когда знают, чем заняться.

Наконец все успокоилось, и Мария-Луиза поглядела на часы:

— Время...

Она достала магнитную карточку из кухонного шкафа и провела Яна в раздевалку.

— Лео! — крикнула в пространство, и Лео, как по мановению волшебной палочки, появился на пороге.

Оказалось, рядом с шеренгой крючков для верхней одежды есть еще одна дверь — Ян ее раньше не видел, а может, и видел, но не обратил внимания. А может, и обратил, но не задумался, что же там, за этой дверью.

Мария-Луиза вставила карточку в прорезь и набрала четырехзначный код:

— Тридцать один-ноль-семь. Мой день рождения. Тридцать первого июля.

Прямо от порога вниз шла довольно крутая бетонная лестница.

Мария-Луиза зажгла свет, повернулась и с улыбкой протянула руку Лео:

— Ну что, Лео? Пойдем к папе?

Лео не было во дворе, когда они играли в пятнашки. Лет пяти, в коротких синих штанишках со множеством кармаш-

ков. Худенький, тоненькие ножки. Он доверчиво взял Марию-Луизу за руку, и они начали спускаться по лестнице — осторожно, ступенька за ступенькой. Ян последовал за ними.

— Закрой за собой дверь, Ян.

Он прикрыл дверь, и словно выключили радио — детский писк и смех разом смолкли.

Лео держал за руку Марию-Луизу и молчал. Обстановка к болтовне не располагала.

Лестница была недлинной, ступенек двадцать, не больше, и заканчивалась в небольшом подвале, откуда начинался узкий подземный ход. Бетонный пол в туннеле выстлан синей дорожкой. Видимо, тот, кто проектировал этот туннель, понимал, что оптимизма он не внушает, поэтому постарался выкрасить стены в яркие краски и развесить картинки.

Цветная тушь, определил Ян. Сам бы он ни за что не смог нарисовать что-то подобное — рисунки были слишком уж радостны. Хохочущие крысы купаются в бассейне, слоны курят огромные трубки, моржи играют в теннис. Ян вдруг подумал, что всем этим веселым зверушкам не выбраться из туннеля. Даже если бы они очень этого захотели.

— Вот так. — Мария-Луиза остановилась. — Пришли, Лео.

Весь путь — не больше пятидесяти метров. Ян мысленно прикинул направление — скорее всего, они прошли под стеной и сейчас над ними здание больницы. Направо — белая дверь лифта с узким окном. Подземный ход тянется еще восемь — десять метров, а дальше под прямым углом сворачивает направо.

Мария-Луиза помогла Лео открыть дверь лифта. Ян сделал шаг вперед, но заведующая покачала головой.

— Дети могут ехать одни, если хотят, — сказала она.

Ян кивнул. Жаль. Ему, конечно, не по себе, но он хотел бы побывать в комнате свиданий, как они ее называют. Комната свиданий родителей с детьми.

— Если хотят?

— Ну да. Иногда мы провожаем их — опять же, если они хотят. Решает воспитатель, но вместе с ребенком.

Ян заглянул в лифт. Металлическая кабинка. Две кнопки: «Вверх» и «Вниз», сканер для магнитных карт и красная лампа тревоги. Камер наблюдения не видно — ни на стенах, ни на потолке.

Мария-Луиза зашла в кабинку, сунула в щель карточку, нажала на кнопку «Вверх» и вышла.

— До встречи, Лео! — крикнула она в задвигающуюся дверь. — Скоро увидимся...

Ее интонация показалась Яну чересчур бодрой, точно она хотела скрыть беспокойство.

Маленькая мордашка промелькнула в узком окне.

— Ну вот и все, — сказала Мария-Луиза серьезно. — Лео надо забрать через час... хочешь сделать это сам, Ян?

— С удовольствием.

— Вот и хорошо, — она снова заулыбалась, — я поставлю в кухне будильник... чтобы ты не проспал. Они отсылают детей точно по часам, так что очень важно, чтобы ты к этому времени уже был на месте.

Они вновь прошли по туннелю, поднялись по лестнице и очутились в раздевалке.

Мария-Луиза сложила руки рупором и крикнула:

— Время фруктов!

Совместное поедание фруктов входило в распорядок дня.

Кое-кто из детишек скорчил недовольную мину, но большинство бросились в столовую, отталкивая друг друга. Борьба... вечная борьба.

Всё, как и в любом детском саду.

Ян чуть не каждую минуту поглядывал на будильник. Он думал о маленьком Лео, оставшемся один на один со своим осужденным к принудительному лечению папой.

8

В «Полянке» не было камер наблюдения. Это хорошо. Но и телевизоров он тоже почему-то не видел.

— Телевидение? — серьезно переспросила Мария-Луиза. — Нет-нет, только радио. Если мы заведем телевизор, дети прилипнут к мультикам. Нет ничего хуже пассивности. Пассивные дети всегда несчастны.

В игровой шум и гам. Дети расстелили на полу толстые маты для прыжков и играют в кораблекрушение. Маты — это плоты, а за них цепляются спасшиеся моряки. Ян тут же включился в игру. После подземной экскурсии это было особенно приятно.

На стене висело объявление, написанное аккуратным почерком Марии-Луизы. Дети, конечно, не могли его прочитать, но объявление предназначалось для них.

В «ПОЛЯНКЕ»

мы всегда говорим взрослым, куда идем;
когда мы разговариваем или играем, принимать участие могут все;

мы никогда и ни о ком не говорим плохо;
мы не ссоримся и не деремся;
мы никогда не играем с оружием.

Лилиан тоже с детьми, они перепрыгивают с мата на мат — спасаются от акул. Она, как и Ян, получает удовольствие, но время от времени он замечает грусть в ее взгляде.

Хотел было спросить ее, в чем дело, что ей не по душе, но она его опередила:

— Тебе здесь нравится, Ян?

Вопрос задан так, что ей, похоже, и вправду есть до него дело. Вполне искренно.

— Ты имеешь в виду — в Валле? Я же только что переехал... Но вроде бы все ничего. Красиво...

— А что ты делаешь по вечерам?

— Ничего особенного... Так... музыку слушаю иногда.

— А друзей у тебя здесь нет?

— Нет... пока нет.

— Приходи в бар «У Билла» вечером... Это в гавани. У них неплохая группа.

— Бар «У Билла»?

— Я там почти каждый вечер. Работники из Святой Патриции тоже туда ходят. Там кого угодно можно встретить.

Может, и правда начать ходить в кабак... как это называется? Социализация? Он никогда не ходил в кабаки... а почему бы и нет?

— Ну что ж... хорошая идея, — сказал он вслух.

И они продолжили акцию по спасению потерпевших кораблекрушение.

Наконец в кухне заверещал будильник. Хорошо, он этого ждал. Ян взял карточку, открыл дверь и пошел в туннель.

Никого. Все те же картины на стенах.

Без пяти двенадцать. Окошко лифта темное — Лео еще там.

Он замер.

Поезжай наверх. Поезжай и посмотри, что там делается, в Санкта-Психо.

Нет. Не надо рисковать.

Ян стоит с карточкой в руке и смотрит туда, где туннель резко сворачивает направо. И что же там, за углом? Еще один ход в клинику?

Лифт с Лео еще не пришел. Ян медленно, все время оглядываясь, доходит до поворота. Через несколько метров коридор упирается в массивную стальную дверь с большой железной ручкой. Надпись: «УБЕЖИЩЕ». И чуть пониже и помельче: «Дверь всегда должна быть заперта».

Убежище... Ян знает, что это такое. Подземный бункер. Он вспоминает маленького Вильяма, усилием воли отгоняет воспоминание и нажимает на ручку — та, как ни странно, поддается. Дверь можно открыть.

Но как раз в эту секунду он слышит звук тронувшегося лифта, быстро отпускает ручку и возвращается.

Лео отправили вниз. Шлюз, вспомнил он слова Хёгсмеда. Мальчик пытается сам открыть дверь, но сил не хватает, и Ян ему помогает:

— Все хорошо, Лео?

Лео молча кивает. Ян берет его за руку, и они начинают обратный путь. В «Полянку».

— Сейчас будет пение... тебе нравится петь, Лео?

— М-м-м...

Лео как будто немного подавлен. Но выглядит так же, как и до свидания с отцом. А что ты хотел увидеть, Ян? Порванную одежду? Расцарапанное до крови лицо? С какой стати?

Они подошли к лестнице. Ян достал карточку, покосился на Лео и все же рискнул спросить:

— Хорошо было встретиться с папой?

— М-м-м...

— Что же вы делали?

— Разговаривали... папа очень много говорит, — неожиданно сообщил мальчик. — Все время.

— Вот как?

Лео кивнул и пошел по лестнице:

— Он говорит, все его ненавидят.

9

Первую неделю Ян работает с восьми до пяти. Каждый день. И каждый вечер возвращается в темную квартиру. Ему не привыкать — всю свою жизнь он возвращался в пустую тихую квартиру. Но на этот раз квартира даже не его. Ни разу не возникло чувство, что он пришел *домой*.

Иногда он садится к столу, и тогда продолжается вечная борьба Затаившегося с Бандой четырех. Но чаще всего устает настолько, что плюхается в кресло перед телевизором.

Ян уже знает имена всех детей — Лео, Матильда, Мира, Фанни, Катинка... и так далее. Он уже знает, кто разговорчив, кто молчалив, кто начинает злиться, когда падает, а кто плакать, кто предпочитает говорить, а кто — слушать.

У детишек столько энергии! Если их не заставить сидеть смирно, они всегда в движении, всегда куда-то торопятся. Ползают, бегают, прыгают, копаются в песочнице, лазают по шведской стенке или качаются на качелях, желательно все сразу.

— И я хочу! Еще давай!

Конечно, дети сражаются за внимание взрослых. Но Ян ни разу не замечал, чтобы кого-то не приняли в игру, оттолкнули, чтобы кто-то ушел в себя, как он когда-то.

Группа казалась совершенно гармоничной, близость Санкта-Психо почти не ощущалась. Но время от времени звонил будильник в кухне — кого-то надо отвести к лифту или забрать. Но это тоже входило в распорядок дня, хотя Ян особенно внимательно присматривался к Лео. Похоже, отец его — законченный параноик. *Все его ненавидят...*

По средам они ходят на прогулку в лес, который начинается сразу за границей больничной территории. Надевают на детишек желтые светоотражающие жилеты и цепочкой выводят за калитку. Во многих детских садах теперь используют длинный канат с петлями. У каждого своя петля. Но в «подготовительной школе» придерживались доброго старого способа: дети шли парами, взяв друг друга за руки.

Ян всегда немного нервничал на этих прогулках, но что делать... по крайней мере, он не один, Мария-Луиза и Андреас рядом. Они шли сквозь заросли уже пожелтевшего папоротника — здесь тропинка пролегла совсем рядом со стальной оградой торца Санкта-Патриции.

Мария-Луиза взяла его за локоть:

— Надо следить, чтобы дети не подбежали близко к ограде.

— Почему?

Она поморщилась:

— Сирены завоют... они закопали там кучу всякой электроники.

— Электроники?

— Ну да... детекторы движения, или как они там называются.

Ян кивнул и посмотрел на ограду. Никаких детекторов не видно. С внутренней стороны посажены ели — скорее всего, как защита от любопытных глаз. Но все же он разглядел за деревьями посыпанную гравием дорожку и какие-то желтые, низкие, похожие на бараки строения. Ни души.

Он вдруг вспомнил женщину в черном у ограды. Ее темные глаза... как у Алис Рами. Но Рами его ровесница, а эта как минимум вдвое старше.

Дети вообще не обращают внимание на ограду, они топают в своих осенних пуховиках, держатся за руки и обсуждают находки на обочине тропинки: муравьи, корни деревьев, сухие листья.

Внезапно Ян услышал тихое журчание. Широкий ручей с черной, бегущей извивающимися жгутами водой. Прямо крепостной ров. Он огибает заднюю сторону больницы и поворачивает на юг. Интересно, успокаивает ли больных шум бегущей воды?

Через ручей переброшен маленький деревянный мостик с перилами. Детишки парами переходят его и направляются к лесу.

— Ой, посмотри!

Трехлетняя Фанни отпустила руку напарника и остановилась, разглядывая что-то на земле. Ян подошел к ней.

Под высоким деревом сквозь слой сухих листьев пробились розовые ростки, напоминающие высунувшиеся из земли пальцы.

— Посмотрите все, — сказал Ян. — Это такой гриб. Похож на пальцы. Назовем его «палечник», хотя по-научному он называется «коралловый гриб».

— Это пальцы?

— Нет, конечно. Просто похоже на пальцы.

Фанни осторожно протягивает руку, но Ян ее останавливает:

— Оставь его, Фанни. Пусть растет... к тому же он может быть ядовитым.

Девочка молча кивает, тут же забывает про гриб и догоняет остальных.

Ян провожает ее взглядом.

Переводит дыхание и начинает думать о детишках в «Рыси», хотя вовсе не хочет о них думать. Потерять ребенка на прогулке очень легко. Тропа теряется между двумя елями, на секунду ослабил внимание — и все. Нет ребенка. Как в воду канул.

Но сегодня, кажется, все спокойно.

Дети держатся все вместе, дубы и березы растут не так плотно, как ели, к тому же на детях пронзительно-желтые светоотражающие жилеты.

Мария-Луиза непрерывно разговаривает с малышами. То показывает листья на земле: это клен, это дуб, это береза, то задает вопросы. Наконец хлопает в ладоши:

— А теперь — игры! Только далеко не убежать.

Дети разбегаются. Феликс и Теодор гоняются друг за другом, Маттиас хочет присоединиться, спотыкается о корень, падает, но тут же встает.

Ян мечется между деревьями, все время пересчитывает желтые жилеты.

Вдруг он слышит звонкий смех. Натали, Жозефин, Лео и маленький Хуго собрались кружком и разглядывают что-то

на тропинке. У Лео и Жозефин в руках палочки, они ковыряют что-то на земле. Увидев Яна, дети замирают и смущенно улыбаются. Жозефин переглядывается с Лео, и они убегают в кустарник. С криками и хихиканьем.

Ян подходит поближе.

Что-то маленькое, похоже на кусок тряпки. Но это не тряпка. Это лесная мышь.

Она лежит с открытой крошечной пастью между листьев и умирает. Мягкая шерстка в пятнах крови. До Яна вдруг доходит — мышь убили дети. Они проткнули ее своими палочками во время игры.

Игры? Какая это игра? Садистский ритуал. Хотели почувствовать свою власть над жизнью и смертью.

Рядом никого нет. Надо что-то делать, как-то прекратить страдания зверька. Ян отодвигает носком ботинка маленькое тельце и оглядывается в поисках подходящего камня. Поднимает его обеими руками и прицеливается.

Не убий, успевает он подумать, но все равно швыряет камень изо всех сил.

Всё.

Он оставляет камень в кустах и возвращается к группе. Все уже собрались. На губах Лео по-прежнему играет довольная улыбка.

Дети играли в лесу около часа, потом вернулись в «Полянку» той же дорогой: через мост, вдоль ограды.

Сняли куртки и дисциплинированно пошли мыть руки, после чего Ян проводил Катинку к лифту на свидание с матерью. Посадил в лифт и вернулся — час сказок. По расписанию дня — час сказок.

Он выбрал «Пеппи Длинныйчулок» и особенно обратил внимание на рассуждения Пеппи: если ты по-настоящему большой, значит, должен быть по-настоящему добрым.

Закончив читать, он попросил Натали, Жозефин, Лео и Хуго задержаться, попросил их сесть в кружок на пол и сам сел рядом:

— Я видел, как вы играли в лесу сегодня.

Дети улыбались, как ему показалось, смущенно... Или просто не поняли, о чем он.

— И вы оставили кое-что на тропинке... маленькую мышку.

Наконец-то сообразили. Жозефин показывает пальцем на Лео:

— Это он на нее наступил!

— Она была больная! Лежала на тропинке и не шевелилась.

— Шевелилась, шевелилась! Она *ползла*...

Ян послушал, как они переругиваются, и продолжил:

— А теперь мышка умерла. Теперь она уже не ползет.

Дети затихли и уставились на него.

— И как, вы думаете, она себя чувствовала перед смертью? — Молчание. Ян смотрит им в глаза, всем по очереди. — А кому-нибудь жалко эту мышку?

Молчание. Все смотрят в пол, кроме Лео. Лео смотрит на него... если бы мальчик был постарше, Ян сказал бы, что вызывающе.

— Вы тыкали палками в живую мышку, она была вся в крови. И неужели никому ее не жалко?

После паузы самый маленький, Хуго, робко кивает.

— Хорошо, Хуго... еще кто-нибудь?

Натали и Жозефин не сразу, но тоже кивают. Лео отводит глаза и бормочет что-то. Что-то насчет папы и мамы.

— Что ты сказал, Лео? — Ян нагнулся к нему, чтобы лучше слышать.

Лео молчит. Можно, конечно, прижать его, но тогда он начнет плакать.

Папа делал с мамой то же самое.

Неужели он так сказал? Ян решил, что ослышался. Хотел переспросить, но решил — не надо.

— Хорошо, что мы об этом поговорили, — сказал он вместо этого.

Дети поняли, что разговор окончен, и брызнули в разные стороны.

Поняли ли они хоть что-то? Он сам на всю жизнь запомнил урок, который преподал ему учитель, когда ему было восемь и они с приятелями играли в нацистов. Маршировали по школьному двору, кричали «Хайль Гитлер!» и чувствовали себя крутыми — как же! Маршировали в такт, не сбиваясь. Учитель подошел к ним и произнес слово, которое они никогда до этого не слышали.

— Аушвиц! — крикнул он. — Вы что, не знаете, что там было? Вы не знаете, что делали нацисты с людьми в Аушвице? С взрослыми и детьми?

Никто не знал. И тогда он рассказал им про набитые людьми товарные поезда, про печи крематориев, про горы обуви и одежды. На этом игры в нацистов закончились.

Ян встал и пошел в игровую — час пения. Распорядок... он был почти уверен, что там, в отделениях Санкта-Патриции, тоже все подчинено распорядку дня. День за днем. Все и всегда в одно и то же время, по наезженной колее.

Дети мучали мышку не со зла — Ян отказывался верить, что это был их злой умысел, хотя сам в школе иногда чувствовал себя именно такой мышкой, когда встречал парней из старших классов в коридоре. Пощады он не ждал, да ее и не было.

«РЫСЬ»

Прошла неделя с тех пор, как Ян обнаружил лесной бункер, и он решил привести его в порядок.

Он действовал очень осторожно. Дождался захода солнца и шел к обрыву над озером. Не меньше двух недель ходил туда со щеткой и мешками для мусора, на всякий случай спрятанными в пластиковый пакет. Забирался по круче, заползал в отверстие и работал. Пыль, паутина, газеты, пивные банки — все это он собирал, подметал, грузил в мешки и выносил.

Когда ничего, кроме голых каменных поверхностей, не осталось, Ян открыл настежь железную дверь. Проветрил как следует и положил в углу ароматизирующие брикеты. В бункере запахло розами.

Стоял уже октябрь. С каждым днем мертвые листья все гуще засыпали склон. Геометрически правильный бетонный угол бункера оказался окончательно похороненным под саваном сухой листвы и выглядел как часть горы. Заглубленная железная дверь не выдавала его местонахождения — не было угла зрения, откуда можно было бы ее разглядеть.

Самым сложным оказалось обустраивать бункер так, чтобы никто ничего не заметил. Работать приходилось ночью, но Ян уже выучил дорогу в ельнике наизусть и даже в фонаре не нуждался.

Матрас. Хоть и найден в мусорном контейнере, но почти новый, никаких запахов. Одежда и подушки куплены в мебельном магазине, но он содрал ярлыки и дважды выстирал.

Игрушки Ян принес в рюкзаке. Тоже куплены в магазине, абсолютно безликие, из тех, что производят в неведомых азиатских странах миллионными тиражами: две машинки, мягкий большой лев, книжки с картинками.

И уже под конец он раздобыл большую и довольно тяжелую игрушку. На упаковке было написано «РОБОМАН». В магазине коробка стояла на верхней полке в обществе пожарных машин, космического корабля и водяных пистолетов. *Дистанционное управление! Приводится в действие голосом! Запиши свое собственное сообщение и смотри, как движется и разговаривает Робоман!*

Пластмассовый робот и в самом деле имел дистанционное управление, поднимал руки и был довольно устойчив. Ян попытался мысленно вернуться на пятнадцать лет назад, когда ему было пять, — конечно, он пришел бы в восторг от Робомана! Куда лучше, чем всякие плюшевые мишки или даже живая кошка или собака...

Он просто-напросто украл Робомана. Довольно нахально: в проходе никого не было, он быстро достал робота и пульт из коробки и переложил в пакет из другого магазина. Кассирша даже не глянула на него, и никто его не остановил. Магнитная метка, скорее всего, была на коробке.

Робот стоил почти шестьсот крон, но дело было даже не в деньгах. Если бы он его купил, кассирша на допросе обязательно вспомнила бы его.

— Робоман? Да... его купил очень приятный молодой человек, немножко похож на учителя. Да, я его наверняка узнаю...

10

Иногда их «подготовительная школа» напоминала зоопарк.

Начиналось всегда во второй половине дня, когда все уставали. У кого-то из детей, почти всегда у мальчиков, ни с того ни с сего возникал припадок гиперактивности. Ребенок начинал носиться по комнате, крушить построенные другими дома из кубиков «лего».

Так и в эту пятницу — в Лео точно бес вселился. Он швырнул подушку в лицо Феликса. Феликс заревел и швырнул подушку обратно. Потекли слезы, всю группу будто наэлектризовали. Все кидаются подушками, бросаются друг на друга. Девочки плачут и визжат.

— Успокойтесь!

Призыв, само собой, никакого результата не возымел. Дети носились по комнате, и просторная игровая вдруг стала напоминать тесную клетку с обезьянами.

Никого из воспитателей, кроме Яна, на месте нет, и он почувствовал, как в нем поднимается волна паники. Он выдыхает, встает посреди комнаты и, как проповедник, громко и четко произносит:

— Успокойтесь! Успокойтесь сейчас же!

На этот раз помогло — визг и плач прекратились, дети словно очнулись — все, кроме Лео. Он, вытаращив глаза, лупит подушкой направо и налево. Ян ловит его и прижимает к груди. Он чувствует себя как укротитель зверей.

— Успокойся, Лео! Пожалуйста, успокойся!

Маленькое теплое тельце бьется в его руках. Лео постепенно успокаивается. Зверь укрощен, из малыша точно выпустили воздух.

— Меня беспокоит Лео, — сказал Ян Марии-Луизе в кухне, пока они собирали посуду после обеда.

— Почему?

— В нем очень много злости.

— Избыток энергии, — улыбается заведующая. — В нем энергии на троих и даже больше.

— А вы знаете хоть что-то о его родителях? Они живы? Мне кажется, его отец...

Мария-Луиза вытирает руки и предостерегающе поднимает ладонь:

— Мы здесь об этом не говорим...Ты же знаешь, Ян.

Вечером после работы Ян сидит перед телевизором и пытается расслабиться, но из этого мало что получается. Сосед за стеной, наверное, уже начал праздновать уик-энд — слышны музыка и звяканье посуды.

Первая неделя в «Полянке» закончилась. Надо бы тоже отпраздновать, но настроение у него вовсе не праздничное. Непонятно почему — все вроде бы идет гладко, начали складываться вполне теплые отношения с сотрудниками, никаких проколов не допущено.

Он поставил диск Алис Рами и подкрутил громкость, чтобы заглушить шум за стеной. Его любимый лот — баллада «Тайная любовь», она даже не поет ее, а почти шепчет.

*Вспоминай, вспоминай — и увидишь память,
Поднимись на чердак — и услышишь память.*

*Молись, играй — все равно тебе будет ее не хватать,
Тайной любви, заблудившейся в мрачной пустыне.*

Она поет о любви, которой не бывает. О невозможной любви. Если ему суждено когда-нибудь встретиться с Рами, обязательно спросит — возможна ли такая любовь?

Если ему суждено с ней встретиться! Как? Только проникнув в Санкта-Психо. Через подвал. Может быть, через подвал. Или еще как-то. Всегда найдется возможность. Важно решиться.

Ян подошел к окну. На парковке за домом ни души. Полно машин, но ни единого человека. Двенадцать «вольво», включая его собственную, семь «саабов», две «тойоты» и один «мерседес». Люди приехали с работы и разошлись по своим домам. Сидят на кухне, ужинают. Или смотрят телевизор. А кто-то, может, вяжет или разбирает коллекцию почтовых марок.

Но Ян в одиночестве.

Вот так. Он несколько раз мысленно произнес это опасное слово. Что ж, надо сдаваться. Он одинок, и, самое главное, он *чувствует* себя одиноким.

Друзей в Валле у него нет. Это факт. И делать ему совершенно нечего.

Собственно, и не хочется ничего делать. Сидеть на диване и слушать Рами. Но на полу громоздятся все еще не распакованные картонные ящики... Вот этим он и займется.

В одном из ящиков он находит старую толстую тетрадь и пачку газетных вырезок. Это его собственный дневник, он вел дневник, когда был подростком. Не особенно регулярно — с перерывами, иногда по несколько месяцев.

Он открывает дневник и пишет обо всем, что произошло за последнее время: переезд в Валлу, одиночество, новая работа и мечта, что эта новая работа приведет его к Рами.

На обложке тетради скотчем приклеена фотография — старый поляроидный снимок. Краски поблекли. Светло-русый мальчуган смотрит в объектив с больничной койки. Это он сам. На снимке ему четырнадцать лет.

11

В субботу после ланча Ян в первый раз спустился в общую для жильцов многоквартирного дома прачечную и встретил соседа — пожилой седой дядька с седой же бородой.

Как всегда, задним умом — надо было бы заговорить с ним, а не просто молча кивнуть, как-никак новый сосед, живут в одном доме.

Через плечо у старика висел большой холщовый мешок с какими-то красными буквами. Ян присмотрелся. ЧЕЧНА НКТА ИЦИ. Остальные буквы скрывались за складками ткани. Он уже подошел к машине, и вдруг в мозгу его сформировались слова.

ПРАЧЕЧНАЯ САНКТА-ПАТРИЦИЯ.

Неужели? Проверять поздно. Не догонять же соседа — вы, дескать, позвольте мне прочесть надпись на вашем мешке? Тот уже и дверь за собой захлопнул, и Ян остался наедине с машинами, сушилками и собственным грязным бельем.

Белье постирано и высушено. Он поднимается в квартиру и пробует освободить место: убирает картонные коробки, подметает, передвигает хозяйкину мебель. Ужинает в кухне, безразлично наблюдает, как на городок опускается ночь.

Что дальше? Возвращается в гостиную, включает старый телевизор. Плывут дельфины... наверное, какой-то документальный фильм. Оказывается, дельфины далеко не такие добрые и приветливые, как мы привыкли думать.

Голос диктора: *дельфины охотятся в стае, часто их добычей становятся тюлени и другие животные.*

Через полчаса он выключает телевизор. Тишина... нет, не полная тишина. Где-то в доме опять празднуют. Ухающая музыка... ум-па, ум-па... кто-то со всего размаха хлопнул дверью. Смех, голоса.

Может быть, взяться за Затаившегося? Когда же наконец он доберется до Банды четырех и покончит с ними?

Праздник за стеной в самом разгаре. Ян включает стереосистему, чтобы заглушить пьяные выкрики. Подходит к окну.

Надо иметь хобби. Или пойти на вечерние курсы.

Какие курсы? Учить французский? Осваивать укулеле?

Нет. Он выключает стерео, надевает черный пиджак для солидности и выходит из дому.

Один за другим зажигаются фонари. Довольно холодно. Четверть девятого. Чуть не из каждого дома слышна музыка — суббота. Все пируют. Все, у кого есть друзья.

Приходи в бар «У Билла», сказала Лилиан. Я там каждый вечер.

Он идет пешком. Хочет посмотреть свой новый город... на что здесь смотреть? Небольшой шведский городок, никаких сюрпризов. Пиццерия, евангельская церковь — нашлась, наконец... мебельный магазин. В пиццерии сидят несколько подростков, остальные магазины уже закрылись, освещены только витрины.

Через магистральное шоссе перекинут пешеходный мост, а по другую сторону моста — гавань. Он бы с удовольствием посидел на пирсе, наслаждаясь вечерним бризом. Но территория гавани окружена заграждением, почти таким же высоким, как стена вокруг Санта-Психо...

Забудь Санта-Психо. *Санта-Патриция*. Санта-Патриция, и только Санта-Патриция. Никаких Санта-Психо.

Если он будет употреблять кличку в мыслях, рано или поздно выскажется вслух.

Узкие улицы, можно было бы назвать их морским кварталом, но ничего интересного или романтического в них нет. Низкие здания явно промышленного назначения, потрескавшийся асфальт.

Около деревянного дома припаркованы несколько машин. Над входом красная неоновая вывеска. Бар «У Билла».

Он задержался перед входом. Ходить по вечерам в бар — это не хобби. Не курсы. В бар могут ходить даже самые одинокие в мире существа — и оставаться такими же одинокими.

Он открывает тяжелую дубовую дверь.

В баре темно и жарко, грохочет рок, глухие голоса. Тени рыскают по стенам, цепляются друг за друга и снова расходятся. У него появляется чувство, что в любой момент может начаться скандал. Та же игровая комната, только для взрослых.

Хорошие дети уже спят.

Ян расстегнул пиджак, огляделся и тут же вспомнил лот из «Рокси Мюзик».

Одиночество в толпе.

Попробовал вспомнить, когда в последний раз был в баре, — и не вспомнил. Одиночество в толпе. Нигде он не чувствовал себя так одиноко. Бар... Помещение, где полно не-

знакомых тебе людей, они болтают о чем-то, смеются... и здесь так же. Не то чтобы он подумал, что все эти люди близко знакомы между собой, что они — лучшие друзья, но выглядело именно так. В баре «У Билла» все выглядело так же, как и в любом другом баре.

Ян протолкался к стойке между отяжелевшими телами. Это оказалось довольно трудно, никто не хотел его пропускать. У сцены, где играла местная рок-группа, собралось довольно много энтузиастов.

Он протянул деньги:

— Легкое пиво, пожалуйста.

Классический прием — если ты один, заговори с барменом. Но тот ухватил двадцатку, протянул ему кружку и куда-то умчался.

Ян отпил пару глотков, и мрак немного рассеялся. Во всяком случае, у него есть собеседник. Кружка пива. Лучший друг пьющего человека. Беда в том, что он почти никогда не пил, а пьяным вообще не был ни разу. Может, напиться? Только чтобы посмотреть, что из этого выйдет?

Ничего. Ничего из этого не выйдет. Добредет неверной походкой домой и наутро будет скверно себя чувствовать. Он втайне завидовал людям, которые позволяют себе напиваться, не думая о последствиях. Он бы так никогда не смог. Потерять самоконтроль настолько, чтобы утонуть в собственном бассейне, как рок-звезда? Или попасть в психушку, как Рами?

Мысль о Рами заставила его собраться. Он осмотрелся. Вспомнил, что ему сказала Лилиан. *Работники из Санта-Патриции тоже туда ходят. Там кого угодно можно встретить.* Скорее всего, охранники и санитары...

Ян делает еще несколько глотков. Ему кажется, пиво отдает духами. Оказывается, пиво ни при чем — по обе стороны от него стоят две девушки лет по двадцать пять.

Высокие и красивые. Тут-то и надо показать себя во всей красе, но он чувствует себя маленьким мальчиком.

Эта, справа, пахнет лепестками роз. Черный свитерок, длинные темные волосы, пьет что-то лимонно-желтого цвета. Взгляды их встречаются, но она быстро отводит глаза.

Другая, слева, пользуется чем-то с ароматом мандарина... вполне рождественский запах. Желтая блузка и блестящий золотистый жакет. Золотая девушка. Зеленые глаза, бокал с грушевым сидром. Ян поглядывает на нее, и она слегка улыбается. С чего бы это?

Глаз, во всяком случае, не отводит. Ян наклоняется к ней и пытается перекричать музыку:

— Я — здесь — в — первый — раз!

— Что?

Он наклоняется еще ближе:

— В первый раз!

— Здесь, в баре? Или вообще в городе?

— И тут и там. Приехал несколько дней назад. Никого не знаю!

— Это пройдет, — улыбается она. — Здесь очень интересно. Сплошные сюрпризы!

— Ты так думаешь?

— А то! Я такие вещи спинным мозгом чую.

Поворачивается и исчезает в толпе, как косуля в лесу.

Ну вот. Короткий разговор, и у Яна поднялось настроение. Ему всегда было очень трудно начать разговор с незнакомцами. Что ж, народ здесь, в баре, вполне дружелюбный.

Продолжай налаживать контакты, неожиданно сформулировал внутренний голос. Он заказал еще кружку пива и отошел от стойки. Подальше от немилосердного грохота местных рокеров.

Почти все столы заняты. Места для него нет.

Он находит пустой стол, садится и смотрит на танцующих.

Поздравляю с началом новой жизни... Это уже было и раньше. Можно менять работу, переезжать из города в город, но ничего не меняется. То же тело, тот же обмен веществ, та же память...

— Привет, Ян!

Незнакомая женщина. То есть как незнакомая, это же Лилиан! Лилиан из «Полянки». Прошло несколько секунд, прежде чем он ее узнал. Большой бокал пива в руке.

В последние дни она выглядела очень уставшей, а сейчас в нее словно впрыснули хороший заряд энергии. Черный джемпер с большим вырезом, блестящие, щедро подведенные глаза — наверняка не первый бокал за вечер.

— Как тебе моя татуировка? — весело спрашивает она и показывает на висок.

Оказывается, Лилиан намалевала на щеке черную змейку. Змейка извивается и протягивает раздвоенный язык к глазу.

— Хорошо.

— Не пугайся... она не ядовитая.

Лилиан хрипло смеется и, не спрашивая разрешения, присаживается к нему за стол:

— Значит, нашел... быстро сориентировался.

— Ты же сама подсказала. «У Билла». Ты одна?

— С приятелями... — Она пожимает плечами. — Но они ушли, как только «Богемос» появились... — Лилиан кивает в сторону группы. — Уши у них чувствительные.

— Приятели? С работы?

— С работы? — фыркнула Лилиан. — Это кто же? Мария-Луиза?

— А она сюда не ходит?

— Мария-Луиза? Да ты что! Она дома.

— У нее дети?

— Муж и собака. Она-то... она общая мама, ты же заметил. Общая мама всех детей в детском садике... ой, прости, — Лилиан в притворном испуге прикрывает рот рукой, — в *подготовительной школе*... да и наша заодно. «Просто замечательно», «лучше не бывает»... мне кажется, ей за всю жизнь не пришло в голову ни единой шальной мысли.

Яну вовсе не хотелось обсуждать, какие мысли кому приходят в голову и почему.

— А Андреас?

— Иногда бывает... редко. У него дом, сад и женушка. Живут так, будто сто лет женаты.

— Это замечательно... а Ханна?

— Ханна иногда приходит. — Лилиан опускает глаза и начинает рассматривать стол. — С ней-то у меня все замечательно на работе... она, можно сказать, моя подруга.

Музыка внезапно замолчала. «Богемос», судя по всему, закончили на сегодня — начали сматывать кабели.

— Значит, она хороший человек? Ханна?

— Еще бы, — быстро отвечает Лилиан. — Она добрая. Ей только двадцать шесть... молоденькая. И малость сумасшедшая.

- Как это — малость?
- Выглядит такой тихоней, а на самом деле личная жизнь у нее... ого-го.
- В смысле, с парнями?
- Лилиан поджмивает губы:
- Я не сплетница.
- Но она здесь тоже бывает?
- Иногда... со мной. Но ей больше нравится «Медина Палас».
- «Медина Палас»?
- Ночной клуб в Валле. Шикарный... почти как Санта-Патриция.
- А ты считаешь Патрицию шикарным заведением?
- Конечно. Шикарный отель.
- Ян пытается понять, что она имеет в виду.
- Послушай... Каждая койка в Санта-Психо стоит четыре тысячи спенн в день. Четыре ты сячи спенн! Не пациентам, конечно, а нам, налогоплательщикам. Врачи, охранники, камеры, лекарства... за все платим мы. Больные даже не знают, как им хорошо... — Она криво улыбается. — Люкс-отель.
- И мы с тобой тоже работаем... не в самом люкс-отеле, а рядом.
- Вот за это и выпьем.
- Они болтали еще с четверть часа. Ян встал и изобразил подавленный зевок.
- Пошел домой.
- Еще по одной? — Лилиан странно, как в замедленной съемке, подмигивает.
- Не сегодня. — Он покачал головой. Тоже медленно, стараясь подладиться под нее.

Не сегодня. Эту неделю надо быть в форме. В среду у него вечерняя смена — а это значит, он впервые останется наедине с детьми.

12

— И как ты, Ян? — спрашивает Мария-Луиза. — Хочешь что-то рассказать нам?

— Конечно... только особенно нечего рассказывать. Со мной все в порядке.

— Никаких проблем? Ничем не хочешь поделиться с коллегами?

— Нет ... — Ян обводит взглядом коллег. Андреас, Ханна, Лилиан. — Никаких проблем.

— Это радует нас, Ян.

Понедельник. Пятиминутка «Хорошее настроение». Пятиминутка всеобщего взаимоумиления, как окрестил ее Ян. До прибытия детей персонал обсуждает собственное самочувствие.

Он впервые на таком собрании. Все смотрят на него, на новенького, и ему немного не по себе. Ему трудно одновременно расслабиться и о чем-то говорить.

— Я очень хорошо понимаю, какая важная и ответственная у меня работа, — сообщает он наконец, и пятиминутка всеобщего взаимоумиления заканчивается. Слава тебе, господи.

По распорядку дня — час сказок. И тут Алис Рами неожиданно подает признаки жизни. Если это и в самом деле так, если ему не показалось.

Неожиданно помогает маленькая Жозефин. Она тоже принимала участие в истязании мышки, но Ян пытается за-

быть этот случай, как и странное высказывание Лео насчет своего отца. *Папа делал с мамой то же самое.* Жозефин. Девочка как девочка. С куклой играет.

— Жозефин! — Он перебирает книги на полке. — Какую сказку тебе хотелось бы сегодня послушать?

Она кивает. Несколько раз.

— Почитай о Зверомастере.

— О ком, о ком?

— О Зверомастере!

Ян никогда в жизни не слышал о такой сказке. Жозефин идет к полке, роется в ящике с книгами и извлекает книгу — большую, как виниловая пластинка, но довольно тонкую. Он смотрит на заглавие — и правда «Зверомастер».

— Хорошо. Эту так эту.

Книга как книга, только имени автора почему-то нет, и картинка на обложке, похоже, нарисована карандашом от руки, очень бледно, — маленький остров в океане и башня маяка. Вообще, книга не типографская. Страницы скреплены самым обычным скотчем.

Он перелистывает книгу — на развороте текст занимает только левую половину, а на правой карандашные рисунки, тоже еле заметные.

Яну интересно — что это за книга? Ему самому уже хочется почитать про Зверомастера.

— Общий сбор! — кричит он. — Сказка!

Дети рассаживаются, устраиваются поудобнее на подушках. Ян присаживается на стул:

— Сегодня мы будем читать про Зверомастера.

— А кто это? — спрашивает Матильда.

Ян смотрит на Жозефин в ожидании подсказки. Но та молчит.

— Сейчас узнаем...

Он открывает книгу:

Жила была женщина по имени Мария Бланкер. Она умела делать зверей, но все равно была очень одинока. От одиночества она поселилась на крошечном островке в океане, а там, кроме нее, был только старый маяк, но он не светил. И вот стала она жить на этом острове. Построила хижину из выловленных в воде бревен и жила в ней.

Но на маяке тоже кто-то жил. На почтовом ящике стояло «Господин ЦИЛИЦИЛОН ВЕЛИКИЙ». Каждый вечер Мария слышала тяжелые шаги — кто-то спустился и поднимался по лестнице.

Мария не хотела прослыть невежей, поэтому она, как только поселилась на острове, постучала в дверь маяка. И, по правде сказать, обрадовалась, когда никто не открыл.

Откуда ему известно имя? Мария Бланкер?

И слово «Цилицилон» звучит как название препарата. Что-то медицинское.

Карандашный рисунок. Корявая бревенчатая хижина, на заднем плане — маяк. Бревна еле заштрихованы, они получились светло-серыми, будто выгоревшими на солнце. А маяк высокий и узкий, как спичка.

— Читай дальше!

Это Жозефин.

А маяк не светил, потому что свет его уже никому не был нужен. Уже не осталось кораблей, которым он мог

бы помочь. Повсюду в море проложили рельсы. Корабли шли по рельсам и сбиться с курса не могли. Но поблизости от ее острова рельсы еще не проложили, и Мария ни разу не видела корабля. От этого ей становилось еще более одиноко.

Никаких зверей на острове не было, но у Марии уже не было желания делать зверей, хоть она и умела.

Картинка на следующей странице: пустая комната. Никакой мебели, только стол и стул. На стуле сидит очень худая женщина с встрепанными волосами. Углы большого рта горестно опущены, черные морщины.

Вместо того чтобы делать зверей, она сажала морковь и картошку за домом. Пила чай с таминалом и собирала камни на берегу. Ей было очень одиноко, но она никогда больше не стучала в дверь маяка. Ей не хотелось встречаться с господином Цилицилоном, потому что с каждым днем шаги его по лестнице маяка делались все тяжелее и тяжелее.

Третий рисунок — зверомастер Мария стоит у маяка. Серая тень, похожая на привидение, и железная дверь. Лица почти не видно — размытое пятно. Может быть, ей страшно? Или очень грустно.

По ночам Марии снились все звери, которых она сделала, когда была молодой и веселой. Люди любили смотреть, как она достает из широких одежд самых разных зверей, радовались и хлопали в ладоши.

Но со временем ее звери становились все больше и больше, необычнее и необычнее, и Зверомастеру было

все труднее ими управлять. В конце концов Мария не решалась более создавать зверей.

Четвертый рисунок. Зверомастер Мария спит в своей постели, опять всего лишь серая, размытая тень. А над ней — другие тени, они переплетаются, ползут к черной дыре в стене.

В этом рисунке было что-то угрожающее, поэтому Ян скорее перевернул страницу и начал читать дальше:

Но в один прекрасный день случилось то, чего никогда раньше не случалось. Мария собирала камни на берегу и вдруг увидела корабль на горизонте. Волны несли его к берегу. Она тут же поняла, что корабль сошел с рельс. Когда корабль подошел поближе, Мария увидела, что на нем полным-полно детей. У всех мальчиков и девочек были голубые шлемы на головах и большие подушки на животе и на спине.

— И я хочу подушку на живот! — крикнул Видар.

— А что такое горизонт? — спросила Матильда.

— Горизонт — это где земля кончается, — объяснил Ян и повернул книгу к детям, в этом рисунке ничего страшного не было — узкая полоска позади корабля. — Собственно, это только так говорят: «земля кончается». На самом деле она не кончается, она круглая, как мяч. Это вы все знаете. Земля круглая, она продолжается и продолжается, пока в один прекрасный день не окажется у вас за спиной.

Дети молча смотрят на него. Неодобрительно — не надо было отвлекаться на лекцию по географии.

Корабль сел на мель у острова. Раздался страшный скрип, и дети начали прыгать на берег. Но Мария не ре-

шалась им показываться, она убежала в свою хижину, спряталась и заварила очень крепкий чай с таминалом. Она пила свой чай и прислушивалась к веселым крикам за дверью.

На картинке Мария присела на корточки у окна, закрытого клетчатой шторой, напоминающей решетку в клинике Святого-Патриция. Она наливает в большую кружку дымящийся чай. Он переливается всеми цветами радуги. Но что это за чай с таминалом?

– Привет! – Детский голос за окном.

Мария осторожно выглянула, но девочка стояла не у ее двери.

Она стояла у двери маяка.

И дверь была открыта.

В первый раз за все время, что она была на острове, господин Цилицион открыл свою дверь!

– Привет, меня зовут Амелия! Есть там кто-нибудь?

Опять рисунок — Мария смотрит в окно, чуть-чуть отодвинув штору. Перед черной дверью маяка стоит маленькая девочка в легком платье. В отличие от других, на ней нет шлема, а на животе и на спине нет подушек.

Дети притихли. Они явно взволнованы.

Ян переворачивает страницу:

Мария увидела в окно, как Амелия поднимается по ступенькам.

– Привет! – опять крикнула девочка.

Она уже на пороге.

И тогда Мария, не успев ни о чем подумать, создала Зверя-Защитника. Подняла руку к окну, другой прикрыла глаза, и получился Зверь-Защитник.

Ян ждал вопросов: что это еще за Зверь-Защитник? Он и сам не знал. Но дети молча ждали продолжения. И он продолжил.

Мария могла создать Зверя-Защитника для кого угодно, только она никогда не знала заранее, что это будет за зверь. Так что, когда она вновь открыла глаза, увидела, что Амелию обнимает огромная желтая лягушка с длинными волосатыми ногами.

— Привет, дружок! — гаркнула лягушка изо всех сил. — Не вчера это было! — схватила Амелию и в два прыжка унесла от двери маяка.

Мария выдохнула с облегчением и открыла дверь. Из маяка доносились тяжелые шаги.

— Быстро сюда! — И она втащила Амелию в дом. Зверь-Защитник остался на пороге.

Ян перелистнул страницу, начал читать первое предложение:

И тут послышался страшный рев, и на пороге маяка появился Цилицилон Великий...

И остановился. Взгляд его упал на рисунок на правой странице. Этот рисунок четче и увереннее других. Цилицилон Великий.

Чудовище. Монстр. Огромный, волосатый. На толстой шее ожерелье из отрубленных человеческих рук. Он поднял

руки — собирается броситься на Зверя-Защитника, а тот прижался к земле от страха, как сделала бы на его месте любая болотная лягушка.

Дети ждут продолжения. А что потом?

Ян не знает, что сказать.

— А потом... — Он пытается быстро придумать какой-нибудь спокойный конец. — Потом Мария со своей новой подружкой Амелией отводят детей на корабль, и они отплывают в целости и сохранности. — Он торжественно захлопывает книгу. — Вот и сказке конец.

— Неправда! — Это Жозефин. — Сказка не так кончается! Монстр сожрал...

— Сегодня сказка кончается так. А теперь — всем есть фрукты!

Дети неохотно поднимаются с подушек. Все, кроме Жозефин. Жозефин недовольна. Ян крепко сжимает под мышкой «Зверомастера» и, улучив момент, когда дети заняты персиками и сливами, прячет книгу в сумку.

Он хочет дочитать ее сам. Это не кража — взял почитать, потом вернет.

Вечером он перелистывает «Зверомастера» и открывает *Google*. Как он и предполагал, таминал и цилицилон — психотропные препараты. Антидепрессанты.

Мария Бланкер... Откуда ему знакомо это имя? Где он его слышал?

Ян достал диск Алис Рами — первый и единственный ее альбом. «Рами и Август». Внимательно прочитал текст на фут-

ляре. Все правильно, память его не подвела. Имена музыкантов, продюсеров... а в последнем ряду:

СПАСИБО МОЕЙ БАБУШКЕ КАРИН БЛАНКЕР.

Надо читать и перечитывать эту книгу, «Зверомастер», пока не выучит ее наизусть.

А может быть, не только читать? Он положил книгу на кухонный стол, покосился на стаканчик с карандашами, взял самый мягкий «Фабер Кастелл» и начал подправлять еле заметные, прямо-таки паутинные линии на рисунках. Рисунки постепенно становились все четче, тени — глубже, появились новые детали... ему доставляет огромное удовольствие эта работа. Кое-где нужна тушь. Лица он не тронул — лица остаются такими же нечеткими и размытыми.

Работа заняла весь вечер. Когда тушь высохла, он не удержался от соблазна и достал акварель и кисточки. Небо стало светло-голубым, море — тоже голубым, но потемнее. Мария осталась в белом платье, а Зверь-Защитник, огромная лягушка, стал бледно-желтым, как и сказано в тексте. Господин Цилицилон остался серо-черным.

Он работал до полуночи. Двенадцать рисунков. Он довольно потянулся, пошевелил затекшими пальцами. Хорошая работа. «Зверомастер» стал похож на настоящую книжку с картинками.

Теперь он совершенно уверен. Не кто иной, как Алис Рами, намечтала эту странную историю о Марии и Цилицилоне Великом. Там, за бетонной стеной. Может, ей и не понравится, что он сделал с ее книжкой, но у него такое чувство, что он ей помог. Она обрадуется, увидев его работу.

«РЫСЬ»

Убежище почти оборудовано, осталось кое-что подготовить.

К середине октября Ян проработал в детском саду уже почти четыре месяца, перезнакомился со всеми — и в «Рыси», и в «Буром медведе». Все женщины. Одна из них, Сигрид Янссон, была замечательным воспитателем — веселая, добрая, естественная, щедрая на выдумки, но слишком уж увлекающаяся и непоседливая. Когда Ян останавливался поговорить, она с удовольствием с ним болтала, даже не поглядывая в сторону играющих детей.

На недельной планерке, когда были утрясены все вопросы с рабочей схемой и меню, Ян поднял руку и предложил прогулку в лес — совместную, чтобы приняли участие дети и из «Рыси», и из «Бурого медведя». И предложил дату: в следующую среду. Он знал, что в этот день будут работать и он, и Сигрид. Он посмотрел на нее:

— Справимся, Сигрид? Ты и я... возьмем с собой бутерброды и выведем детишек в лес на пару часов?

— Конечно. — Она радостно улыбнулась. — Замечательно!

Ян прекрасно знал, что она согласится. И заведующая детсадом Нина ничего не имела против.

— Только проследите, чтобы дети оделись как следует, — кивнула она и сделала пометку в рабочей схеме: прогулка в лес.

И Ян улыбнулся. Бункер прибран и обставлен — все готово, не хватает только провианта.

Однако на следующий день он увидел маму Вильяма — она пришла забрать сына из садика. В нем что-то шевельну-

лось. Она на него не смотрела, но вид у нее был усталый, даже загнанный. Проблемы на работе?

Усталость, казалось, добавила ей человечности, и Ян в первый раз засомневался. Вся его затея переставала быть игрой.

Конечно, он рисковал своей работой в «Рыси»... но, с другой стороны, так ли это много? Заместительство все равно через пару месяцев кончится.

Хуже было другое. Он мог травмировать маленького мальчика. Ян размышлял об этом все оставшиеся дни, пока заканчивал последние приготовления: открыл железную дверь в бункере и решетку в ущелье, приклеил красные стрелки, как на соревнованиях по ориентированию.

Бункер должен быть как номер в гостинице: чистый, обжитой, с едой, напитками и игрушками. И конфетами, конечно.

13

— Ян! Ян! — кричат дети. Голоса веселые.

Яну очень нравятся детишки в «Полянке», и они тоже к нему привязались. Все замечательно.

Первая вечерняя смена начинается в час дня и заканчивается в десять вечера. Можно считать — генеральная репетиция перед ночным дежурством, когда он останется один с тремя детьми, которые сейчас живут в «Полянке» постоянно: Лео, Матильда и Мира.

Когда Ян пришел, Андреас гулял с детьми во дворе. На улице шесть градусов, и Андреас повязал толстый шерстяной шарф.

— Привет, Ян!

Руки в карманах джинсов. Крепкий и надежный, как скала под осенним ветром.

— Все спокойно?

— Спокойней некуда. Гуляем, как видишь.

Они дают детям поиграть еще с четверть часа и уводят их в тепло — по распорядку дня время ланча. Ланч доставляют в коробках с больничной кухни в Санта-Патриции.

Андреасу можно идти домой, но он не торопится. Наверное, по просьбе Марии-Луизы — присмотреть за новичком, как тот справляется.

Наконец Андреас прощается и уходит. Солнце уже начинает клониться к горизонту... дни с каждым днем короче и короче. Ян остается один. Теперь он, и только он, отвечает за «Полянку».

Все будет хорошо. Не в первый раз.

Он собирает детишек в комнате для игр:

— Чем бы нам заняться?

— Играть! — произносит Мира не допускающим возражений тоном.

— Во что?

— В зоопарк! — Девочка показывает в окно. — Как там.

Ян не сразу сообразил, что она показывает на заграждение больницы.

— Там не зоопарк.

— Ну да! Настоящий зоопарк, — по-прежнему уверенно говорит она. — Большой.

И Ян вдруг понимает, что дети никак не связывают свои посещения больницы с мрачным зданием за высоченной оградой.

И он не станет им это объяснять.

Самая главная обязанность в вечернюю смену — накормить детей ужином, проследить, чтобы они почистили зубы, и уложить спать. Ян сделал большие бутерброды с сыром для Матильды, Лео и Миры, достал из шкафа их пижамы и попросил переодеться. На улице темная безлунная ночь, хотя всего только полвосьмого. Дети устали, они без слов забираются в маленькие кровати в спальне. Они ее называют подушечной. Ян читает им на ночь сказку про бегемота, который поменялся местами с папой и стал воспитывать маленькую девочку... Глаза у детей слипаются, он захлопывает книжку.

— Спокойной ночи... увидимся завтра.

Ян прикрывает за собой дверь, останавливается и прислушивается. Тихое хихиканье... может, сказать им еще раз — пора спать? Нет, все тихо.

Еще одна обязанность — проветрить школу. Плотнo закрыть дверь в подушечную и настeжь открыть окна. Ян полной грудью вдыхает свежий вечерний воздух.

Из темноты доносится музыка. Это не ритмичное буханье диско с чужого праздника. Нет, он слышит старую, спокойную, немного грустную шведскую песенку. Откуда? Ян подходит к окну с задней стороны школы. За невидимым проволочным ограждением видит блуждающую светящуюся точку. Кто-то слушает радио и курит на площадке для прогулок.

Наши больные вполне способны на контакт, сказал ему доктор Хёгсмед.

Интересно, кто там курит? Больной или сотрудник? В темноте не различишь.

Ян закрывает окна. Чем заняться? Он проходит в комнату для игр. Ящики с книгами... Жозефин достала «Зве-

ромастера» из середины левого ящика. Он встает на колени.

«Зверомастер» обеспечил его работой. Сегодня с утра он закончил еще три рисунка. Когда все будет готово, положит обратно в ящик... Интересно, единственная ли это самодельная книга или есть и другие?

Он, не торопясь, вынимает по одной книге. «Пеппи Длинныйчулок», сказки братьев Гримм.

Вот... у самой стенки несколько тонких книжечек без имени автора: «Сто рук принцессы», «Ведьмина болезнь», «Вивека в каменном доме».

Он рассматривает книги. Точно такие же, как «Зверомастер», с нечеткими карандашными рисунками. Печальные сказки с одинокими героями. «Сто рук принцессы» — рассказ о принцессе Бланке. Ее замок утонул в болоте, но она спаслась — забралась в высокую башню и оттуда правит своим королевством. Единственное, чем она еще может управлять, — человеческие руки.

Главная героиня «Ведьминой болезни» — больная ведьма, она сидит в своей избушке и горюет, что разучилась колдовать.

«Вивека в каменном доме». Вивека, оказывается, старая женщина, она просыпается в огромном доме и сама не помнит, как туда попала.

Помедлив, Ян сует книги в свой рюкзак.

Через час появилась Мария-Луиза.

— Привет, Ян! — На ней шерстяная шапочка и шарф. Щеки горят. — Пришлось доставать зимние наряды. После захода солнца холодище — просто ужас!

Она прошла в комнату для сотрудников, без промедления достала из рюкзака вязанье и книжку под названием «Развивай свои творческие способности». Весело кивнула Яну и улыбнулась:

— Как ты понял, я тебя меняю. Можешь идти домой — и на боковую.

Покопавшись в рюкзаке, Мария-Луиза извлекает черный наглазник. Ян удивился:

— Ты собираешься спать?

— Еще как! — быстро отвечает она и опять улыбается. — Конечно! На ночном дежурстве можно спать. Только затычки в уши не вставляй, чтобы не проспать, если что...

Ян пытается сообразить, что значит это «если что», но она его опережает:

— Дети просыпаются иногда... страшный сон или что-то в этом роде. Приходится утешать. Вот и все. Но это бывает не часто.

— О'кей... а когда они просыпаются?

— Кто как. Есть настоящие сони... я встаю в полседьмого и бужу их в семь. Кормлю завтраком, и на этом ночной сме- не конец.

Ян прощается и уходит. Мария-Луиза мирно дирижирует спицами, дети спят. Санта-Патриция похожа на гигантский темный ангар за бетонной стеной.

Он отводит взгляд от стены и останавливается как вкопанный — прямо перед ним стоит человек. Темная фигура, и плащ черный или очень темный. Стоит под дубом у сточной канавы и не шевелится. В слабом свете фонарей лицо его выглядит, как размытое светлое пятно. Как рисунок из «Зверомастера».

Они стоят не двигаясь и смотрят друг на друга — Ян и ночной прохожий. Наконец незнакомец поднимает руку, и Ян различает тонкую веревку.

Собачий поводок.

А вот и собака — из-за мощного ствола старого дуба появляется белый пудель. Хозяин наклоняется и тщательно собирает в мешочек вклад своего любимца в окружающую среду. Потом кивает Яну, и они уходят. Примерный хозяин и симпатичный пудель.

Ян выдыхает.

Что это со мной? Здесь-то точно нет никаких психически больных преступников. Одни собачники.

Автобусы в центр уже не ходят, но ночной воздух так свеж, что он с удовольствием шагает по посадкам. Всего-то четверть часа ходьбы.

В доме почти все окна темные.

Мой дом, думает он, мысленно пытаюсь придать этому определению утвердительную интонацию, но получается плохо. Еще долго не получится.

Двумя этажами ниже его квартиры на балконе стоит мужчина и попыхивает трубкой. Это тот самый седой бородач с мешком из прачечной Санкт-Психо. Он посасывает трубку, выпускает густое облако белого дыма и, судя по всему, Яна не замечает. Погружен в свои мысли.

— Добрый вечер.

Бородач кивает, закашливается и кивает еще раз:

— А то!

И все. Странно.

Ян входит в подъезд, останавливается на втором этаже. «В. ЛЕГЕН», — гласит надпись на табличке. Ну что ж, по крайней мере, имя трубокура теперь известно.

Он поднимается к себе, оставляет в холле рюкзак с книгами, надевает пиджак и выходит на площадку.

К «Биллу». Ненадолго. Так, глядишь, и станет понемногу постоянным клиентом. Еще никогда и нигде он не был постоянным клиентом.

14

— За нас! — Лилиан поднимает кружку.

— За нас! — повторяет Ян тихо.

— Выпьем, — еще тише откликается Ханна.

Лилиан одним глотком опустошила полкружки.

— Тебе нравится «У Билла», Ян?

— Очень.

— А что именно?

— Как бы сказать... музыка.

Они говорят теперь очень громко, совсем как дети в «Полянке», — стараются перекричать грохот местных рокеров. «Богемос». Четыре не совсем юных парня в потрепавшихся кожаных куртках. У певца волосы собраны в светлый конский хвост, поет намеренно хриплым баритоном. На помосте, где они разместились со своим оборудованием, очень тесно, но иногда им все же удается сделать несколько танцевальных па, не споткнувшись о кабели. Никто их особенно не слушает, но в конце каждого лота публика щедро аплодирует.

Яну не нравится группа. Он предпочитает шепот Рами про одиночество и тоску, но аплодирует вместе со всеми.

Он поднимает кружку. На этот раз пиво алкогольное, и все пять процентов, один за другим, взлетают из желудка, как ракеты, и с легким приятным хлопком приземляются в голове. Мысли текут свободно и быстро.

Хорошо бы и вправду стать здесь завсегдаем, но Ян не мастер заводить ресторанные знакомства. Собственно, он раньше никогда и не пытался, но понял это только сегодня, пока проталкивался к бару и не мог заставить себя поглядеть хоть кому-то в глаза. Ему всегда трудно было чувствовать себя непринужденно среди взрослых. С детьми легче.

Как бы то ни было, он заказал вторую кружку и удостоился дружелюбного кивка бармена. И не успел вернуться за столик, к нему подсели невесть откуда взявшиеся коллеги: Ханна с влажными голубыми глазами и рыжая Лилиан.

— Ты один, Ян?

Ян взвесил, не ответить ли цитатой из баллады Алис Рами: *«Я одинокая душа, дороги не найти в пустыне ледяной»*, но передумал. Вместо этого кивнул и улыбнулся. Постарался, чтобы улыбка вышла загадочной.

— Ну вот, у меня опять пусто. — Лилиан удивленно уставилась на свою кружку. — Постерегите место, я схожу еще за одной.

У Яна и Ханны еще полно пива, но Лилиан возвращается с тремя кружками — купила и им тоже.

— Начинаем следующий круг!

Яну не хочется больше пить, но он покорно принимает кружку.

Они сидят за столом и болтают. Сначала о «Богемос» — если верить Лилиан, лучшая группа в городе. Хотя за пределами бара «У Билла» мало кто о них слышал.

— Это хобби, — сообщает Лилиан. — Вообще-то у них другая работа...

— Они работают в Санта-Патриции, — вставляет Ханна. — Не все... двое.

Лилиан укоризненно смотрит на подругу.

— Разве? — Ян бросил заинтересованный взгляд на музыкантов. — В Патриции?

— Мы их не знаем, — быстро вставляет Лилиан.

Яну сразу стало лучше, он даже настоял, что за следующий круг заплатит он. А после него настала очередь Ханны. Пиво лилось рекой... ничего страшного: завтра у него ночная смена, так что успеет проспаться.

Лилиан пьет больше, чем он и Ханна, вместе взятые, и голова ее клонится все ниже, того и гляди уснет прямо здесь, за столом. Но вдруг внезапно она резко поднимает голову и пристально смотрит на Яна:

— Ян... красавчик Ян, спроси меня знаешь что? Спроси меня, верю ли я в любовь.

— Прошу прощения?

Лилиан медленно качает головой:

— Нет... в любовь я не верю. — Она поднимает правую руку. Три пальца растопырены. — Это мои мужчины. Трое. Первый отнял у меня два года жизни, второй — четыре, а за третьего я вышла замуж, но в прошлом году и это кончилось. И остался у меня брат. Единственный. Было два, а остался один...

Ханна участливо перегнулась над столом и прошептала ей чуть не в ухо:

— Пошли домой, Лилиан...

Лилиан допивает последние капли, со стуком ставит кружку на стол и молча вздыхает.

— О'кей... — наконец произносит она. — Пошли.

«У Билла» вот-вот закрывается. «Богемос» ушли, зал быстро пустеет.

— Конечно... пора, — кивает Ян.

Кивает, потом еще раз и еще, никак не может остановиться. Первый раз в жизни он чувствует себя по-настоящему пьяным. *Что это я раскивался?* Встает из-за стола и понимает, что удерживать равновесие требует некоторых усилий.

— Я одинокая душа, дороги не найти в пустыне ледяной, — произносит он, но ни Лилиан, ни Ханна его не слышат.

Воздух холодный, будто открыли морозильную камеру. Ян ожидал противоположного эффекта, но именно здесь, на улице, он опьянел окончательно. Ноги подкашиваются. Два часа ночи. Поздно, очень поздно. Слава богу, на работу завтра не идти. До девяти вечера можно выспаться.

Лилиан оглядывается. На противоположной стороне улицы стоит такси.

— Это мое! — взвизгивает она, кивает собутыльникам и неверной походкой спешит к машине. — Увидимся!

Ханна провожает ее взглядом:

— Лилиан живет довольно далеко... а где ты живешь, Ян?

— А я близко... По ту сторону железной дороги. Довольно... да. Довольно близко.

— Тогда пошли туда.

— Ко мне?

— До путей. Мне в ту же сторону.

— Хорошо. — Ян мучительно пытается протрезветь.

Через четверть часа они подходят к полотну — совсем близко к центру.

— Ну вот... здесь мы и расстанемся.

Черная вселенная, масляно поблескивающие рельсы.

Ян косится на Ханну. Большие голубые глаза, светлые волосы. Лицо холодноватое, но красивое. Ян смотрит на нее не отрываясь, но никакого влечения не испытывает.

— Что ты сделал в своей жизни по-настоящему плохого?

И это она спрашивает *его*.

— Плохого? — Уж он-то знает ответ на этот вопрос... —
Надо подумать... а ты?

— Много чего.

— Ну да, конечно... назови хотя бы одно.

Она пожимает плечами:

— Неверность. Предавала друзей... это ведь то, о чем мы говорим?

— Наверное...

— Не наверное, а точно... мне было двадцать лет, и я переспала с женихом своей ближайшей подруги. На берегу, в сарайчике для байдарок. Она узнала и разорвала помолвку... но мы опять, типа, подруги.

— Типа?

— Рождественские открытки посылаем друг другу... но это моя проблема.

— В каком смысле?

— В том смысле, что я предаю друзей. — Она посмотрела на него и подмигнула. — Жду, что меня предадут, и на всякий случай предаю первой.

— О'кей... спасибо, что предупредила.

Он улыбнулся — удачно пошутил, но она на улыбку не ответила. Оба замолчали. Ханна очень красивая, но он хочет только спать. Он посмотрел на свой дом — ни одно окно не горит. Все давно спят. Все хорошие люди спят. И звери, и деревья... и дети... и игрушки в садике.

— А ты, Ян?

— Что — я?

— Ты можешь назвать что-то плохое, что ты сделал в своей жизни?

А что он сделал тогда, в «Рыси»? Яну кажется, что он еще пьяней, чем когда они вышли из бара, и слова вылетают помимо его воли:

— Я однажды сделал большую глупость... в моем родном городе. В Нордбру.

— И что ты сделал?

— Работал воспитателем в детском саду, это было мое первое заместительство... и сделал глупость. Потерял ребенка.

Он сравнивает подошвой какую-то неровность на земле.

— Потерял ребенка? В каком смысле?

— В прямом. Взяли детей в лес на прогулку... я и еще одна воспитательница. Группа была слишком большая. И когда вернулись домой, одного мальчика недосчитались. Он остался в лесу, и это была... частично это была моя вина.

— Когда это было?

Ян по-прежнему не поднимает глаз. «Рысь»... он помнит все, как будто это было вчера. Помнит запах елей в лесу. Было холодно... почти так же, как сейчас.

— Девять лет назад... почти ровно девять лет назад. В октябре.

Остановись, не вдавайся в детали... Но Ханна смотрит на него так пристально:

— И как звали мальчика?

— Не помню...

— И чем все это кончилось?

— Он... все кончилось хорошо. В конце концов все обошлось. Но родители... они были совершенно раздавлены...

Ханна вздохнула:

— Идиоты... Это же не ты его потерял, он сам удрал. Они бросают на нас своих ненаглядных и требуют, чтобы мы за них отвечали.

Ян механически кивает. Он уже пожалел, что разоткровенничался. С какой стати его понесло? Он просто пьян. Пьянчуга.

— Ты ведь никому про это не станешь рассказывать?

Ханна смотрит на него с удивлением:

— Ты имеешь в виду — начальству?

— Да... или вообще... кому-то.

— Нет, Ян, что ты! Будь спокоен. — Она зевает и смотрит на часы: — Пора домой... мне завтра рано на работу. — Она встает на цыпочки и обнимает его — коротко, по-дружески: — Доброй ночи, Ян. Увидимся в «Полянке».

Он провожает ее взглядом... будто она ему приснилась, эта светловолосая девушка. Алис Рами тоже что-то вроде персонажа из сна... размытость, неопределенность, как в стихотворении или песне. Все девушки — из сновидений. А откуда же еще?..

Зачем он рассказал Ханне про «Рысь»?

В голове понемногу проясняется, и тут же приходит злость. Злость на собственную пьяную болтливость.

Он встряхивает головой и отпирает дверь.

Пора спать. Выспаться, потом работать. Две недели старался изо всех сил, как собачка, выполнял все приказы. И теперь он вознагражден. Завтра предстоит ночное дежурство.

15

— Это горячий телефон. — Мария-Луиза показывает на серую трубку в воспитательской, рядом со шкафчиком Яна. — Все, что надо сделать, — снять трубку. Он посылает сигнал тревоги автоматически.

— Куда?

— На центральный пост в вестибюле больницы. Там дежурят круглосуточно, так что всегда есть с кем поговорить. — Она улыбается немного смущенно. — Ночью приятно знать, что кто-то есть поблизости... хотя я уверена, ты прекрасно справишься сам.

— Думаю, да.

Ян выпрямляет спину, чтобы выглядеть посolidней.

— Само собой, если что-то случается, ты обязан позвонить, но пока такой необходимости не было. — Мария-Луиза нервно провела рукой по шее, будто ее кто-то укусил, и быстро отвернулась. Похоже, ей хотелось поскорее забыть о существовании этого телефона и тем более о том, что им, возможно, когда-то придется воспользоваться. — Вопросы есть?

Какие вопросы? Она уже дважды перечислила все его обязанности, так что Ян вооружен до зубов. И совершенно

трезв. Утром, после бурной ночи в баре, его здорово мутило, но сейчас он в полном порядке.

Пятница. Вторая неделя в «Полянке», первое ночное дежурство. Мало того, это его первое дежурство не только в «Полянке» — первое ночное дежурство в жизни. С половины десятого вечера до восьми утра. Ян уже знает, что он вовсе не должен бодрствовать всю ночь. В воспитательской стоит диван-кровать, спи хоть всю ночь, только должен быть уверен, что проснешься, если кому-то из троих постоянных воспитанников что-то понадобится.

— Вроде бы все ясно, — заключил он.

— Вот и хорошо. Ты свою простынку захватил?

— А как же! И зубную щетку в нее завернул.

Мария-Луиза довольно улыбается. Наверное, представила маленькую щеточку в огромной, на великана, простыне. Она уже в пальто, стоит у двери.

— Ну что ж... спокойного дежурства, Ян. Утром тебя смеет Ханна.

Короткое дуновение холодного осеннего воздуха. Ян запер дверь за начальницей и посмотрел на часы.

Двадцать минут одиннадцатого. В садике... в подготовительной школе, мысленно поправил он себя, полная тишина.

Он идет в воспитательскую, застывает, не раздвигая, узкий диван-кровать, делает себе бутерброд в кухне. Чистит зубы.

Привычные вечерние ритуалы. Беда только, что ему ни капли не хочется спать.

Чем бы заняться?.. Вернее, чем бы ему *хотелось* заняться?

Прежде всего — проверить детей.

Он осторожно приоткрывает дверь в темную подушечную. Матильда, Лео и Мира крепко спят в своих кроватках. Он некоторое время прислушивается к их ровному, легкому дыханию. Даже Лео спит спокойно. Если верить Марии-Луизе, дети спят до утра, пока их не разбудят в семь.

Ян оставил дверь приоткрытой и подошел к окну в столовой. Не зажигая света, постоял и посмотрел на больницу.

В Sancta-Psicho тоже темно, если не считать прожектора, освещающего стальное ограждение с торца здания.

Тени, тени... серые тени на траве, черные — под елями. Сегодня там никого нет. Никто не вышел покурить.

Нет, в некоторых окнах свет. В четырех окнах на восточном торце здания. Мертвое, еле заметное мерцание ламп дневного света. Скорее всего, освещен коридор. Как в подвале.

Подвал. Через подвал можно попасть в клинику. Ну нет... там еще наверняка много запертых дверей. И дверь в подвал тоже заперта.

Ян представил себе эту дверь, коридор и шлюз. Вернулся в кухню и открыл ящик в буфете. Вот они, эти магнитные карточки. А код? Код он помнит? Еще бы! Дата рождения Марии-Луизы. Он же уже раз двадцать провожал и встречал детей у шлюза. Он набирает код и проводит карточкой.

Клик.

Работает. Ночью тоже работает.

Крутая лестница напоминает ему вход в подземное царство. Там тоже темень, но не такая крошечная — откуда-то долетает слабый свет. Наверное, подальше в коридоре, там, где лифт, оставлено на ночь освещение.

Ян быстро оглянулся. В раздевалке, естественно, никого — он сам запер дверь за Марией-Луизой.

Он дотягивается до выключателя. Лампа дневного света помигала и неспешно разгорелась. Теперь видны крутые ступеньки и ковровое покрытие в коридоре, будто приглашающее пройти к лифту. Двери лифта отсюда, естественно, не видно, но если спуститься на три-четыре ступеньки...

Рами... ты здесь?

Он спускается на два шага и останавливается, не снимая руки с перил. Прислушивается — ни звука. Ни из коридора, ни из спальни.

Еще шаг... и еще три.

Теперь ему видна дверь лифта. Нет, догадка была неверной — свет на ночь не оставлен. Лампа включена в самом лифте, окошко светится. Значит, лифт внизу. Стоит и ждет. Ждет его.

Еще шаг. Ноги плохо слушаются — срабатывает внутренний предохранитель. Дети... Лео, Матильда, Мира. Они спят, а он отвечает за их безопасность... точно так же, как отвечал за безопасность Вильяма девять лет назад.

Нет, он не имеет на это права. Последний взгляд на окошко лифта, которое теперь кажется ему зловещим глазом в ночи, — и назад.

Возвращается в раздевалку, закрывает дверь и проверяет — заперта ли? Гасит все лампы, кроме ночника в прихожей, и ложится. Закрывает глаза и выдыхает.

Заснуть невозможно. Странно, когда свет погашен, откуда-то появляются звуки. Потрескивание, поскрипывания... шепоты... кто-то там, в больнице, ждет его прихода.

Алис Рами.

Ян зажмуривается, но картинка не исчезает. Она смотрит на него своими темными лучистыми глазами.

Приходи, Ян. Я хочу на тебя посмотреть.

Он даже не заметил, как уснул, и проснулся только от идиотской мелодии будильника. Шесть пятнадцать. За окном еще темно. Не сразу соображает, что он в воспитательской.

Скоро надо будить детей. Лео, Миру и Матильду.

Первое ночное дежурство позади, но их будет еще много. Он бодро встает с дивана. Внезапно пришла в голову мысль — наверняка можно спуститься в подземный ход и не волноваться при этом за детей.

Он придумал, как найти себе замену, хотя бы на пару часов.

«РЫСЬ»

Экскурсию назначили на среду, сразу после ланча. Двадцать пять минут второго. Сигрид, Ян и семнадцать детишек двинулись в путь. Солнце в это время заходит около шести, а они рассчитывали вернуться в четыре, так что запас у них был более чем достаточный.

Термометр показывал одиннадцать градусов, было облачно, но совершенно безветренно. Девять ребят из «Бурого медведя» под руководством Сигрид собрались у калитки. Вильям с ними, в темно-синей осенней курточке с белыми светоотражающими полосками и ядовито-желтой шерстяной шапочке.

В «Рыси» набралось восемь человек. Итого семнадцать. Девять мальчиков, восемь девочек. Сосчитать их было не-

легко — дети, как всегда на прогулке, слегка перевозбудились, бегали, прыгали и обижались друг на друга. Особенно сложно стало, когда вошли в рощу, — малыши то и дело исчезали за стволами и, казалось, в любой момент могли разбежаться в разные стороны.

По правилам, они должны были идти парами, держась за руки. Сигрид увлеклась своим мобильником и не обращала внимания, насколько неуправляема группа. Ян краем глаза увидел у нее на дисплее эсэмэску с как минимум пятью восклицательными знаками. Он тоже не особенно заботился о военном порядке в группе.

— Пошли, пошли, ребята! — покрикивал он и прибавлял шаг.

Дети с удовольствием семенили за ним, и всего за четверть часа они уже зашли далеко в лес. Тропинка стала заметно уже, могучие еловые ветви нависали над головами.

— Ты знаешь, где мы, Ян?

Сигрид отключила свой мобильник и недоуменно вертела головой, будто первый раз в жизни попала в лес.

— Еще бы, — он улыбнулся, — я здесь как дома. Скоро будет поляна... там можем остановиться и перекусить.

Так и вышло — ели расступились, и они оказались на большой круглой поляне. После лесного мрака здесь было сухо и светло.

В рюкзаке коричневые булочки и клубничный сок. Дети устали. Они послушно расселись на полянке и с удовольствием жевали сладкие булочки. Но как только допили весь сок, усталость как рукой сняло, и они опять начали носиться по полянке, толкаться и кричать.

Ян глянул на часы — двадцать минут четвертого. Посмотрел на Сигрид и спросил, как можно более невинно, хотя сердце в груди бултыхнулось:

— Еще немного поиграем — и домой?

— Конечно! — Сигрид, похоже, вообще было незнакомо чувство усталости.

— Можем разделиться... ты будешь играть с девочками, я — с мальчиками.

Она кивнула — никаких возражений.

— Время игр! — крикнул Ян. — Мальчики ко мне.

Дети, предвкушая что-то интересное, быстро собрались около него. И Вильям Халеви тоже.

— Пошли!

Он принял на себя командование, как какой-нибудь сержант морской пехоты на опасном задании, и повел мальчиков по тропке в лес.

16

Маленькие, корпус из белой пластмассы, чем-то напоминают дешевые уоки-токи. *Babywatchers*. Электронные мониторы наблюдения за детьми. Существуют десятки разных моделей, но та, что Ян держит сейчас в руках, называется символично: *Angelguards*. Ангелы-хранители.

— Самая продаваемая модель, — сообщил продавец. — Невероятно надежные, девятивольтовой батареей хватает на несколько недель, и работают на совершенно другой частоте, чем мобильники или радиопередатчики. Ночное освещение шкалы позволяет использовать прибор как карманный фонарик.

— Очень хорошо.

В магазине полным-полно детского барахла: одежда, книги, коляски, всевозможные защитные приспособления, сигналы тревоги, эргономические ложки и вилки, фосфоресцирующие слюнявчики, специальные трубочки для отсасывания соплей из маленьких носов... но Яна интересуется только одно: мониторы наблюдения.

— А дальность?

— Минимум триста метров. При любых условиях.

— Сталь? Бетон?

— Не помеха... стены не блокируют сигнал.

Он покупает Ангелов-хранителей. Продавец подмигивает — наверняка принимает его за молодого отца, обеспокоенного безопасностью своих детей.

— Работают только на прием... вы ребенка слышите, он вас нет. Можете заниматься, чем хотите. — Он опять подмигнул.

— Блеск, — сказал Ян.

— Мальчик или девочка?

— И то и другое... разного возраста. У меня трое.

— Плохо спят?

— Нет... спят хорошо. Но лишняя мера предосторожности не помешает.

— Само собой. — Продавец сует Ангелов в пластиковый пакет. — Триста сорок девять крон, спасибо.

Вечером Ян катит на велосипеде в подготовительную школу. В рюкзаке лежат Ангелы. Стоит ли продемонстрировать их Марии-Луизе? С приказчицким энтузиазмом? Нет... вряд ли. Не оценит. По части технических новинок она, похоже, дальше вязания не пошла. Так что он паркует велоси-

пед, является ровно в половине десятого, вешает рюкзак на вешалку и принимает дежурство.

Матильда, Лео и Мира спят, и Мария-Луиза на этот раз не задерживается. Наверное, начинает понемногу проникаться к Яну доверием.

— Как ты сегодня? Немножко устал?

— Нет... так, чуть-чуть. С утра была голова тяжелая.

— Но ты спал хорошо вчера? Дети не просыпались?

— Спали замечательно. И я, и дети.

Мария-Луиза торопится на автобус — девять сорок пять, — и он запирает за ней дверь.

Дверь в подвал тоже закрыта.

Он снова один. Один с детьми.

В торце Святой-Патриции светятся те же четыре незашторенных окна, что и вчера. Теперь он уверен — это коридор. В коридорах свет по ночам не выключают. Как ночник в детском саду.

Он с трудом отрывает глаза от светящихся окон. У него есть другие дела. Расставляет разбросанные сапожки в раздевалке, слушает спортивные новости по радио (тихо, чтобы не разбудить детишек), пьет чай с бутербродом.

Но думает он только об одном. Ангелы-хранители: Ангел-передатчик и Ангел-приемник.

В одиннадцать он достает Ангелов из рюкзака и открывает дверь в спальню. В подушечную.

Свет погашен. Дети спят под одеяльцами. Он стоит неподвижно с минуту. Прислушивается к детскому дыханию. Ничто так не радует душу, как это мирное посапывание.

Он нажимает кнопку на Ангеле-передатчике и вешает его на крючок в стене между кроватками Матильды и Лео.

Лео поворачивается и бормочет что-то во сне, но не просыпается.

Ян на цыпочках выходит из подушечной и включает другого Ангела — принимающего сигнал. Маленький круглый динамик на лицевой стороне молчит. Он прикладывает его к уху. Тихий шум, то прибавляет чуть, то почти исчезает, как ночные волны медленно накатывают на прибрежный песок. Возможно, детское дыхание. Наверняка. Что еще? Конечно, детское дыхание.

Удобная прищепка — Ангел уместился на брючном поясе. Ян обходит все комнаты, чистит зубы.

Очень легко себя уговорить — он купил Ангелов, чтобы не проспать, если дети вдруг проснутся и начнут беспокоить. Именно для этого... но без четверти двенадцать он достает магнитную карточку из ящика в кухне и вставляет ее в дверь.

Зажигает свет и вспоминает строки Алис Рами.

*Жду и тоскую,
Тиканье старых часов...
Взгляд, ответ, танец,
Где-то ты есть.*

Шаг вниз по лестнице. Спустишь и посмотрю, вот и все.

Вслушивается — тишина. Ангел молчит.

Спускается по лестнице до конца.

Никаких камер. Мария-Луиза сказала — в подвале нет камер наружного наблюдения. Нет — значит нет. Почему он должен ей не верить? Он невидим.

Тень его скользит по полу, но сам он невидим.

Многоцветные изображения животных развешаны вдоль всего коридора. Вот эта, с купающимися крысами, покосилась. Ян быстро поправляет раму.

Как и накануне, лифт стоит внизу, словно кто-то нажал на кнопку специально: пожалуйста, Ян, лифт подан. Он останавливается и задумывается. Подумать только — войти, нажать на кнопку и подняться туда, в коридоры Санта-Психо.

А камера на двери лифта? Может, есть, а может, и нет. Если нет... что ж... подняться и выйти, посмотреть, что произойдет. Притвориться, что ошибся. Или что он один из пациентов...

Но Ян не открывает дверь. Прислушивается к Ангелу-приемнику, подкручивает громкость. Все тихо. Ему так и хочется прошептать: «Привет!»

Но продавец сказал, что микрофона на приемнике нет. Или его надо специально включать. Потом разберемся.

Вы ребенка слышите, он вас нет. Можете заниматься, чем хотите, сказал продавец.

Ян отходит от лифта и идет дальше, туда, где коридор поворачивает. Почти сразу за поворотом — стальная дверь, широкая стальная дверь. Та, что ведет в убежище.

Он протягивает руку и поворачивает большую ручку — та подается. Он берется за нее обеими руками и нажимает что есть сил — в замке что-то щелкает. Он нажимает плечом. Медленно, с трудом открывает тяжеленную дверь.

Внутри темно. Ни единый лучик света не пробивается сквозь бетонные стены. Окна... какие окна в подвале?

Он шарит по стене и наконец находит выключатель. Лампа дневного света под потолком мигает и разгорается. Он

стоит у двери низкого и длинного помещения — не меньше пятнадцати метров. Здесь должны укрываться больные в случае ядерной войны.

Ян делает шаг вперед, и тут же в убежище отдается эхо детского голоса:

— Ма-ама!

Он вздрагивает. Ангел ожил. Чей это голос? Похоже, девочки. Матильда?

Он замирает затаив дыхание. Молчание. Тихий шорох в динамике. Разговаривает во сне? Как будто бы все спокойно... но если ребенок проснется, он, Ян, не может здесь оставаться.

Он нервничает, но все же кидает последний взгляд на бомбоубежище. Ковровое покрытие на полу, белые стены. Матрас на полу, подушки.

А на левой стене в другом конце убежища — еще одна дверь. Тоже стальная.

Интересно, а та дверь тоже открыта? Отсюда не видно.

И кто там его ждет? Алис Рами? Убийца Иван Рёссель?

— Ма-ама!

Его зовет Матильда. Он круто поворачивается, закрывает стальную тяжелую дверь и быстро идет, почти бежит по коридору. Он чувствует себя предателем — зачем он сюда перся? зачем оставил детей одних?

Две минуты — Ян открывает кодированную дверь в кухне и напрямик бежит в спальню.

Открывает дверь и слушает.

Все тихо. Опять тихо. Несколько минут стоит неподвижно. Дети не шевелятся. Спят глубоко и спокойно. Он старается попасть в такт их дыхания, но это ему не удается.

И ему надо спать. Как детям.

Десять минут первого.

Надо спать. Если он будет полуголодать, сломается биоритм, и ночь превратится в день.

Но ему совершенно не хочется спать.

Он размышляет... собственно, это всего-навсего игра ума, точно так же все начиналось и с Вильямом в ельнике. Но Ян упорно возвращается к одной и той же мысли: как ему незаметно, при этом не подвергая риску детей, пробраться в Санта-Психо?

17

Уже поздно. Время в баре «У Билла» тянется, как сироп, но спать не хочется — ночные дежурства в «Полянке» сделали из Яна настоящую сову. В свободные дни он спит до десяти, а ложится далеко за полночь. Ритм для него совершенно непривычный, и, хоть он не пьет ни капли спиртного, чувствует себя уставшим.

«Богемос» только что закончили часовую импровизацию, а он тем временем почти допил свое безалкогольное пиво. Рядом за столиком два незнакомых парня обсуждают приемы самообороны.

— А нож? — спрашивает один.

— Нож — другое дело. От ножа не защитишься.

— Да знаю я, но...

— Что — но? Ты кулак, а он по нему ножом...

— Тогда надо мечом заpastись, — смеется второй.

Ян в разговор не вступает, попивает свое пиво. Сегодня в баре никого знакомых — ни Лириан, ни Ханны... никого. Он уже готов идти домой в одиночестве и завалиться спать. Тоже в одиночестве.

Над столом нависает тень.

— Привет!

Ян поднимает глаза — незнакомый парень примерно его возраста. Черные брови и блондинистый конский хвост.

Хотя нет... не совсем незнакомый. Солист «Богемос». Он снял свою черную куртку, и теперь на нем только белая хлопковая футболка. Шея обмотана полотенцем.

— Как дела?

Что на это сказать?

— Спасибо, хорошо.

С таким же успехом можно было ответить «спасибо, плохо». Или «спасибо, все хуже и хуже».

Певец присаживается к столу. Голос у него слегка хриплый, но очень приятный — теплый, дружелюбный. Вытирает лоб полотенцем.

— Мы незнакомы, я знаю... неважно. Все спокойно.

— Конечно... — Ян по-прежнему не понимает, какой тон ему выбрать.

— Но я тебя видел... а ты? Ты меня видел?

— Нет... не понимаю, что ты имеешь в виду.

— С другой стороны заграждения... на своей второй работе. Ты же ездешь в детсад на велосипеде?

Ян ставит кружку на стол. До него доходит смысл сказанного. Он невольно понижает голос:

— Значит, ты работаешь в Санта... в больнице?

Кивок.

— Ночбез.

— Как это?

— Отдел безопасности, ночной подотдел.

У Яна по спине побежали мурашки. Сердце заколотилось.

Наверняка в подвале все-таки есть камера наблюдения. Его сфотографировали. Или видели. Сейчас прибегут другие охранники, выкрутят руки, начнут допрашивать...

Но его собеседник сидит совершенно спокойно и улыбается.

— Я знаю, тебя зовут Ян. Ян Хаугер.

Ян кивает — что ему еще остается?

— А ты? — Можно попробовать поддерживать независимый тон.

— Реттиг... Ларс Реттиг.

— Странно, Ларс, что мы встретились здесь...

— Ничего странного. Я знаю, кто ты. И я хотел с тобой встретиться.

— Зачем?

— Затем, что нам нужна помощь.

— Какая помощь?

— Помощь в помощи. Мы стараемся помочь заблудшим.

— Заблудшим?

— Большим в Санта-Психо... Ты хочешь, чтобы им стало лучше?

Ян молчит. Он нарушает все правила — сидит и болтает с охранником из больницы... а как же обет молчания? Но, как ни странно, он успокоился — Ларс Реттиг, похоже, не желает ему вреда.

— Может быть... а о чем речь? О какой помощи?

Ларс молчит несколько секунд, как опытный оратор перед выступлением, потом наклоняется к нему поближе и понижает голос:

— *Запреты.* Мы все устали от запретов.

— Кто — мы?

Ларс, не отвечая, встает из-за стола:

— Поговорим в другой раз. Я тебя найду. — Он поощрительно улыбается и добавляет: — Ты сможешь нам, Ян. По глазам вижу.

— Что ты видишь?

Реттиг улыбается:

— Что я вижу? Вижу, что ты готов защищать слабых.

18

Все до единого дети в «Полянке» обнимают зверей. В «Полянке», согласно распорядку дня, — час мягкой игрушки. Очередной ритуал. У кого нет своего любимца, может взять в корзине. И воспитатели тоже ходят по школе с мягкими игрушками. Медвежата, тигры и жирафы с тонкими неустойчивыми ногами. Мира таскает за собой длиннющего питона в красную и белую полоску, а у Жозефин — розовый лось.

Звери-хранители, думает Ян. Ему досталась золотисто-желтая рысь. Собственно, не досталась, он сам ее выбрал — правда, после того, как все уже разобрали свои игрушки. Рысь изрядно потрепанная, но милovidная и ничем не пахнет.

— Как его зовут? — спрашивает Матильда.

— Это... Лофти. Ты ведь знаешь, это рысенок. Он прибежал сюда из леса... из далекого леса.

— А зачем? Почему он не остался в своем лесу?

— Потому что он... потому что он любит детей. Он захотел узнать, как вы здесь живете. И поиграть с вами.

У Лео — одноглазый кот, он сжимает его так крепко, что кот сплюснулся и стал длиннее, чем было задумано.

— А как его зовут, Лео?

— Фредди.

— И кто это?

— Не знаю... погляди-ка.

Лео разжимает маленький кулачок — там лежит кошачий глаз. Он его выковырял.

Ян внимательно смотрит мальчику в глаза и пытается понять — что это? Наивность? Или он так несчастлив? Не понять... Ян знает только, что в другом мире дети носят с собой не плюшевые игрушки, а винтовки и пулеметы.

И как им помочь? Как помочь одному-единственному? Такому, как Лео?

Ты готов защищать слабых, сказал певец из «Богемос». Может быть, это и правда, но он мало что может сделать. В его ли это силах?

И в этот понедельник тоже: несколько детей исчезают в подземном туннеле и возвращаются. Ян уже начал понимать, как реагируют дети на эти перерывы в регламентированном существовании детского сада... простите, подготовительной школы. Некоторые, например Мира и Матильда, радуются предстоящей встрече с родителями, прыгают, хихикают, их маленькие ножки быстро и охотно топают по крутым ступенькам лестницы. Другие — Фанни, Катинка — спокойны, молча и беспрекословно следуют за провожатым.

Но бывает и по-другому.

Например, Жозефин, пятилетка, та самая, которая выбрала «Зверомастера». Она волнуется перед посещением, а возвращается немного испуганной.

— Хорошо, — отвечает она на все вопросы.

Он не верит ей. Точнее, верит, но не совсем.

В этот понедельник она должна идти на свидание в два часа. За пять минут Ян приходит за ней — она сидит в игровой и строит дом из кубиков «лего».

— Привет, Жозефин! Время кататься на лифте.

Она не отвечает, продолжает вдумчиво пристраивать очередную кубик.

— Жозефин! Пора идти!

Девочка, не поднимая глаз, встает и покорно идет за ним.

Розовый лось под мышкой — утром она доложила всем, что его зовут Зигги.

Ян смотрит на Жозефин, на лося... зверь-хранитель. От кого он ее охраняет?

— Эта книжка, Жозефин... про зверомастера. Ты ее помнишь? — Они уже спустились в подземный коридор.

Девочка молча кивает.

— Откуда ты знала, что она лежит в ящике?

— Она там лежит, потому что я ее туда положила.

— Вот как? Тебе кто-то ее подарил?

Она опять кивает:

— Мне много книжек подарили.

— Кто же их тебе дарит?

— Тетя.

Ян остановился у лифта:

— Хочешь, чтобы я с тобой поднялся?

Энергичный кивок, и они входят в кабину.

— А с кем ты встречаешься?

— С тетей, — почти шепотом говорит Жозефин.

С тетей? Жозефин не ночует в садике, Ян знает, что ее приводят и забирают разные люди — иногда женщина, иногда пожилой мужчина. Он их даже не видел. Само собой, он

не имеет права расспрашивать Жозефин про ее родственников... но все же склоняется к ней:

— Ты ведь едешь к маме? А не к тете?

Кивок. Лифт останавливается.

Ни разу до этого Ян не поднимался на лифте с ребенком в комнату свиданий. Он осторожно осматривается — довольно большая, светлая, чисто прибранная комната с большим диваном. Искусственные пальмы в кадках, стол с детскими книгами. Насколько можно судить, камер наблюдения здесь тоже нет.

В комнате свиданий никого. На противоположной стороне — дверь, тоже с кодовым замком.

— Иди, Жозефин...

Он придерживает дверь лифта, она делает шаг и останавливается:

— А ты можешь остаться?

— Нет, Жозефин, мне нельзя остаться... ты встретишься с мамой без меня.

Жозефин горестно качает головой, и он не знает, как быть. Комната свиданий по-прежнему пуста. Он не отпускает дверь, медлит — ему не хочется оставлять Жозефин одну.

Дверь с металлическим жужжанием открылась, и на пороге появился накачанный парень в светло-красном комбинезоне. Не Ларс Реттиг, помоложе. Поменьше ростом, но куда мощнее. Очень коротко стриженные темные волосы. Где-то Ян его видел.

Охранник из *денбез*? Дневной подотдел службы безопасности? Почему-то Яну он напомнил бойцовского питбуля, готового вцепиться во что угодно — в автомобильную шину, например. Или в шею.

Широченный пояс, ключи на толстой цепи, какие-то петли из белого пластика и в специальном кармане что-то напоминающее маленький стальной термос. Наручники и слезоточивый газ?

Охранник широким шагом направился к нему... Ян напрягся — а вдруг он и в самом деле на него накинется? Но тот остановился посреди комнаты и уставился на Яна:

— Спасибо.

Ян кивнул, не двигаясь с места. В темноте за дверью угадывается еще какая-то тень. Кто-то стоит там и не хочет показываться. Пациент Санта-Психо. Мама Жозефин?

— Спасибо, я сказал, — повторил охранник с еле заметным нажимом. — Все спокойно, дальше наша работа.

Голос совершенно механический. Ноль эмоций.

— Хорошо, — отвечает Ян.

Ничего хорошего. Сердце колотится, бьет противная дрожь. Охранники и полицейские всегда действовали ему на нервы.

Он почти уверен, что мама Жозефин — не кто иной, как Рами. Что не кто иной, как Алис Рами, стоит сейчас за дверью. Меньше десяти метров. Если немного подождать, он увидит ее и даже сможет с ней поговорить.

Как он может подождать под этим взглядом? Охранник стоит в центре комнаты и не отводит глаз. Ян последний раз смотрит на Жозефин, улыбается и говорит успокаивающе:

— Скоро увидимся, Жозефин! Я тебя встречу. Ты помнишь, как меня зовут?

— Тебя зовут Ян. — Жозефин почему-то подмигнула.

— Правильно. Молодец. Ян Хаугер.

Он произнес свое имя четко и громко, чтобы мама Жозефин услышала. Это важно. Закрыл дверь лифта и нажал кнопку.

Ноги по-прежнему дрожат. Он думает о Рами.

Он был так близко... он обязательно объяснит ей, почему все так случилось, расскажет, что произошло с маленьким Вильямом в густом ельнике девять лет назад.

«РЫСЬ»

— Сыграем в прятки? — спросил Ян.

Самое время: они были уже вне поля зрения Сигрид и ее группы девочек. Он даже не спросил, а распорядился, но ни один из девяти мальчиков не возражал.

— Тебе водить, Ян! — крикнул Макс.

Ясное дело — кому же еще? Но... извините, ребята, по моим правилам.

— Значит, так, — тем же командным тоном. — Убегаете не все сразу, а по одному. Я скажу, куда бежать. Вы прячетесь, а я иду искать. Ждите, пока я вас найду, а если не найду, то крикну — игра закончена, надо выходить, нашел я вас или не нашел. Договорились?

Дети радостно закивали, предвкушая приключение.

— Макс, ты бежишь вон туда. — Ян показал в сторону поросших бледно-зеленым лишайником валунов.

Макс вприпрыжку помчался к камням.

— Далеко не убегать! — крикнул Ян вдогонку. — Пауль, тебе туда...

Один за другим мальчики убегали в указанном им направлении — примерно в одном и том же.

Остался только маленький Вильям.

Ян подошел к нему, присел на корточки и посмотрел в глаза. Так близко он никогда его не видел.

— Как тебя зовут? — спросил он, хотя и так прекрасно знал.

— Вильям. — Мальчик застеснялся: Ян был ему почти незнаком, во всяком случае, заговорил с ним впервые.

— Хорошо, Вильям. — Ян показал на убегающую вниз тропинку: — Видишь красную стрелку?

Вильям молча кивнул. Трудно было не заметить почти метровую стрелу из красной ткани, которую Ян накануне укрепил на скале.

— Следи за стрелками... и спрячься там, куда они приведут. Там замечательное укрытие. Понял?

Вильям опять кивнул.

Ян снял с него желтую шапочку:

— Эта штука тебе не нужна. Тепло. Мы положим ее тебе в карман.

Он расстегнул карман куртки и притворился, что кладет туда шапочку. На самом деле она осталась у него в руке.

— Беги!

Вильям повернулся и побежал на своих маленьких ножках, точно так же, как и остальные, только в совершенно другом направлении.

Ян поднялся и посмотрел ему вслед. Вильям как раз поравнялся с первой стрелой и, не останавливаясь, побежал в ущелье.

В лесу стояла полная тишина, но Яну эта тишина напоминала грозную тишину в оке урагана. Все могло нарушиться, пойти вопреки плану — он прекрасно представлял бешеный вихрь за пределами этой обманчивой тишины.

Спокойно, сказал внутренний голос. Следуй плану, вот и все.

Барабанная дробь в голове не смолкала ни на секунду.

— Спрятались? — крикнул он. — Раз, два, три, четыре... четыре с половиной... пять! Я иду искать!

Неправда. Он не пошел искать восьмерых спрятавшихся детишек. Он повернулся и пошел в ущелье, где только что исчез девятый.

Вильям.

И прибавил шаг.

19

Дверь подъезда автоматически закрывается в восемь вечера, после восьми код не работает, нужен ключ.

Пару часов назад Ян вернулся из «Полянки», поужинал и разложил на кухонном столе прихваченные книжки с картинками. «Зверомастер» был уже готов — иллюстрации подправлены и расцвечены. Интересно, что сказала бы Рами?

Он приступает к следующей книжке: «Вивека в каменном доме».

Рассматривает бледные карандашные наброски и одновременно читает:

Жила-была старушка. И вот однажды она проснулась. Что такое? Оказывается, она лежит в деревянном гробу. Сил у нее было немного, но все же ей удалось приподнять крышку и выглянуть наружу. Комната огромная. Стены каменные. Пол тоже каменный.

— Есть здесь кто? — крикнула старушка, но никто не ответил.

Она не знала, где она и как сюда попала. Помнила только одно: Вивека. Ее зовут Вивека.

Ян дважды прочитал текст и взялся за рисунок. Из гроба выглядывает голова худенькой женщины с огромными глазами.

Прошло несколько дней, прежде чем Вивека набралась сил и сумела вылезти наружу. Раз, два... взяли! Она столкнула тяжелую крышку, встала и огляделась. Рядом с гробом стояла большая собачья корзина.

На корзинке было написано «БЛАНКЕР», а на дне — куча пыли и собачий ошейник. Контурпы пыльного курганчика напоминали лежащую собаку.

И здесь Бланкер. И в этой книжке, как и в «Зверомастере», — Бланкер.

Он читает дальше, ему интересно. Читает и машинально подправляет тонкие, а кое-где и вовсе исчезающие карандашные линии.

Наконец Вивека сумела выйти из этой собачьей спальни и оказалась в большом зале. Очень старинная и очень красивая мебель покрыта толстым слоем пыли. На стене белые деревянные часы. В них было что-то странное, и когда она присмотрелась, то поняла, в чем дело. Стрелки двигались в обратном направлении. Тик-так.

Она спустилась по лестнице и вышла в холл, но входная дверь была заперта.

Зато рядом оказалась еще одна дверь, в другую спальню. Там стояли еще два гроба. Совсем рядом, как

муж и жена. Мужчина и женщина? Нет-нет-нет! Вивека даже не думала открывать крышки и смотреть, кто там лежит.

А в спальне была еще одна дверь. Вивека открыла ее и увидела крутую лестницу, ведущую в темный подвал. Она осторожно спустилась вниз. Земляной пол усеян желтыми костями какого-то чудовища. Уфф! Она быстро поднялась по лестнице и вернулась в свою комнату.

Шли дни.

Вивека ждала. Спала и ждала. С каждым днем она становилась все бодрее и бодрее, крепче и крепче, и даже когда смотрела на себя в зеркало, ей казалось, что она помолодела. И так продолжалось, пока она не сообразила, в чем дело: в каменном доме время шло назад!

Как же она сразу не догадалась: здесь даже часы шли в обратном направлении!

И вдруг осознала, что, если набраться терпения, она будет делаться все моложе и моложе, и в один прекрасный день пробудятся к жизни и ее родители, и собачка Бланкер. И тогда закончится ее одиночество.

Но ведь то же самое произойдет и с теми костями в подвале. Кем бы оно ни было, чудовище тоже воскреснет.

Тик-так, тик-так. Часы идут назад. И в один прекрасный день Вивека проснулась и поглядела на свои руки — руки были маленькими и гладкими. Она выпрыгнула из постели и поскакала на одной ножке. Послышался веселый лай. Бело-рыжий колли, как огненный вихрь, прыгнул на нее и лизнул в нос. Бланкер проснулся!

Ее Бланкер!

Как же счастлива была Вивека! Да, да, да, очень и очень счастлива! Она крепко обняла Бланкера – теперь она уже не одна в этом каменном доме!

Но вдруг подняла голову и прислушалась: из подвала доносились странные звуки, будто кто-то гремит костями.

Бланкер зарычал. Подбежал к двери и начал лаять. Ничего хорошего – в подвале зашевелился кто-то большой и тяжелый...

На этом месте кто-то вдруг позвонил в наружную дверь. Несколько раз, весело и настойчиво.

Ян вздрогнул. Кто это? После восьмичасового общения с малышней ему хотелось побыть одному.

Опять звонок. Ян спрятал книги в кухонный ящик и пошел открывать.

— Привет, Ян! — Улыбающийся блондин в дверях. Ларс Реттиг из «Богемос» в своей неизменной кожаной куртке. — Не побеспокоил?

Ян почувствовал себя так, будто его застали за чем-то неподобающим, но приветливо качнул головой:

— Нет, что ты... все в порядке.

— Войти-то можно?

— Конечно...

Куртка Ларса будто пропиталась вечерним холодом, даже в прихожей стало холодней. Он снял башмаки и прошел в гостиную. В руке у него пластиковый пакет.

— Извини, что так настырно звонил... Неохота рисоваться на лестничной площадке. Ого! — Он оглядел сдвинутые к стене мебель и картонные ящики. — У тебя полно барахла.

— Это не мое. Я снимаю квартиру. Контракт второй руки.

— Понятно... — Реттиг сел на диван. — У тебя здесь и ударная установка... Играешь?

— Так, немного...

— Здорово... — Он поднял указательный палец, будто его посетила внезапная мысль. — Можем объединиться... Наш ударник только что сделался папашей и все время пропускает репетиции.

— Ну что ж... — Ян не стал обдумывать предложение — оно ему показалось заманчивым. — Конечно, ритм держать могу, но... я не особенно хорошо играю.

— Или чересчур скромн, — коротко рассмеялся Ларс. — Но попробовать-то можно?

Он залез в пакет и достал дымящийся кебаб в булке, завернутой в фольгу.

— Хочешь? — Реттиг очевидно голоден. Даже глаза заблестели.

— Нет... ешь на здоровье.

Ян запер входную дверь:

— А как ты узнал, где я живу?

— Посмотрел в больничном компе. Там адреса всех служащих. — Реттиг откусил большой кусок. — Ну и как ты там... в садике?

— Хорошо... только это не садик. Подготовительная школа.

— Ладно, ладно... и как ты там, в подготовительной школе?

Ян помолчал, потом спросил:

— А ты в самом деле работаешь в Санта-Патриции?

— Конечно. Четыре ночи в неделю, остальное время свободен. Тусуюсь с «Богемос».

— И ты там охранник?
— Мы предпочитаем слово «санитар». Я работаю для больных, а не против. Очень мирная публика. Большинство, по крайней мере.

— И часто ты с ними встречаешься?
— Каждый день. Вернее, каждую ночь.
— И знаешь, как кого зовут?
— Большинство — да... — Реттиг откусил кебаб, — но все время появляются новые. Кто-то уходит, кто-то приходит на его место.

— Но старожилы-то... если можно так сказать... старожилы... ты, наверное, знаешь, правда?

Реттиг предостерегающе поднял руку:

— Не все сразу. Мы можем, конечно, поговорить о наших гостях, но сначала... сначала ты должен определиться.

— Определиться... с чем я должен определиться?

— Хочешь ли ты нам помогать.

Ян отошел к стене:

— Тогда расскажи чуть побольше... «У Билла» ты намекнул что-то насчет запретов...

Реттиг кивнул:

— Об этом и речь. В Патриции — жуткая бюрократия. Особенно в закрытых отделениях. Там управляет денбез.

— Денбез... — Ян вспомнил, что он сам дошел до этого дурацкого сокращения. Ночбез — денбез. — Твои коллеги в дневное время? Дневная безопасность?

— Йепп. — Реттиг завел глаза к потолку. — Больные не имеют права писать, кому хотят, их почта проверяется. Им нельзя смотреть ТВ, нельзя слушать радио, их все время обыскивают.

Ян понимающе кивнул — он вспомнил, как проверяли его сумку на входе, когда он приехал в первый раз.

— Люди устают. Просто-напросто устают от постоянного контроля. Мы с ребятами много об этом говорим. Спокойные больные имеют право на контакт с окружающим миром.

— Ты так думаешь?

— Хотя бы через письма... им же пишут письма. Родители, друзья, сестры и братья. Но денбез перехватывает письма. Или вскрывает... перлюстрирует, говоря по-научному... Нам нужна твоя помощь.

— А что я могу сделать? — Ян внимательно посмотрел на Реттига. — Никто из подготовительной школы не имеет доступа в больницу.

— Как это не имеет? — быстро спросил Реттиг. — Ты имеешь, Ян... ты и твои дети.

Он ждет возражений, но Ян молчит.

— Вы имеете право входа в комнату свиданий фактически бесконтрольно... там нет ни камер, ни проверок. А по ночам в комнате никого. Туда может прийти кто угодно и спрятать где-нибудь пачку писем... писем, которые я могу захватить и пронести в больницу.

Ян быстро оглянулся — ему показалось, что за спиной у него стоит доктор Хёгсмед.

— А письма? Откуда приходят письма?

— Оттуда, где их пишут, — пожал плечами Реттиг. — Пачки писем приходят каждый день. Большинство скрывают от больных. Но у меня есть приятель на почте, он работает на сортировке. Здесь, в городе. Он уже начал откладывать письма... он их не читает, конечно, но принцип простой: письмо написано от руки и адресовано в клинику Санта-Паулиция.

Откладывает, а потом передает их мне. — Реттиг довольно улыбнулся, но Ян не стал улыбаться в ответ. — Но я сам не могу ничего пронести в больницу. Нас проверяют.

— То есть содержание этих писем неизвестно? Вы не знаете, что в них?

— Как это не знаем... Бумага. Бумага со словами. Обычные письма.

Ян посмотрел на него долгим взглядом:

— Я не связываюсь с наркотой.

— О чем ты? Никакой наркоты. Ничего противозаконного.

— Но вы нарушаете правила.

— Да... но Махатма Ганди тоже нарушал правила. В благих целях.

Они помолчали.

Ян прокашлялся.

— Можешь рассказать о ваших больных?

— Каких именно?

Ян не хотел называть имя Рами. Не сразу.

— Я видел на территории старую женщину... седая, в черном пальто. Она сгребала листья за оградой. Она пациентка или работает у вас?

Улыбка исчезла с лица Реттига.

— Пациентка. И она не такая старая, как может показаться.

— А потом стояла и смотрела на детей.

— Она только этим и занимается. С тех пор как организовали ваш... вашу подготовительную школу. Как только ее выпускают во двор, сразу идет к ограде и смотрит.

— Любит детей?

Реттиг помолчал.

— У нее было трое. Была замужем за картофелеводом в Блекинге... лет двадцать пять назад. Муж ее по пятницам уезжал в город — на переговоры с заказчиками. Но в один прекрасный день Маргит узнала, что он снимает комнату в гостинице и там встречается с любовницей... а может, и не с одной. И тогда она достала из шкафа его двустволку.

— Поехала в гостиницу и застрелила мужа? — предположил Ян.

— Нет... — Реттиг покачал головой. — Она вывела детей во двор и застрелила их. Двумя выстрелами уложила старших, а потом перезарядила ружье и застрелила младшего... С тех самых пор она за решеткой.

Он замолчал. И Ян не знал, что на это сказать. Хотел сказать — прямо как Медея, но воздержался.

Реттиг доел свой кебаб. Он встряхнулся, словно хотел поскорее забыть неприятное воспоминание, и продолжил:

— Не волнуйся. Маргит никакой опасности для твоих малышей не представляет... Она не имеет права встречаться с детьми.

— Я не уверен, что хотел все это узнать.

— Но узнал, — тихо заключил Реттиг. — Есть много такого, чего люди не хотели бы знать о своих близких... Я, например, знаю слишком много.

— О больных?

— Обо всех.

Ян вспомнил о книжках в ящике кухонного стола. У каждого свои тайны.

— Значит, только письма? Ничего другого?

— Ни наркотиков, ни оружия, ничего такого. Только письма... а что ты думал, Ян? Я же сам там работаю. Разве в моих

интересах, чтобы люди вроде Ивана Рёсселя имели доступ к героину? Или к ножу?

Ян внимательно посмотрел на него:

— А Иван Рёссель тоже здесь?

Он знал это имя из бесчисленных рубрик в таблоидах. И шофер такси его упомянул.

— Конечно.

— Убийца Рёссель?

— Да. Убийца Иван Рёссель, — глухо произнес Реттиг. — У нас тут полно знаменитостей... ты даже представить не можешь.

Алис Рами, думает Ян. Но вслух произносит совсем другое:

— Когда я должен дать ответ?

— Лучше прямо сейчас.

— Я должен подумать.

— В гавани есть одно место... мы там репетируем. Можем встретиться там... Постучишь с «Богемос»... *jamie session*¹ или что-то в этом роде. И поговорим заодно. Годится?

Ян неуверенно кивнул.

— Тогда до завтра. Приходи в семь. Оттянемся, как говорят, по полной.

Не успел Ян запереть дверь за Реттигом, как тут же пожалел, что согласился. Зачем ему играть с «Богемос»? Он слышал их, они на две головы выше. Играют в другой лиге.

¹ *Jamie session* — спонтанная импровизация джазовых или рок-музыкантов.

Он покосился на барабаны и тарелки и хотел сразу немного поупражняться, но было уже поздно. Соседи вряд ли оценят его искусство игры на ударных инструментах.

«Зверомастер», «Сто рук принцессы», «Ведьмина болезнь», «Вивека в каменном доме». К этому времени он выучил все эти истории чуть ли не наизусть. Он уже знал, что принцесса, впервые появившись в деревне, кричит своим подданным: «Я вовсе не несчастна! Мне просто нравятся несчастья! Вот и все!» И что один из первых симптомов ведьминой болезни — тающие волосы.

Так почему же он в сотый раз перечитывает эти книги? Может, ищет какое-то скрытое послание? И если эти книги написала Рами, наверняка у нее был какой-то замысел, когда она попросила Жозефин спрятать их в детском саду. Какое же послание?

И ему кажется, что он наконец что-то нашел. Перелистывал «Зверомастера», наверное, в пятидесятый раз и заметил на полях первой же страницы маленькое чернильное пятно — справа, в самом низу, рядом с текстом. Казалось бы, ничего странного, но на следующем развороте обнаружилось такое же пятнышко, почти в том же месте, и на следующем.

Раньше он их не замечал — внимание было приковано к рисункам, он просто не видел эти пятнышки.

Похоже на маленького зверька. Белка?

Он положил большой палец на обрез и перелистал книгу: быстро отпускал страницы по одной — и белка задвигалась! Он вспомнил, что так начиналось искусство мультипликации, в школе рассказывали: рисовали на каждой странице,

скажем, дровосека... и, если быстро перелистывать книгу, дровосек начинал рубить дрова.

Белка, оказывается, кочевала из книги в книгу. В «Зверо-мастере» она прыгала в самом низу, в «Ста руках принцессы» и «Вивеке в каменном доме» допрыгала почти до середины, а в «Ведьминой болезни» доскакала до самого верха и исчезла. Все четыре книги были частями мультипликационного фильма о побеге маленькой белки.

Белка убегает.

Это, несомненно, знак. Во всяком случае, он понял это как знак.

20

Помещение, арендованное «Богемос» для репетиций, находилось в гавани, в нескольких кварталах от бара «У Билла». Совершенно пустая комната, только стены оклеены ячейками от яиц, чтобы гасить эхо.

Ян сидит за ударными. Он управляет ритмом, и в то же время ритм управляет им. «Богемос» начали с классики — *Sweet Home Alabama*. Устойчивый четырехтактный ритм, ему это было не трудно. Разогревшись, они больше часа играли старый рок.

Реттиг то и дело поворачивался к нему с микрофоном в руке и одобрительно подмигивал:

— Чуть мягче дробь, Ян!

Ян кивает — понял. Многие годы он в одиночестве сидел за компьютером и компоновал музыку. Странное чувство — оказаться среди живых музыкантов. Сначала нервничал, потом стало лучше и лучше.

Установка «Тама» довольно потрепанная, ничуть не лучше, чем его собственная, даже, пожалуй, похуже. Кожа на бочке и малом барабане потертая, вот-вот лопнет. Ну что ж... можно не осторожничать.

— Отлично, — улыбается Реттиг. — Плотнее и плотнее.

Кроме него и Яна еще двое — Расмус, вторая гитара, и бас-гитарист Андерс. Оба за все время репетиции не проронили ни слова, только иногда поглядывали исподволь, и Ян так и не понял, что они думают по поводу новобранца, заменившего их постоянного ударника Карла.

Интересно, а они тоже охранники из клиники?

В четверть девятого они начали собирать оборудование. Гитаристам собирать особенно нечего — они суют инструменты в футляры и исчезают. Остались Реттиг и Ян — он знает, что Реттиг ждет ответ.

— Хорошо играешь, — похвалил Реттиг, — африканский стиль.

— Спасибо. — Ян встал с табуретки. — Приятно было поработать.

— Ты и раньше играл в группе?

— Конечно, — врет Ян, не задумываясь.

Они замолчали. Стало неправдоподобно тихо — наверное, из-за яичных ячеек. Реттиг принес из прихожей длинный футляр и посмотрел на Яна:

— Надумал что-нибудь? Насчет вчерашнего?

Ян опустил голову.

— Сегодня День детей, четвертое октября, — сказал он тихо. — Ты знал об этом, Ларс?

Ларс покачал головой, не отрываясь от работы, — он развинчивал штатив микрофона.

— А разве не День коричных булочек?

— И это тоже.

Они опять замолчали.

— А у тебя есть дети, Ларс?

— Почему ты спрашиваешь?

— Общаясь с детьми, становишься мудрее.

— Да, наверное... но, к сожалению, детей у меня нет. Девушка есть, а детей нет. А у тебя?

— Нет... Своих нет.

— Ну ладно... так ты надумал что-нибудь? — повторил Ларс вопрос.

— У меня есть еще один вопрос... что вы от этого имеете?

— В общем, ничего, — ответил Реттиг после паузы.

— А не в общем?

— Чепуха какая-то... берем немного за доставку. Надо же сортировщика как-то заинтересовать. Сорок крон за письмо. На этом не разбогатеешь.

— И только письма? — Ян уже не помнил, в который раз он задал этот вопрос, но Реттиг оказался терпеливым парнем.

— Да, Ян. Обычные письма.

— О'кей... Можно попробовать.

— Прекрасно. — Ларс положил разобранный штатив на пол. — Сделаем так. Ты получаешь от меня пакет, а в следующую ночную смену захватишь его в комнату свиданий. Ночью, как можно ближе к полуночи. Но не каждую ночь... — Он достал из сумки какую-то распечатку. — Только когда работает один из нас. Вот расписание смен.

— Один из вас? Ты и кто еще?

— Карл. Наш ударник. — Ларс понизил голос. — Он тоже в охране... Значит, так. Где-то после одиннадцати ты поднимаешься на лифте в комнату для свиданий... Проверь, конечно, нет ли там кого, но могу гарантировать — никого не будет. Войдешь в комнату, положишь конверт под подушку на диване. И вернешься к детям. Они ведь спят в это время?

Ян кивнул. Вспомнил про двух электронных Ангелов.

— Есть вопросы?

— Насчет доставки — нет. Но мне хотелось бы побольше узнать о больных.

Реттиг укладывает в футляр микрофон, в другой — свою соло-гитару.

— Мы не имеем права говорить о наших больных, ты ведь знаешь.

— Что они делают там, наверху?

— Ничего особенного... Ждут. Как и мы все, ждут. Все только ждут и ждут.

Ян молчит. Спросить, не спросить? Наконец решается:

— А среди ваших... пациентов... нет ли случайно некоей Алис Рами?

Реттиг быстро покачал головой. Настолько быстро, что Яну показалось, он даже не попытался вспомнить.

— Нет. Анна есть, Алида есть... никакой Алис.

— А Бланкер?

На этот раз Реттиг задумался.

— Да... Бланкер есть. Мария Бланкер.

Ян вздрогнул и подался вперед:

— Сколько ей лет?

— Не старая.

— Лет тридцать?

— Может быть... тридцать, тридцать пять... очень пугливая. Или, может, скрытная. Сидит в одном из женских отделений и почти не выходит.

В одном из женских отделений... значит, их несколько?

— А у нее есть дети в подготовительной школе?

Ответы на вопросы следуют со все увеличивающимися промежутками.

— Может быть... к ней иногда приводят ребенка.

— Мальчик?

— Девочка.

— А как ее зовут?

Реттиг разводит руками и смотрит на часы:

— Мне пора домой. — Он кладет портфель на стол, не отпуская ручку, и внимательно смотрит на Яна: — Вернемся к письмам, Ян... Когда у тебя ближайшая ночная смена?

— Завтра.

— Прекрасно.

Реттиг достает из портфеля большой белый конверт, толстый, в несколько сантиметров. Две буквы выведены тушью: **S. P.**

— Можешь оставить вот это?

Ян принимает тщательно заклеенный скотчем конверт и взвешивает на руке. Не открывая, ощупывает.

Мягкий. Пачка писем... и только? Ничего твердого, никаких пакетиков с порошком наощупь он не обнаружил.

— Хорошо.

Он кивает Реттигу и пытается уговорить себя, что действует правильно.

21

На следующий день после репетиции с «Богемос» он сменяет в «Полянке» Ханну Аронссон. Не успел Ян снять куртку, она появилась из подушечной с приложенным к губам пальцем. Вид довольно уставший.

— Ш-ш-ш...

Дети только что уснули. Он молча кивает, проходит в комнату воспитателей и быстро сует рюкзак в свой шкаф. Рюкзак с конвертом — его первое секретное задание. Почтальон Ян.

И в кухню — к Ханне. Та стоит и ждет завершения цикла в посудомоечной машине.

— Спят хорошо?

— Надеюсь. — Она вздыхает. — Они сегодня как с ума посходили. Дуются друг на друга, режут, дерутся...

— А сколько их?

— Как всегда... — Ханна посмотрела на него с легким удивлением. — Лео, Матильда и Мира.

Они замолчали. С Ханной не так-то легко завязать разговор. С другими в «Полянке» — пожалуйста, говори на любые темы, все получается легко и непринужденно. Но не с Ханной. Клещами слова не вытянешь. И все же Яну есть о чем с ней поговорить.

— Ханна, помнишь, я рассказывал тебе на той неделе...

— Что?

— Ну... как я работал в детском саду и однажды потерял ребенка в лесу.

Она кивает — да, помню.

— А ты... ты никому про это не говорила?

По ее лицу невозможно что-либо прочесть. Большие, спокойные, ничего не выражающие глаза.

— Никому.

— Хорошо.

Ему вдруг показалось, что Ханна хочет еще что-то сказать. Нет, должно быть, и вправду показалось — вытщила последнюю партию посуды из посудомойки, расставила в шкафу и закрыла дверцу:

— Все. На сегодня все.

— Конечно. Какие планы на вечер?

— Еще не знаю... Наверное, схожу в спортзал.

Он и так догадывался, что Ханна держит себя в форме: тонкая, но мускулистая фигура, хорошо натренированное тело. Не как у Алис Рами — та худая, как былинка.

Через десять минут Ян запирает за Ханной дверь и остается в одиночестве. Ни телевизора, ни стереосистемы — только эхо вчерашнего рока с «Богемос». Неожиданно для себя он получил большое удовольствие от репетиции. Интересно, будет ли приглашать его Ларс Реттиг и в дальнейшем?

Вполне возможно. Надо только с честью справиться с ролью почтальона.

Дети крепко спят, и делать совершенно нечего. Ждать, пока стрелки покажут одиннадцать.

Он присел с книгой в кухне. Но сосредоточиться на чтении не может, все время поглядывает в окно, где царит непроглядная осенняя мгла.

Без четверти одиннадцать он достает из рюкзака толстый белый конверт и обоих Ангелов.

На всякий случай надевает велосипедные перчатки и, чувствуя себя идиотом, тщательно протирает конверт, чтобы не оставить отпечатков пальцев или случайно прилипшего волоса. На тот случай, если конверт попадет в руки доктора Хёгсмеда.

Без пяти одиннадцать он оставляет Ангел-передатчик в темной спальне, достает магнитную карточку и открывает дверь в подвал. Конверт в левой руке, Ангел-приемник на поясе. Невольно оглядывается на изображения зверей на стене.

Лифт ждет его, как и в тот раз. Он входит и нажимает кнопку. Стальная коробка вздрагивает и начинает медленно подниматься.

Странное ощущение — впервые он проделывает этот путь без детей, да еще посреди ночи.

Лифт резко, с толчком останавливается. Ян смотрит в окошко. В комнате для посетителей темно, никакого движения.

Очень медленно приоткрывает дверь — на несколько сантиметров, не больше. Ждет.

Ждет, прислушивается — никого. Осторожно ступает на ковровое покрытие. Опять, как всегда, когда он попадает в больничные владения, его охватывает чувство неутоленного любопытства, непреодолимое желание узнать больше.

Мебель в комнате почти неразличима — угловатые тени. Немного света все же проникает — из лифта и из маленького окошка в двери, через которую приводят пациентов. Подходит и заглядывает в это окошко — за дверью длинный, пустой, слабо освещенный коридор.

И дверь, естественно, закрыта — этим путем в клинику не попасть.

Все, что остается, — поднять левую подушку на диване и сунуть под нее конверт. Как можно глубже. Поправить подушку.

Ян бросает последний взгляд на диван, садится в лифт и спускается в подземный коридор. Не торопясь идет назад, поднимается по лестнице, закрывает за собой дверь, кладет карточку на место и начинает стелить постель.

Но заснуть не удастся.

Вот так. Он работает в Патриции всего три недели — и уже стал звеном какой-то сомнительной контрабандной цепочки.

И все из-за Рами. Если, конечно, это она. Мать Жозефин. Под новым именем Мария Бланкер.

Он таращит глаза в темноте и сожалеет, что не открыл полученный от Реттига конверт. А вдруг какое-то из писем адресовано ей?

«РЫСЬ»

Тиканье часов. Он, конечно, не слышал этого тиканья, он бежал через лес, но в мозгу неумолимо отстукивала секундная стрелка — быстрее, чем хотелось бы, потому что ему еще очень много надо было успеть, а времени совсем мало.

Он вбежал в ущелье, суровые скалы нависли над головой. Здесь он повесил накануне вторую красную стрелку. Никаких следов, указывающих, что Вильям пробежал здесь. С другой стороны, какие могут быть следы? К тому же Вильям не мог побежать другой дорогой.

Он миновал открытую железную решетку, выбежал из ущелья и притормозил.

Последнюю красную стрелку он поместил под большим камнем на земле. Стрелка указывала вверх, на обрыв, как раз туда, где вход в бетонный бункер.

Вильяма он не увидел.

Он полез вверх по крутому спуску. Дробь в голове сменили тяжелые, как на большом барабане, удары крови в ушах. Последние пару метров перед железной дверью он полз, как кот на охоте, стараясь не задевать кусты, чтобы не шуметь.

У двери он остановился и прислушался.

В бункере кто-то был. Тихие хлюпающие звуки. Не плач... Ян надеялся, что это не плач. Маленький мальчик, в осеннем холоде потекло из носа, вот и все.

Он протянул руку и тихо, стараясь не шуметь, закрыл дверь и задвинул оба засова.

Накануне он завернул пульт дистанционного управления в пластиковый пакет и спрятал под камнем у входа. Развернул пакет и нажал кнопку. Он, конечно, не мог видеть робота, но через бойницу в стене бункера прекрасно слышал свой собственный, искаженный громкоговорителем голос:

— Жди здесь, Вильям! Все хорошо, жди здесь.

Он положил пульт на место и повернулся. Быстро спустился с откоса и побежал к ущелью, сорвал матерчатую стрелу, скомкал и сунул в карман куртки. Вторую и третью постигла та же участь.

Дыхания уже не хватало, но он не снижал скорость. Барабан в голове не смолкал.

Прибыв на место, где началась игра, он посмотрел на часы. Без двадцати четыре. Ему показалось, что прошла вечность, а на самом деле они играли в прятки всего десять минут.

Он осмотрелся. Между елей мелькнула светло-зеленая курточка. Малыш присел в кустарнике, и, поскольку ему ничего не было видно, он решил, что и его никто не видит. А вон еще один. И еще.

Все. Он знал, где ребята. Вильям тоже на месте. План сработал. Можно было расслабиться.

Он улыбнулся, сложил руки рупором и крикнул:

— Всех вижу! Всех нашел!

22

В пятницу, прежде чем идти на ночное дежурство, Ян берет пустую кофейную чашку и выходит на лестничную площадку. Два марша вниз — и он стоит у двери с табличкой «В. ЛЕГЕН».

В квартире тихо, он уже дважды пытался позвонить, но никто не открывал. Третья попытка.

На этот раз в двери что-то загремело, и она приоткрылась на несколько сантиметров.

— Добрый вечер, — быстро произносит Ян и показывает чашку. — Я живу тут над вами... хотел спросить, нельзя ли позаимствовать немного сахара... решил испечь коврижку. Меня зовут Ян Хаугер.

Леген смотрит на него, как старый боксер на давнего и ненавидимого противника. Настроение, судя по всему, не из лучших. Тем не менее он берет чашку и поворачивается. Ян просовывает голову в дверь и оглядывается.

В прихожей темно, не прибрано, пахнет табаком. Холщовый мешок, который он заметил раньше, валяется на полу, рядом с подставкой для обуви. Сейчас текст виден полностью. «Прачечная Святой-Патриции».

Он был прав.

Леген возвращается с чашкой, до половины заполненной сахарным песком.

— Огромное спасибо, — улыбается Ян и собирается спросить насчет мешка, рассказать, что он тоже работает в Святой-Патриции, но не тут-то было: Леген кивает и захлопывает перед его носом дверь. Поворот ключа в замке.

Ян поднимается к себя и высыпает сахар в пакет для мусора.

В девять вечера он садится на велосипед и крутит педали в «Полянку», не переставая думать о конверте под подушкой в комнате для посетителей. К этому времени Реттиг наверняка его захватил. И конечно, каким-то образом это повлияет на пациентов, только Ян не знает как.

Но ничего не изменилось. А что могло измениться? Бетонная стена как стояла, так и стоит, прожектора как горели, так и горят. Сегодня он сменяет Лилиан, и она, как Ян и ожидал, уже уложила детей спать.

— Привет, Лилиан.

— Привет, привет!

Вид немного уставший, но голос бодрый. Иногда Яну кажется, что дети ее побаиваются, хотя она охотно с ними играет. Что-то есть в ней... какое-то напряжение и вместе с тем хрупкость.

— Во всеоружии перед выходными?

— А то!

— Пойдешь веселиться?

— Уж будь уверен.

Сказано многозначительно: дескать, буду веселиться — небесам станет жарко... но Яну кажется, что ничего такого особенного от этих выходных она не ждет.

Она быстро натягивает куртку и, даже не спросив, что он собирается делать на дежурстве, исчезает — без традиционного пожелания хорошо провести выходные.

Он в одиночестве.

Зашел в подушечную, посмотрел, как спят дети. Все спойно. Переоделся, постелил, проверил, вымыта ли посуда. Выполнил все ритуалы ночной смены и лег в одиннадцать, но, как почти всегда в последнее время, сон не шел. То ли душно в комнате, то ли диван узкий и неудобный... а главное, в кухонном ящике лежит магнитная карточка и тоскует по нему... а он-то тоскует по ней еще больше.

Он тихо вздыхает. Не поддаваться. Лежать и стараться уснуть. Сегодня он в подвал не пойдет. Все равно из комнаты для свиданий пути в больницу нет, теперь он это знает.

Дверь заперта. Но ведь у Реттига наверняка есть ключ. Он же должен каким-то образом войти в комнату и захватить оставленный Яном конверт.

Интересно, получили ли больные свои письма? Может быть, именно сейчас Ларс Реттиг бродит по палатам и раздает их.

Ян поворачивается на другой бок. Ему не дает покоя мысль, что обязательно есть еще какой-то тайный ход в больницу.

Может, убежище в подвале? Там два выхода, один в коридор с лифтом... а куда ведет второй? Он даже не знает, можно ли его открыть. Может быть, оттуда прямая дорога в отделения? Или он упрется в бетонную стену? Если не проверит, он так никогда этого и не узнает.

Без четверти двенадцать. Дети спят, а магнитная карточка — нет. Магнитная карточка не спит и ждет его.

Громадина Санта-Психо напоминает ему гору, которая самим фактом своего существования привлекает альпинистов. Как Эверест. Но Эверест в свое время потребовал немало жертв...

Нет, лучше представить клинику в виде пещеры, которую надо исследовать. Ян никогда не слышал, чтобы кто-то из спелеологов погиб в пещерах, хотя такие случаи наверняка были.

Надо решаться. Он откидывает одеяло и садится в темноте.

Заглянет в убежище — и все. Дальше можно будет попробовать уснуть.

Через десять минут он уже в подземном коридоре. Ангел-приемник на месте — прикреплен к поясу. Окно лифта темное — очевидно, лифт наверху, но лифт ему сейчас не нужен. Он сворачивает по коридору, доходит до стальной двери, машинально читает надпись: «*Дверь всегда должна быть заперта*» — и нажимает на ручку. Теперь ему не приходится шарить по стене рукой — он прекрасно помнит, где в тот раз нашел выключатель.

Здесь ничего не изменилось. Ковровое покрытие, несколько подушек, какая-то мебель. Никого здесь не было.

Впрочем... Он попытался припомнить: лежащий на полу матрас — не стоял ли он тогда прислоненным к стене? Так и не вспомнил.

Но все тихо. Оставив дверь открытой, он осторожно вошел в убежище и направился к противоположной стороне. Вот эта дверь, которая, возможно, ведет в отделения. Еще одна закрытая дверь с длинной стальной ручкой.

Ян нажимает на ручку. Ручка чуть подается и останавливается. Он встает на цыпочки и налегает на ручку всем телом — безрезультатно.

Больница отказывается его впустить.

Он переводит дыхание и замирает.

Звук? Или какая-то вибрация пола?

И какое-то гудение, словно бетонные стены убежища внезапно ожили. Он не сразу понимает, что это, но догадка приходит мгновенно.

Мотор.

Он гудит и гудит, все сильнее и сильнее.

Лифт. Лифт ожил. Он спускается в подвал.

Ян отпускает ручку и вслушивается. Мягкий щелчок. Все затихает на секунду, потом он слышит совершенно ясно, как открывается стальная дверь кабины. Кто-то спустился на лифте в подземный коридор.

23

Ян стоит, не шевелясь, в темной бетонной коробке.

Решайся.

Единственное, что он успел сделать, — выключил свет. И замер. Обратился в слух. Звуки отражаются от каменных стен, огибают углы.

Он слышит, как закрылась дверь лифта, ему кажется, он слышит шаги. Тихие, крадущиеся, они постепенно удаляются.

Кто-то идет по подземному коридору.

Кто-то направляется к лестнице в «Полянку».

В «Полянку», где спят дети. Лео, Мира и Матильда.

Я *должен* что-то предпринять, лихорадочно думает он. Что?

И он решается. Медленно выходит в коридор. Тень его кривляется на стене. Шаг, еще шаг. Еще один.

Внезапно гаснет свет. Тот, кто вышел из лифта, поднялся по лестнице и выключил свет в туннеле.

Ян слышит, как открывается дверь в «Полянку» и со скрипом закрывается. Значит, у ночного посетителя есть такая же магнитная карточка. Итак, посетитель в детском саду, с детьми. А он, Ян, который несет за них ответственность, заперт в коридоре и не может прийти к ним на помощь.

Конечно, у него есть своя карточка, он может попасть к детям, но этого мало.

Нужно оружие. Все что угодно, он должен защитить себя и детей. Возвращается в убежище и нащупывает на полу пустую винную бутылку — на счастье, запомнил, где она лежала.

Сойдет. Маленькая бейсбольная бита.

В коридоре темно — слабенький свет из окошка лифта почти ничего не освещает. Скользя рукой по стене, он идет к лестнице.

Ян почти забыл о своем Ангеле, но внезапно слышит в динамике отчетливый скребущий звук. И еще какие-то зву-

ки, напоминающие дыхание. Значит, неизвестный проник в спальню.

Ему кажется, биение его сердца слышно во всем огромном здании. Он ускоряет шаг.

Большинство пациентов никакой опасности не представляют. Так его уверял доктор Хёгсмед. Большинство... но некоторые все же опасны? Иван Рёссель, убийца. Маргит, старуха с дымящейся двустволкой, расстрелявшая собственных детей...

О, дьявол! Он ускоряет шаг. Бетонная стена трет пальцы, как наждак.

Еще и это... Ян задевает какую-то картину, и она с грохотом падает на пол. Но он не останавливается.

Натыкается на лестницу — сюда свет из лифта уже совсем не доходит. Он поднимается — медленно, осторожно, шаг за шагом, с остановками, — пока его рука не нащупывает дверь. Дверь заперта.

И вдруг он осознает, что от волнения забыл код. Ни одной цифры. Что это было? День рождения Марии-Луизы... но когда же, черт ее побери, она родилась?

Он прибавляет громкость Ангела-приемника и слышит шаркающие шаги. Кто-то ходит в детской спальне. Посетитель из Санта-Психо.

Код! Код, код, код!

Спокойно. Он старается расслабиться и сосредоточиться. Вот... что-то брезжит. Ну да... цифры возникают одна за другой. Три, один, ноль, семь. Тридцать первое июля.

Он нажимает на ощупь цифры, проводит карточкой. Замок щелкает. Дверь открыта.

Он осторожно, держа перед собой бутылку, открывает дверь.

Тишина.

Дверь в спальню приоткрыта. Он точно помнит, что, уходя, плотно ее закрыл. Рука с зажатой бутылкой мгновенно вспотела.

Три ребенка. Лео, Матильда и Мира. Он предал их.

Затаив дыхание, Ян подходит к двери.

В спальне темно.

Он вглядывается — сейчас, откуда ни возьмись, на него метнется огромная темная фигура.

Но нет. Никакого движения. Все трое мирно посапывают под своими одеяльцами. Спальня небольшая, прятаться в ней негде.

Пусто. И куда делся загадочный посетитель?

Ян выходит из спальни, зажигает верхний свет в прихожей и обходит все комнаты. Одну за другой. Заглядывает в каждый угол. Никого.

Напоследок выходит в прихожую. Дверь закрыта. Он нажимает на ручку — не заперто. Кто-то открыл дверь и вышел.

Ян открывает дверь и всматривается в темноту.

— Алло! — кричит он в ночь, похоже, только для того, чтобы услышать свой собственный голос.

Молчание. Во дворе никого нет, ночная улица пуста.

Он закрывает дверь — в прихожей уже стало заметно холоднее. Резко выдыхает и смотрит на часы. Четверть первого.

Надо спуститься в подвал, поднять упавшую картину и погасить свет в убежище. И конечно, положить на место

бутылку — вряд ли ему удастся объяснить Марии-Луизе, откуда в садике взялась пустая винная бутылка.

Вернувшись, он вгоняет ножку стула под ручку двери в подвал — теперь никто не откроет ее, даже с магнитной карточкой.

В восемь утра он заканчивает смену. Остаток ночи прошел спокойно, ему даже удалось поспать. Сердце продолжало колотиться довольно долго, но страха не было. Скорее одиночество.

Наша деятельность безопасна... безопасность — наш главный приоритет, сказал доктор Хёгсмед.

Ян пока не придумал, как ему проникнуть к Рами. Пока не придумал. Но теперь он знает твердо: кто-то пользуется «Полянкой» как шлюзом.

Остается только надеяться, что этот кто-то — не пациент.

24

Очередной конверт от Реттига. Ян спал. Ему уже начал сниться какой-то сладкий сон про любовь, но он внезапно проснулся. Посмотрел на часы — семь утра. Что его разбудило, спросонья понял не сразу, но потом сообразил: кто-то бросил почту в прорезь на входной двери. Обидно — тут же забыл сон, и пытаться снова заснуть смысла не было.

Выглянул в прихожую — на полу лежал точно такой же конверт, как и тот, что передал ему Реттиг, с единственной разницей: на этот раз конверт был бледно-желтый. А так — примерно такой же толстый, с выведенными от руки жирными буквами **S. P.**

На этот раз Ян сделал то, на что не решился в первый раз. Он распечатал конверт. Не сразу — сначала отнес его в кухню и осмотрел. Конверт заклеен обычным прозрачным скотчем — такой продается в любой продуктовой лавке. Почему-то именно этот факт придал ему решимости, и он начал резать и отдирать скотч с задней стороны.

И вдруг остановился. Интересно, запрещено ли *открывать* письма, которые *запрещено* доставлять? Он мысленно оценил философскую глубину этого вопроса, но отложил его на потом.

Удалив скотч, подsunул под клапан узкий филейный нож и осторожно открыл конверт.

Реттиг не обманул его. Письма. Только письма. Он насчитал тридцать четыре штуки, разного размера, разного цвета и с разными адресатами. Адресаты разные, но адрес один на всех письмах. Разные почерки, кто пишет карандашом, кто шариковой ручкой, кто чем: *Клиника Святого-Патриция*.

Ян внимательно просмотрел, кому прислали письма, и удивился: несколько штук, больше чем кому-либо другому, адресованы Ивану Рёсселю.

Убийца Иван Рёссель получит сразу девять писем.

Впрочем, это единственное знакомое ему имя. Ни одного письма Алис Рами. Марии Бланкер писем тоже нет.

Ян потерял глаза и задумался. Если он не может проникнуть к Рами, то почему бы не написать ей письмо? Что ему терять?

В одном из кухонных ящиков лежал почтовый набор, давным-давно подаренный матерью, когда он стал жить самостоятельно. Вручную склеенные конверты, толстая, с виньетки бумага. За десять лет не истратил ни одного листа.

Он взял ручку и уставился на лист. Ему так много надо ей сказать... Но в конце концов он написал всего несколько слов, почему-то заглавными буквами. Простой вопрос:

ДОРОГАЯ БЕЛКА! ХОТЕЛА БЫ ТЫ
ПЕРЕПРЫГНУТЬ ЧЕРЕЗ ОГРАДУ?

И подписал своим именем: Ян. А дальше? Не дать ли свой адрес? Нет, не стоит. Ответ наверняка попадетсЯ на глаза Ларсу Реттигу или кому-то еще из его команды. Поэтому после короткого размышления он ставит подпись: Ян Ларссон — и указывает старый гётеборгский адрес.

Заклеивает конверт, пишет название клиники, имя Марии Бланкер и кладет письмо в общую пачку.

На следующий день он возвращается в «Полянку» с конвертом в рюкзаке. На этот раз — вечерняя смена. Три часа наедине с детьми, и, когда они уснут, у него вполне хватит времени, чтобы сбегать в комнату для свиданий в Санкта-Психо. *Комната для свиданий родителей с детьми*. Как вам это нравится? А теперь еще и почта.

Все тихо и спокойно, как всегда... нет, не все. В воспитательской сидит Мария-Луиза и пьет кофе с каким-то женщиной.

Ян замер на пороге и похолодел. Тут же вспомнил, что случилось позавчера: неизвестный визитер вышел из лифта, прошел через садик и исчез в ночи.

Что значит — пьет кофе с каким-то женщиной? Этот мужчина ему очень даже знаком. Густые каштановые волосы, очки, никогда не улыбающийся рот.

— Привет, Ян. Как дела?

Главный врач, Хёгсмед. Ян поискал глазами набор шапочек, но шапочек не было. Только недопитые чашки и блюдо с плюшками.

Он быстро изобразил приветливую улыбку и с протянутой рукой двинулся к столу:

— Все хорошо, доктор.

— *Патрик*, Ян. Мы же договорились. *Патрик*.

Ян кивает. Никакой он не Патрик. Доктор и есть доктор.

Хёгсмед смотрит на него изучающе:

— Ну как? Освоил распорядок?

Он, похоже, ждет ответа.

— Освоил... здесь все замечательно.

— Приятно слышать.

Яну все труднее удерживать на лице улыбку — сам он уже не ощущает свою гримасу как улыбку. Какая-то судорога. Ему кажется, пакет с письмами торчит из рюкзака. Нет, конечно, рюкзак застегнут, но... а вдруг Хёгсмед подозревает что-то неладное? А может, Ларс Реттиг попался?

Наконец врач отводит от него взгляд и обращается к начальнице:

— И как он у вас?

Вопрос звучит совершенно обыденно, но Мария-Луиза вдруг преисполняется энтузиазмом:

— Ой, что вы! Мы очень, очень довольны! Дети его обожают. Он так замечательно с ними играет! Настоящий товарищ по играм!

Даже неумеренные комплименты не помогают Яну расслабиться. Охотнее всего он выскочил бы из комнаты, подальше от змеиного взгляда доктора Хёгсмед.

— Нет-нет, спасибо! — отказывается он от предложенного кофе. — Только что пил. Стараюсь много кофе не пить, дрожь начинается... от кофеина то есть.

Он поворачивается и идет в комнату для игр. За его спиной Хёгсмед наклоняется и шепотом говорит что-то Марии-Луизе, но за радостным детским криком он не расслышал что именно.

— Сюда, Ян!

— Смотри, что я построил!

Дети окружают его, хватают за руки, смеются и лопочут, но ему трудно сосредоточиться. Он все время оглядывается на дверь... вот-вот, в любой момент, ему на плечо ляжет рука и некто строгим голосом прикажет явиться на беседу. На допрос.

Но ничего такого не происходит. Через несколько минут Ян осторожно заглядывает в воспитательскую. Стол пуст. Хёгсмед исчез.

Теперь надо попытаться успокоиться. Наверное, не стоит сегодня подниматься на лифте — а если доктору опять придет в голову заглянуть в подготовительную школу? Но держать эту бомбу в своем шкафу тоже не хочется.

Время до вечера тянется мучительно медленно. Даже когда рабочий день кончился, сотрудники уходили словно бы неохотно, и детей забирали с большими перерывами. Ян разогревает ужин — мясные фрикадельки со сваренной в укропе картошкой, кормит детей, читает им что-то... наконец уgomонились.

Без четверти девять. Реттиг советовал ему выбирать время попозже, но Яну не терпится. Андреас сменит его не раньше чем через час.

Он выжидает немного, бросает последний взгляд на спящих детей и спускается в подвал — с Ангелом-приемником на поясе и конвертом под футболкой.

Надо спешить. Почтальоны работают быстро.

Лифт стоит на месте. Он, затаив дыхание, поднимается в комнату для свиданий. Все тихо, все спокойно, все лампы погашены. И прямо к дивану, второй раз не так страшно. Поднимает подушку и замирает — его конверт лежит на месте. Его никто не взял.

Нет! Это не тот конверт, который он сунул под подушку несколько дней назад. Этот толще и больше, и на нем написано большими неровными буквами:

ОТКРОЙ И ОТПРАВЬ ПО АДРЕСАМ!

Ответ. Санта-Психо откликнулась. Ян некоторое время растерянно смотрит на конверт, потом хватает его, сует под футболку, а под подушку кладет тот, что принес, — бледно-желтый.

В «Полянке» по-прежнему тихо. Только через полчаса Ян слышит звук открываемой двери. Вздрагивает. Но тут же успокаивается. Это Андреас. Как всегда, спокойный, веселый и дружелюбный. Стабильный парень. У него, похоже, вообще нет никаких проблем.

— Привет, Ян! Все в порядке?

— В порядке... Наши маленькие друзья спят без задних ног.

Ян улыбается, надевает куртку и достает из шкафа рюкзак. Конверт уже там.

— Счастливо, Андреас... Спокойного дежурства. В понедельник увидимся.

Почему этот доктор Хёгсмед не выходит из головы? Почему он все время о нем думает?

Ян закрывает за собой дверь, задергивает жалюзи в кухне и открывает конверт.

Письма из больницы рассыпаются по полу, как карты из колоды. И число почти совпадает — сорок семь штук. Большие, маленькие, с аккуратно наклеенными марками, адресованные самым разным людям в Швеции. Кроме двух: одно письмо предназначено для отправки в Гамбург, другое — в Баию, в Бразилию. Имя отправителя не указано ни на одном письме.

Ян взволнованно раскладывает письма на столе. Похоже на гигантский пасьянс. Передвигает, сортирует, изучает почерки — очень разные, небрежно-торопливые и аккуратные, с наклоном и без... и под конец опять собирает в конверт.

Всё в его власти. Может отправить, может выкинуть.

Перед сном он размышляет... интересно, кто же пишет все эти письма?

Может быть, Иван Рёссель. А почему бы и нет? Он получил больше всех писем. Ответил ли он на эти письма?

А Рами? Пишет ли она кому-то? Вряд ли... ведь и ей никто не пишет. Но сейчас в комнате свиданий под подушкой лежит адресованное ей письмо.

Ян засыпает и тут же погружается в сон — тот самый, который накануне был так грубо прерван. Он с Алис Рами. Они живут вместе в деревне, на ферме. Ни решеток, ни оград, ни даже заборчиков. Они идут по тропинке, свободные и бесстрашные, они оставили позади все жизненные неурядицы, ошибки и несчастья. У Рами на поводке большая ко-

ричневая собака. Сенбернар. Или, может, ротвейлер. Сто-рожевая собака, но очень добрая и подчиняется Рами бес-прекословно.

«РЫСЬ»

Краем глаза Ян заметил Сигрид — в двадцать минут пятого она появилась в раздевалке «Рыси». Они вернулись из леса уже с полчаса назад, и пора было закрывать садик.

На обратном пути все было замечательно. Если не считать, что вместо семнадцати ребятишек в группе было только шестнадцать. Но Ян помалкивал. Ни Сигрид, ни дети, по-видимому, просто не заметили отсутствия маленького Вильяма. А Ян помалкивал.

Но ни о чем другом он думать не мог.

Они вернулись в садик, и Ян исчез на десять минут. Даже меньше — ему надо было только добежать до ближайшего почтового ящика. Три маленьких квартала. Он остановился в темной подворотне и достал из кармана шапочку Вильяма.

Конверт с адресом он приготовил еще накануне. Сунул шапочку в конверт, заклеил, бросил в ящик и вернулся на работу.

А сейчас он стоял в раздевалке и беседовал с женщиной, имя которой в тот момент даже вспомнить не мог, а потом вспомнил. Мама Макса Карлссона. Она пришла забрать сына.

Сигрид прервала их разговор.

— Извините, — тихо, дрожащим голосом сказала она. — Ян, можно тебя на минутку?

— Конечно... а что?

Она отвела его в сторону:

— У тебя здесь, в «Рыси», нет лишнего ребенка?

Он посмотрел на нее с хорошо разыгранным удивлением:

— Как это?

Сигрид огляделась:

— Вильям... Вильям Халеви... Отец ждет его в «Буром медведе», пришел за ним... а Вильяма нет.

— Как это нет?

Она обреченно покачала головой:

— Можно, я пробежусь по комнатам?

— Конечно.

Сигрид исчезла. Ян проводил Макса с его мамой, пома- хал им на прощание и вернулся в раздевалку. Сигрид была уже там. Вид отчаянный.

— Не знаю, куда он мог подеваться... — Она пригладила торчащие волосы. — Я даже не помню, был ли он, когда мы возвращались из леса. Туда он шел с нами... а вот назад... Ты не помнишь?

Ян покачал головой. Вспомнил картинку: Вильям бежит в ущелье.

— К сожалению... я не очень хорошо знаю ребят из «Бу- рого медведя».

Они замолчали, уставившись друг на друга. Сигрид мотнула головой, будто хотела стряхнуть кошмарное виде- ние.

— Что ж... я пошла к отцу. Но что же делать... надо сроч- но звонить в полицию.

— О'кей, — сказал Ян.

В груди у него похолодело, точно сосулька застряла в пи- щеводе.

Надо звонить в полицию.

Началось. Теперь от него мало что зависит.

25

Ни дать ни взять — кадр из фильма про подпольщиков. Или про шпионов. Тайный курьер. Никакого риска Ян не допускает. Он едет на работу кружным путем, как можно более дальним, спрыгивает с велосипеда на пустой улице и бросает письма в почтовый ящик. Сорок семь писем канули в огромный мир. Доброго пути! Сорок семь писем от больных — или как их назвать? Заключенных?

А потом, как ни в чем не бывало, Ян едет на работу. По утрам уже подмораживает, лужи за ночь затягивает хрустким ледком, а на дороге образуется ледяная корка. Скоро придется расстаться с велосипедом — становится скользко, и это по-настоящему опасно.

Не успевает он открыть дверь в раздевалку, как слышит топот маленьких ножек. Матильда. Глаза ее сияют от восторга.

— У нас полиция!

Выдумщица.

— Вот как? — Ян снимает куртку. — И что они хотят? Попить с нами сока?

Матильда смотрит на него широко раскрытыми глазами и начинает смеяться только после того, как он ей подмигнул. Ох уж эти воспитатели, болтают всякую ерунду. Им-то все можно, а поди различи, когда они шутят, а когда говорят серьезно.

И в самом деле — полиция. Не в детском саду, конечно, — на территории больницы. Полицейская машина припаркована у ворот, а когда он через четверть часа выглядывает в окно, видит за ограждением двоих полицейских. Они медленно идут вдоль ограды, тихо о чем-то разговаривают и все время смотрят под ноги, будто ищут что-то.

И тут же возникает ощущение тревоги. Как всегда, когда он видит полицейских. После «Рыси» — всегда.

В кухню входит Мария-Луиза.

— А что там делает полиция? — спрашивает он.

— Не знаю... кажется, ночью что-то случилось.

— Побег? — Он старается говорить как можно спокойнее.

— Не думаю... с чего бы? Завтра все узнаем. Завтра придет рапорт.

Она говорит о еженедельном рапорте. Доктор Хёгсмед каждую среду присылает рапорт о событиях в больнице, но до сих пор это было неслыханно скучное чтение.

Каждую минуту могут постучать в дверь — громко и уверенно, как обычно стучит в дверь полиция. Но никто не стучит, а когда он опять выглядывает в окно, полицейских уже не видно.

Можно выдохнуть спокойно. Судя по всему, он ни при чем. Но когда в десять часов Ян собирается отвести Феликса на свидание, Мария-Луиза его останавливает.

— Сегодня не будет посещений, Ян. Отменили... — тихо говорит она.

— Да? — Ян машинально тоже понизил голос. — Почему?

— Экзитус...¹

— Экзитус? Кто-то умер?

— Да... ночью умер один из больных.

— Что случилось?

— Точно не знаю... но, судя по всему, неожиданно.

¹ Экзитус — *exitus letalis* (лат.), смертный случай.

Ян не задает больше вопросов. Продолжает играть с детьми в прятки и в «кто последний». Но мысли его далеко. Он думает о посланном вчера письме. Любовное послание... но и угроза: все тайное может стать явным.

А где живет Ларс Реттиг? Номер телефона? В телефонном справочнике его нет. Ян после работы идет в город. В «У Билла» тоже нет — «Богемос» сегодня не выступает.

Ну что ж... есть еще репетиционное помещение. Дверь закрыта, но вой электрогитар слышен даже на улице. И ритмичная дробь ударных. У Яна мгновенно испортилось настроение — он уже не нужен.

Ян постучал, но никто не открыл. Посильнее — никакой реакции. Затычки у них, что ли, в ушах?

Он толкнул дверь и просунул голову.

Музыка смолкла, и все четыре головы, как по команде, повернулись к нему.

— Привет, Ян, — после неловкого молчания произнес Ларс Реттиг.

— Привет, Ларс... надо бы поговорить.

— Само собой. Заходи.

— Нет... я имею в виду, нам с тобой.

Яну кажется, что все на него смотрят с подозрением. Музыканты словно замерли в движении, каждый со своим инструментом наготове. Ударника Карла он не знает. Или... нет, где-то он его уже видел.

— О'кей, — Реттиг кивнул. — Подожди немного, я сейчас.

Банда четырех. Наверное, не только Ларс, а все они, вся группа, — санитары в Санта-Психо.

И тут же вспомнил, где видел Карла. Бойцовский питбуль с мощными челюстями и баллоном со слезоточивым газом на поясе. Это именно Карл принял у него Жозефин в комнате свиданий.

Карл мрачно смотрит в сторону двери. Ян отступает в тень, но охранник наверняка его уже заметил.

— Только у меня совсем мало времени, Ян. — Реттиг подошел к двери. — Всего несколько минут... Давай выйдем на улицу.

Они прошли по пустому тротуару с десятков метров, и Реттиг остановился:

— Можем поговорить здесь.

Яну всегда очень трудно задавать прямые вопросы — ему кажется, что он прижимает собеседника к стенке. Но он объяснил спросить.

— Кто умер сегодня ночью?

Реттиг смотрит на него с удивлением.

— Кто сегодня *умер*? — переспрашивает он с ударением.

— Мы утром узнали, что в Патриции кто-то умер.

Реттиг кивает, но не сразу. Подумал сначала, как реагировать.

— Больной...

— Мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Он писал письма?

Реттиг быстро оглядывается по сторонам:

— Об этом говорить не надо. — Он улыбается Яну, но улыбка получается неестественной.

Интересно, знает ли Реттиг, что он вложил в конверт свое письмо, адресованное Алис Рами. Вернее, женщине, про

которую он думает, что она и есть Алис Рами. Может, и знает. Не исключено.

— Собственно, хотел я спросить вот что: почему эти письма так для тебя важны? Можешь рассказать?

Реттиг опускает глаза.

— Мой брат в тюрьме, — тихо говорит он после долгой паузы. — Сводный брат. Тумас.

— В больнице? В Санта-Психо?

— Нет... в тюрьме. В Кумле. Восемь лет за особо дерзкое ограбление. И он ни о чем так не мечтает, как получать письма... много писем. Но большинство до него не доходит. Их перехватывают. И я не могу наладить с ним контакт, потому что тогда... тогда — прощай, работа. — Он глубоко вздохнул. — Так что я пытаюсь хоть что-то сделать для бедняг в Патриции.

Ян кивнул. Вполне правдоподобно.

— А тот, кто умер... — еще раз спрашивает он. — Он получал письма? Или писал?

— Нет... — устало произносит Реттиг. — Педофил на принудительном лечении, никаких связей, никаких друзей, никаких корреспондентов. У него остался только один настоящий друг... и знаешь, кто? Вернее, что? Он был уверен, что на плече у него вторая голова. Сам тихий и приветливый, а вот вторая голова — кошмар, да и только... Ясное дело, никто эту голову не видел, кроме него самого... Но парень клялся и божился, что не он, а его вторая голова вынуждает его кидаться на детишек. И за стенами Патриции у него никого не было. Даже адвокат отказался его навещать, так что он впал в депрессию. И чем дальше, тем хуже.

— И что он сделал?

— Рано утром у него случился припадок активности... и он — естественно, под руководством второй головы — проник в комнату, где нет решетки на окне. И выбросился на каменную веранду. С пятого этажа.

— Рано утром?

Реттиг уже повернулся, чтобы идти назад, но задержался на секунду:

— Мы нашли его в половине седьмого, но врач считает, что погиб он около четырех утра... В это время суток одиночество достает хуже всего, или как?

На этот вопрос у Яна ответа нет. Но чувствовал он себя очень скверно — будто именно он явился причиной самоубийства.

— Не знаю... — говорит он, — я в это время сплю.

26

Бетонная стена рядом с детским садом. Олицетворение безнадёжности. Безнадёжности и жестокости. Эта мысль посещает Яна каждый раз, когда он гуляет с детьми во дворе, поэтому он старается смотреть в другую сторону. В сторону ратуши.

Там кипит жизнь — подъезжают и отъезжают машины, дети бегут в школу, загораются и гаснут по вечерам окна... Тоже свой распорядок, как и в его подготовительной школе.

Середина октября. Над побережьем плывут темные ноябрьские облака. Дети играют во дворе, но как только с неба начинают капать первые ледяные капли осеннего дождя, Ян быстро уводит их в помещение. Все равно через несколько

минут предстоит медосмотр: сестра из клиники периодически контролирует здоровье детей.

— Крепкие, как орешки, — обычно говорит она после осмотра. — И аппетит у всех — позавидуешь.

Ян кивает, но про себя отмечает, что она переврала по словицу. Крепкие, как *ореховые ядрышки*.

После этого все собираются в спальней. В подушечной. Очередной ритуал: Мария-Луиза опрашивает детей — какие у них предложения?

Предложений всегда много.

— Я хочу домашнее животное, — говорит Мира.

— И я! — кричит Жозефин.

— Почему? У вас же есть звери. Полным-полно всяких зверей.

— Мы хотим настоящего!

— Чтобы он бегал!

Мира умоляюще смотрит на Яна и Марию-Луизу:

— Ну, пожалуйста...

— Я хочу богомола! — кричит Лео.

— Хомячка! — Это Хуго.

— А я хочу кошку! — Матильда.

Дети возбуждены, но Мария-Луиза очень серьезна.

— Домашним животным требуется уход.

— Мы будем ухаживать!

— Постоянный уход. А что мы будем делать, когда в «Полянке» никого нет?

— Они будут жить сами! — Матильда весело смеется. — Мы запрем их и оставим им много еды и воду.

— Зверей нельзя оставлять одних. — Мария-Луиза отрицательно качает головой. Она по-прежнему серьезна.

Вечером Ян остается один с двумя детьми, и оба засыпают мгновенно. С этой недели в садике ночуют только Мира и Лео. Для Матильды нашли приемную семью, и они забирают ее в пять часов каждый день. Удочерившая пара — пожилая женщина и мужчина в серой кепке — производит очень приятное впечатление. Спокойные, доброжелательные.

Что ж, будем надеяться, что так оно и есть. Но откуда ему знать? Чужая душа — потемки. Ян все время вспоминал рассказ Реттига про выбросившегося из окна заключенного... больного. *Сам-то он был тихим и приветливым, а вот вторая голова — кошмар, да и только.*

Нет, надо стараться верить людям. Сам Ян надежен, как скала, надежнее не бывает... за исключением тех нескольких минут, когда он покидает спящих детей и бежит отнести письма.

И сегодня тоже. Сердце бьется сильнее обычного — воспоминание, как кто-то спустился на лифте и прошел через детский сад, никуда не делось, как он ни старался загнать его поглубже. Но с тех пор все было спокойно.

И опять он обнаруживает под подушкой пухлый конверт с тем же призывом: ОТКРОЙ И ОТПРАВЬ ПО АДРЕСАМ! Пульс участился.

Он хотел открыть конверт прямо в воспитательской, но решил не рисковать — уже без двадцати десять, Ханна может явиться в любую минуту, и все его секреты станут общим достоянием.

Она и в самом деле пришла пораньше — без десяти десять стояла в дверях, покрасневшая от вечернего морозца. — Все тихо?

С этими розовыми щеками и выбившимися из-под шапочки белокурыми локонами, она выглядит необычно возбужденной, даже радостной. Ян молча кивает и идет за курткой.

— В полвосьмого уже спали без задних ног. Вдвоем они спокойнее, чем втроем.

— Это уж точно.

Говорить больше не о чем. Ян берет свой рюкзак — и вдруг вспоминает, что забыл положить на место магнитную карточку от двери в подземный ход. Дверь-то он закрыл, а про карточку забыл.

Идиот.

— Я забыл одну вещь... — говорит он.

— Что? — спрашивает Ханна, но Ян уже в кухне. — Забыл положить на место карточку?

Ханна стоит у него за спиной. Она даже не сняла кожаное пальто. Щеки немного побледнели.

— Именно так... — Ян задвигает ящик и выпрямляется. — Отводил ребенка, и вот..

— Со мной тоже такое было.

Поверила? Может, и нет, но что он может сделать? Ничего. Попрощаться и уйти. Слава богу, конверт не забыл. Конверт лежит в рюкзаке.

Он распечатал конверт, даже не раздеваясь. Метод уже известен: аккуратно снять скотч, благо не очень клейкий, и тонким ножом поддеть клапан. Дрожащими пальцами перебирает письма... не то чтобы он очень нервничал, но... а вдруг он уже получил ответ от Рами?

Так оно и есть. Вот оно, письмо. Имени отправителя нет, но адрес стоит его, тот, который он указал. Даже если Реттиг его видел, наверняка не обратил внимания — подумаешь, адрес. Один из многих.

Ян откладывает его в сторону. Остальные двадцать два письма кладет на столик в прихожей. Ночью он их отправит. Но первым делом надо прочитать ответ.

В конверт вложен один-единственный лист. Три предложения, написанных с нажимом графитовым карандашом.

БЕЛКА ОЧЕНЬ ХОЧЕТ ПЕРЕЛЕЗТЬ ЧЕРЕЗ ОГРАДУ.
БЕЛКА ОЧЕНЬ ХОЧЕТ ВЫСКОЧИТЬ ИЗ КОЛЕСА.
А ЧТО ХОЧЕШЬ ТЫ?

Письмо лежит у него перед глазами. Он достает чистый лист бумаги и начинает писать ответ. Но как к ней обращаться? Алис? Мария? Рами?

Так и не придумав, он пишет несколько коротких предложений:

Я хочу свободы, хочу быть солнечным лучиком, на котором можно развесить чистые простыни. Я мышь, прячущаяся в лесу, сторож маяка, пастух для заблудившихся детей.

Меня зовут Ян.

Пятнадцать лет назад мы жили по соседству.

Помнишь ли ты меня?

И все. Пока все — он все равно не может ответить ей, пока не получит следующий конверт.

Должна же Рами помнить, где они были соседями и когда.

Должна помнить то время в Юпсике. Должна помнить цитаты из ее собственных песен.

С тех пор Ян всегда носил сорочки и футболки с длинными рукавами. А сейчас он закатывает правый рукав и смотрит на розовую полоску поперек запястья. Его собственная метка. Память о школьных годах.

С таким же успехом он мог бы закатать и левый рукав. Бритва оставила след и там.

ЮПСИК

Первое, что услышал Ян, очнувшись, — грустную музыку.

Минорный гитарный аккорд. Совсем рядом. Из-за стены. Кто-то сидел там и брал один и тот же аккорд. Раз за разом.

А сам он лежал в кровати. Огромная, устойчивая кровать с шершавой простыней.

Открыл глаза и увидел широкую спинку из никелированных трубок. И стены — высокие, белые.

Больничная палата. Он слушал и слушал этот проклятый аккорд, но не мог пошевелиться — не было сил. Болела голова, и болел живот.

Горло саднило — он смутно вспомнил гибкие шланги, которые совали ему в глотку. Вкус желчи, запах прокисшего молока.

Промывание желудка, вот как это называется. Мерзее не придумаешь. Промытый желудок тоже болел, ему казалось, что он раздут, как воздушный шар. Хорошо бы вырвать, но он не мог поднять голову.

И голоса. Он слышал приближающиеся голоса, хотел что-то сказать, но закрыл глаза и потерял сознание.

Когда он пришел в себя в следующий раз, гитара смолкла. Открыл глаза и увидел склонившегося над ним высокого длинноволосого мужчину с вьющейся каштановой бородой. Он был похож на Иисуса в своей футболке с большим желтым смайликом на груди.

— Как дела, Ян? — Голос его болезненно отдавался в ушах. — Меня зовут Йорген... ты меня слышишь?

— Йорген, — прошелестел Ян.

— Именно так, Йорген. Я санитар здесь, в больнице... тебе лучше?

Ян кивнул, хоть и чувствовал себя хуже некуда. *Санитар...* Что это еще за санитар?

— Твои мама с папой уехали домой, но они вернуться. Ты помнишь, как их зовут?

Ян задумался. Странно. Он прекрасно помнил голоса мамы и отца, но имен вспомнить не мог.

— Не помнишь? А тебя как зовут?

— Ян... Хаугер.

— Хорошо, Ян. Хочешь принять душ?

Ян обмер.

Только не душ. Он отрицательно покачал головой.

— Нет? Ну что ж... тогда спи.

Йорген отплыл назад. Стены комнаты мелко вибрировали.

Время шло. Когда он в следующий раз открыл глаза, увидел: дверь в палату приоткрыта, и в проеме кто-то есть. На

него уставилась высокая тоненькая девочка примерно его возраста. Белые, совершенно белые, как мел, волосы и карие глаза. Стояла и смотрела — совершенно равнодушно. Без симпатии, но и без злости.

Ян попытался проглотить слюну. Во рту пересохло. Он с трудом поднял голову:

— Где я?

— Юпсик, — сказала она.

— Пупсик?

Девочка покачала головой:

— Не пупсик, а Юпсик.

Ян не понял, что это значит, но промолчал.

И она молчала. Молчала и смотрела. Потом вдруг достала откуда-то небольшой черный ящичек и направила на Яна. Сверкнула вспышка, и он зажмурился.

— Что ты делаешь?

— Подожди немного.

Из ящичка вылез квадратный плотный листок. Она сделала несколько шагов и положила его на подушку:

— Это ты.

Ян поднял белый плотный квадратик, и на нем довольно быстро стали возникать контуры. ПолярOID. Снимки проявляются сами по себе. Бледное лицо и худое тело под простыней. Его фотография. Одинокий, несчастный мальчик в больнице.

— Спасибо, — сказал он тихо и поднял глаза.

Девочка исчезла.

Несколько минут полной тишины, потом он опять услышал гитарные аккорды.

Ян сел в постели. Он чувствовал себя немного лучше. Лампа под потолком погашена, гардины задернуты. Палата оказалась маленькой, почти как тюремная камера. Голые стены, небольшой письменный стол и стул, на котором висели его футболка и джинсы. Башмаки на полу, но кто-то вытащил из них шнурки.

Он хотел почесать руку и тут же обнаружил, что обе руки плотно забинтованы, как у мумии.

Кто-то его спас, и вот теперь он проснулся, хотя охотнее всего продолжал бы спать. Спать, спать и спать. Что еще делать в Юпсике?

Юпсик — прозвище, он узнал это через пару дней. Длинное название «Детская и юношеская нервно-психиатрическая клиника» постепенно укорачивалось и укорачивалось, пока не превратилось в Дюпсик, а потом и в Юпсик.

Так она и называлась, эта клиника. *Юпсик*. Дом для заблудших и психически неуравновешенных подростков.

«РЫСЬ»

Ян шел во главе маленькой группки полицейских и воспитателей. Он провожал их в лес, но через несколько сот метров начал уводить все дальше и дальше от того места, где дети играли в прятки.

Командир полицейского наряда остановился на тропе, расставив ноги. Глаза у него пронзительные, отметил про себя Ян.

— Значит, здесь он и исчез?

Ян кивнул.

— Ты совершенно уверен?

— Да.

Высокий, метр девяносто, не меньше. Черные сапоги, темно-синий комбинезон. С ним еще пятеро — подъехали в трех патрульных машинах.

Отца Вильяма с ними не было — он поехал за женой. Ян только мельком видел его полные ужаса глаза.

Командир не отводил взгляда:

— Значит, когда вы начали игру, с тобой было девять детей... и восемь, когда закончили?

— Да. Именно так. Девять мальчиков.

— И что, ты не заметил, что одного не хватает?

Ян отвел глаза — слишком уж пристально полицейский на него уставился. И потом, ему не надо было изображать, что он нервничает, — он и в самом деле нервничал.

— Нет... дети шумели, бегали... И по дороге туда, и по дороге обратно. Мы же в лесу были. И потом, этот мальчик, Вильям... он не «рысенок».

— Рысенок? В каком смысле?

— Моя группа так называется. «Рысь».

— Но ты же все равно отвечаешь за него, если берешь на прогулку.

— Да... — Ян виновато кивнул. — Я и Сигрид.

Сигрид стояла в десяти метрах от него, испуганная и заплаканная. Почти сразу, как только полиция начала задавать вопросы, она сорвалась, у нее началась чуть ли не истерика, поэтому вопросы задавали только Яну.

— И когда Вильям должен был прятаться... куда он побежал?

— Вон туда. — Ян показал на юг, точно в противоположном направлении. Хотя птичьего озера и не было видно, он знал, что оно там.

Командир послал одного из помощников осмотреть детский сад и все вокруг него и кивнул остальным:

— Хорошо, ребята, начинаем шевелиться.

Группа начала прочесывать лес. Ян знал, что времени у них не так уж много: осенью темнеет рано, а уже было начало шестого. Солнце недалеко от горизонта, в кронах елей уже притаился ночной мрак. Через полчаса стемнеет, а через час небо будет черным.

Он шел между елями, делал вид, что ищет. Так же, как и другие. Звал Вильяма и прилежно осматривался, хотя прекрасно знал, что идут они не туда. Он звал Вильяма и мысленно представлял толстые бетонные стены бункера.

27

Следующий конверт Ян получил от Реттига только через четыре дня. Но еще до этого Ян познакомился с ночным посетителем «Полянки».

В последние дни непрерывно сияло солнце, и жить стало легче — мрачные тени «Рыси» и Юпсика бледнели, а иногда и просто исчезали. Сам Ян считал, что он стопроцентно надежный работник. Он популярен и среди детей, и среди сотрудников. Контрабанда писем в Санта-Психо никак не снижает его профессиональных качеств. Он — замечательный воспитатель.

Он же *любит детей*. Может быть, работать так самозабвенно его заставляют чувство вины и страх разоблачения? Или он и в самом деле, как говорили на одном из бесчисленных курсов повышения квалификации, трудится в целях *«душевного и физического здоровья детей, создания прочного фундамента для воспитания ответственных, мыслящих*

в этических категориях граждан»? Другие иногда стараются улизнуть — покурить или просто подышать свежим воздухом, отдохнуть от крика, но не Ян. Он, Ян, всегда с детьми. Он их выслушивает, успокаивает, шутит с ними, вытирает слезы и разбирает ссоры. Особенно много времени он уделяет Лео. Ему кажется важным завоевать именно его доверие.

Иногда, в разгаре игры, он замечает, что между ним и детьми не такая уж и большая разница. Прожитые годы облетают, как шерсть при линьке, и он опять становится пяти- или шестилетним ребенком, ребенком, умеющим жить только настоящим. Никаких требований, никакого беспокойства перед будущим, никакой тоски, никакого одиночества. Только веселые выкрики и теплое чувство принадлежности к клану — клану детства. Жизнь продолжается, вот она — *здесь и сейчас*.

Но потом он бросает случайный взгляд в окно, видит, как кто-то прогуливается за ограждением Святой-Патриции, и начинает думать о Рами.

Зверомастер Рами. Зверомастер и в то же время зверек в клетке.

В зоопарке есть и хищники, и травоядные. Но разница между опасными и кроткими зверями эфемерна. Самые кроткие звери могут стать смертельно опасными, если их довести до отчаяния.

Белка хочет на свободу, написала она. А он хочет проникнуть на территорию клиники и повидать ее. Поговорить, как в прежние времена.

— Ян! Посмотри сюда, Ян! Скорее!

Конечно. Рано или поздно кто-то из детей хватается за руку и возвращает к действительности.

Дело к вечеру. Солнце то прячется за стволами дубов, то вспыхивает ярко в оголенных кронах. Скоро стемнеет. Последнее вечернее дежурство, а потом четыре дня отгулов.

Он укладывает детишек спать. В полдесятого его должны сменить. За несколько минут до этого он смотрит в окно и видит мужчину и женщину. Идут рядом.

Женщина — Лилиан, он ее сразу узнал в свете фонаря. А кто мужчина? Они так тесно прижались друг другу, будто жених и невеста... но Лилиан ведь разведена?

Мужчина нежно обнимает ее у порога и исчезает.

Несмотря на только что состоявшееся жаркое объятие, Лилиан особой радости не выказывает. Наоборот, на лбу пролегла морщинка. Ян совершенно спокоен. Никакой вины он за собой не чувствует — весь день без остатка посвящен детям.

— Холодно на улице?

— Что? А... да, очень. Скоро зима.

— Типичный случай. У меня несколько дней отпуска, хочу съездить кое-куда.

— Замечательно.

Она даже не спрашивает куда. Чем-то очень обеспокоена. Вешает куртку, устало смотрит на часы и поднимает глаза на Яна:

— Я немного поторопилась... неважно. Ты можешь идти.

Ян внимательно смотрит на нее и тихо говорит:

— Я могу остаться, помочь. Если хочешь.

— Ну что ты... Иди, иди. Я справлюсь.

Прошмыгнула мимо него в кухню. Морщинка на лбу так и не разгладилась. И не единого вопроса о детях.

Ян провожает ее взглядом:

— Ну что ж... тогда я пошел. Пока!

— Пока, — Лилиан даже носа не показала из кухни.

Он закрывает за собой дверь. И вправду очень холодно. Пока светит солнце — замечательно, но не успеет оно скрыться за горизонт, откуда ни возьмись, подкрадывается стужа. И стоит только выйти за пределы освещенной наружными фонарями площадки, точно ныряешь в черный пруд. Но глаза постепенно привыкают к темноте, и он различает фигуру в темном пуховике с капюшоном. Кто-то сошел с автобуса и направляется к «Полянке».

Ян инстинктивно отходит в сторону, прячется за сараем с принадлежностями и ждет. Прислушивается.

Скрипнула калитка. Открылась и закрылась входная дверь.

Можно больше не прятаться.

Слева от сарая медленно покачиваются на ветру качели. Три штуки. Он садится в самые большие, сделанные из старой покрышки от грузовика.

Руки в карманы — и ждать. Чего? Ян и сам не знает. Но одет он тепло, можно немного подождать.

Оглядывается на больницу — ограждение освещено, кое-где светятся окна. А в «Полянке»? В окне столовой промелькнула Лилиан. Судя по всему, она одна. Никаких посетителей не видно.

Уже четверть одиннадцатого. Ничего не происходит. В домах за лугом одно за другим гаснут окна — уставшие родители уложили детей и сами ложатся спать. Яна начинает пробирать озноб, но он не двигается с места.

Еще через десять минут он начинает мерзнуть по-настоящему. Надо идти. Но как раз в этот момент дверь «Полянки» открывается.

Та же фигура на крыльце.

Это не Лилиан. Пуховик с капюшоном. Гибкая фигура, быстрый шаг. Стук каблуков в ночной тишине кажется неправдоподобно громким.

Не оглядываясь, незнакомка проходит через двор, открывает калитку и останавливается. Смотрит на освещенные окна Санта-Патриции и прикуривает.

И в свете пламени от зажигалки он видит лицо ночной посетительницы. *Ханна.*

Ханна Аронссон. Самая молодая и самая тихая среди воспитателей. После того пьяного вечера в баре они ни разу толком не разговаривали. Скорее всего, это была его инициатива. Он избегал Ханну после того, как ни с того ни с сего выболтал ей историю про «Рысь» и маленького Вильяма.

Велосипед он возьмет потом. Ян тихо следует за Ханной, стараясь не попадать в маленькие оазисы света от фонарей.

Она идет к будке автобусной остановки и прячется там от ветра, время от времени затягиваясь сигаретой.

Он тоже останавливается. До остановки метров пятьдесят.

Что делать дальше? Надо решаться, иначе придет автобус и шанс будет упущен. Он быстрым шагом идет к будке и останавливается перед Ханной. Напряженно улыбается:

— Привет, Ханна!

Ее голубые глаза сверлят его так, что Яну становится не по себе.

— Привет.

Он выдыхает:

— Вот и смена кончилась.

— Да...

— А ты? Чем ты занималась сегодня?

Она молча смотрит на него, не говоря ни слова.

— И куда ты сейчас?

Ханна бросает окурок на асфальт и придавливает носком сапога:

— Домой.

— Навещала больного? — Он понижает голос, хотя на остановке никого, кроме них, нет.

Молчание. Где-то слышится шорох шин приближающегося автобуса.

Они входят в салон, и Ханна быстро идет в самый конец, поглядывая через плечо, словно хочет уйти от него подальше. Но он следует за ней и садится рядом.

В автобусе ни одного пассажира, но он все равно почти шепчет:

— Надо бы поговорить, Ханна.

— О чем?

Ян кивает в сторону громады Святой-Патриции:

— О том, что ты делаешь там, наверху.

28

По ее предложению они пошли в «Медина Палас». Ночной клуб помещался в подвальном этаже единственного в Валле пятизвездочного отеля «Туреборг», высокого здания из стекла и стали. Освещенные окна запотевали, и по ним стекали тонкие ручейки, похожие на слезы. Как будто «Туре-

борг» плакал от неудовлетворенного желания стать небо-скребом.

Одежда воспитателей детского сада, явившихся сюда прямо с работы, вряд ли соответствовала статусу клуба. К тому же свитер Яна украшали белые пятна — Матильду угораздило опрокинуть на него стакан молока за завтраком. Вышибала в черном костюме с бабочкой посмотрел на них с плохо скрытым сомнением, но все же пропустил.

— Ты здесь бываешь? — тихо спросил Ян.

— Иногда...

Пока они шли от автобуса, Ханна успела выкурить две сигареты. Не поднимая глаз, отвечала на его вопросы.

Они вошли в клуб. Большая комната для игр, подумал Ян.

Он никогда в жизни не бывал в настоящем ночном клубе, даже в Гётеборге. Высокий черный потолок с псевдохудожественным переплетением согнутых труб из нержавеющей стали с холодным металлическим отливом. Зачем он сюда пришел? Впрочем, в четверг вечером посетителей мало, и музыка — то, что надо. Достаточно тихая, чтобы разговаривать, не повышая голоса, и достаточно громкая, чтобы за соседним столиком не подслушивали.

Ян выбрал маленький стеклянный столик в углу, отдельно от остальных. Специальный столик для шпионских разговоров.

— Хочешь что-нибудь?

— Что-нибудь с соком.

Он пошел к стойке. Выбор заметно больше, чем «У Билла», — и коктейли разнообразнее, и шампанское, и коньяк.

Он заказал два апельсиновых сока, но когда Ханна поднесла бокал к губам, на лице ее появилась гримаса разочарования.

— Я же просила *что-нибудь* с соком.

— Что?

— Что-нибудь успокаивающее.

— Ты имеешь в виду спиртное?

— Конечно.

Через пять минут они сидели каждый со своим бокалом и молчали.

— Значит, ты за мной подглядывал... — произнесла она в конце концов.

— Подглядывал — не то слово... может, и подглядывал, но не намеренно. Мне показалось, Лилиан немного не в себе, и я решил подождать немного во дворе. Хотел понять, в чем дело.

— И ты знал, что я там... наверху? — Ханна упорно смотрела в бокал.

— Нет... но я знал, что кто-то там был и потом ушел через «Полянку», так что повод для размышлений был... Ты там много раз была, да?

Ханна делает большой глоток водки с апельсиновым соком, точно это какой-то оздоровительный напиток после сауны.

— Несколько раз... я не считала.

— И давно уже ты туда ходишь?

— С мая. К тому времени я уже работала в «Полянке» четыре месяца.

— А Лилиан знает, когда ты там?

Ханна невинно моргает своими голубыми красивыми глазами. Похоже, взвешивает — говорить или не говорить.

— Да, — решается она. — Мы же подруги, и она меня типа подстраховывает. Я хожу наверх, только когда у нее черная смена.

— Не только, — качает головой Ян. — Ты как-то была там, когда работала не Лилиан, а я. Я слышал, как ты приехала на лифте. А потом прошла через школу.

— Да... я в тот вечер задержалась, и ты уже сменил Лилиан.

— И сегодня ты была там? В комнате свиданий?

Она молча кивает.

— А что ты там делаешь?

Молчание.

— Ты с кем-то встречаешься? С охранником?

Она опять отпивает немного и заглядывает в полупустой бокал, точно обнаружила там что-то интересное.

— Я так устаю от детей порой, — меняет она тему. — Иногда, конечно, с ними весело... но когда это продолжается долго... Все время одно и то же, одни и те же забавы, одни и те же игры...

Ян вдруг вспомнил, что ни разу не видел, как Ханна *играет* с детьми. Она чаще стоит и смотрит, как играют *они*. Но на всякий случай кивает.

— Это у всех бывает.

— У меня, наверное, чаще, чем у других, — вздыхает она. — Я не переносу эти стаи зверят...

Зверят? Ян представил себе смеющиеся мордашки Жозефин, Лео и всех других. Нет ничего заразительнее детского смеха.

— Ну почему зверят? И почему *стаи*? Они личности. Маленькие, но личности...

— Вот как? Но орут они, как взбесившиеся обезьяны. Я иногда прихожу домой совершенно глухая.

Она молча допивает бокал. Ян встает:

— Я закажу еще.

Она не протестует, и через пару минут он появляется с полными бокалами. Апельсиновый сок с водкой. Он так и не получил ответ на свой вопрос. Оглядывается — хочет убедиться, что их никто не слышит.

— Но ты все же знаешь кого-то в клинике?

Она, помедлив, кивает.

— Кого?

— А вот это я не скажу... а ты с кем там встречаешься?

— Ни с кем, — быстро отвечает Ян. — Я не встречаюсь с больными.

— Но хочешь, не правда ли? Ты же был в подвале в тот вечер, когда я спустилась на лифте... что ты там вынюхиваешь?

Теперь настала очередь Яна молчать и смотреть в бокал.

— Простое любопытство...

— Ну да, конечно. Любопытство. — Она устало улыбается. — Но оттуда, снизу, в больницу не проникнешь.

— А как же ты? Ты же проходишь шлюз без всяких проблем?

Она оживленно кивает. Водка, похоже, подействовала.

— У меня есть знакомый. В клинике, я имею в виду... человек, которому я доверяю.

— Охранник? — Ян тут же вспомнил Ларса Реттига.

— Да. Что-то в этом роде.

— Кто?

— Не скажу.

Мы как в шахматы играем, подумал Ян. Парень и девушка в ночном клубе играют в шахматы. Сюр, да и только.

Музыка стала громче. Большой зал уже не казался таким большим — начали собираться посетители, столики постепенно заполнялись, у стойки даже образовалась небольшая очередь. Ну что ж... «Медина Палас» — ночной клуб. *Ночной*. Сюда приходят поздно и развлекаются далеко за полночь. Наверное, это и имеют в виду, когда говорят «полуночники».

Ян похвалил себя за удачный выбор столика, но на всякий случай придвинул стул поближе, так что они теперь, наконец, были похожи на старых друзей, еще с детства.

— Нам надо доверять друг другу.

— Почему? — Ее глаза стали льдистыми.

— Потому что я могу помочь тебе, а ты — мне.

— Как это?

— По-разному...

Он осекся — вдруг пришло в голову: Ханна могла бы помочь ему повидаться с Рами, только он пока не знал как.

Опять долгая пауза. Ханна допила второй бокал и посмотрела на часы:

— Мне надо идти. — И слегка, самую малость, покачнувшись, поднялась со стула.

— Подожди, — быстро сказал Ян. — Я хочу угостить тебя. Ты любишь ликер?

— Ликер? — Она опять села.

— Вот и хорошо.

Он протиснулся к бару, быстро и ловко, как белка Рами, и вернулся с четырьмя маленькими рюмочками на подносе. Каждому по двойному кофейному ликеру. Чтобы сэкономить время.

— Твое здоровье, Ханна.

— Спасибо.

Густая сладкая жидкость приятно обжигает нёбо, контуры людей и предметов теряют, как ему кажется, четкость. Все громче ухает техно.

— А как тебе Мария-Луиза?

— Госпожа Контроль, — фыркает Ханна. — Ее бы удар хватил, если бы у нас случилось что-то вроде той истории, которую ты рассказывал.

— Какой истории?

— Про мальчика, который заблудился в лесу.

Ян коротко кивает. Ему не хочется сейчас вспоминать Вильяма, и он меняет тему:

— А Лилиан замужем?

— Нет. Была, но не удержалась. Муж от нее, типа, устал.

Интересно, кто же был тот мужчина, что провожал ее на работу? Новый бойфренд?

Молчание. Оба перекатывают во рту капли кофейного ликера.

Ян смотрит на Ханну поверх рюмки:

— Поиграем?

Ханна одним глотком допила ликер:

— Во что?

— В угадайку.

— Какую еще угадайку?

— Я буду угадывать, с кем ты встречаешься в Санта-Психо... а ты, в свою очередь, будешь угадывать, с кем хочу встретиться я.

— Санта... нам запрещено употреблять эту кличку.

— Знаю. — Ян заговорщически подмигнул. — Я начинаю... Это мужчина?

Она заметно опьянела, посмотрела на него блуждающим взглядом и замысловато, с кокетливым вывертом головы кивнула.

— А ты... ну, в общем... это женщина?

И Ян кивает. Первый раунд: ноль-ноль.

— Это кто-то из твоего прошлого? Кого ты знала раньше до... до Санта-Пси... до Санта-Патриции?

На этот раз она очень медленно качает головой из стороны в сторону и поднимает руку ладонью вперед:

— Теперь моя очередь: знаком ли ты был с этой женщиной раньше?

Ян делает маленький глоток. Ему очень нравится вкус ликера.

— Да, мы встречались. Много лет назад.

— Знаменитость? — Она улыбается.

— В каком смысле?

— В каком, в каком... вот в каком: газеты о ней писали, фотографию видел каждый еж... было такое?

Ян отрицательно качает головой. Он не лжет. Рами никогда не была знаменита как преступница. Она и вообще была не очень известна, даже по ТВ ее ни разу не показывали. Он поднимает рюмку.

— А твой приятель? Знаменитость?

Она перестает улыбаться и отводит глаза:

— Можно и так сказать.

Ян не спускает с нее глаз. Ему приходит в голову одноединственное имя, которое он знает, но это такое дурацкое предположение, что самому смешно.

— А может быть, это Рёссель? Иван Рёссель?

Ханна вздрагивает, словно ее ударило током, и застывает с рюмкой в руке.

— Неужели это с ним ты встречаешься, Ханна? С убийцей Рёсселем?

Она открывает рот, хочет что-то сказать, но вместо этого встает:

— Мне пора.

И уходит, не сказав ни слова.

А он остается сидеть, как парализованный, с пустой рюмкой в руке. На столе стоит рюмка Ханны — ко второй она даже не притронулась. Он протягивает руку и выпивает ее. Почему-то ему вдруг стало невкусно, но он допивает до дна.

И вспоминает, что сказала Лилиан про Ханну Аронсон:

Она немного сумасшедшая, и выглядит такой тихоней... а на самом деле личная жизнь у нее... ого-го.

Немного? Она должна быть как следует сумасшедшей, чтобы по ночам тайно пробираться в Санкта-Психо и встречаться с Иваном Рёсселем.

С детоубийцей Иваном Рёсселем.

В одной из газет его так и называли, а в другой придумали кличку: Иван Грозный.

И что у Ханны общего с Рёсселем?

29

Иван Рёссель улыбается Яну, будто они лучшие друзья. Широкие плечи, спадающие на лоб волнистые черные волосы. Похож на слегка постаревшего рок-певца. Из-под челки смотрят довольные глаза — ему нравится, когда его фотографируют. Или уверен, что намного умнее фотографа.

Снимали в полиции. Ян долго смотрит на дисплей компьютера.

Рёссель, конечно, никакой не рок-музыкант и никогда им не был. Обычный преподаватель химии и физики в старших классах. Не женат, близких друзей нет. Среди учеников был популярен, хотя коллеги считали, что он нагловат и хвастлив.

Газеты приводили интервью с его матерью: «Хороший, добросердечный мальчик».

В большинстве накопанных в Интернете статей муссировались истории с убийствами молодых людей в Южной Швеции и Норвегии, убийствами, в которых учитель не без оснований подозревался.

Его называли детоубийцей, но речь шла в основном о подростках. А осужден он был за поджоги.

Рёссель — пироман. Во всяком случае, в местах его проживания пожары случались подозрительно часто, в двух случаях со смертельным исходом. Он проникал ночью, забирал деньги и драгоценности и поджигал дом.

Только когда Рёсселя арестовали и приговорили к принудительному психиатрическому лечению, полиция начала расследовать обстоятельства нескольких убийств и исчезновений подростков в тех местах, где он жил.

Расследование держали в тайне, но газеты без конца обсуждали немногие ставшие известными детали. Иван Рёссель увлекался туризмом. У него был большой кемпер со звукоизоляцией. Он обычно ставил его на самом краю парковочных площадок шведских и норвежских кемпингов. Из города, где жил, он уезжал сразу после роспуска детей на летние каникулы и возвращался на работу как раз к началу занятий. Ни с кем особенно не общался, но постоянно ходил на пешие экскурсии по окрестностям. И в этих местах случались неожиданные, ничем не мотивированные убийства. А один юноша бесследно исчез. Девятнадцатилетний Йон Даниель Нильссон был на танцах в школе, вышел подышать свежим воздухом — и пропал.

Ян откинулся в кресле. Он помнил этот случай. Шесть лет назад, он тогда жил в Гётеборге.

И хотя Рёссель сидел за решеткой в судебно-психиатрической клинике, постепенно начала выявляться его связь с этими убийствами и исчезновениями. Но к тому времени кемпер Рёсселя сгорел, машина была отправлена на свалку, и прямых доказательств найти не удалось. Сам Рёссель свою причастность категорически отрицал.

Сотни ссылок — статьи про Рёсселя, про его детство, среду обитания, отпуска с кемпером, гастрономические предпочтения... Прочитав с полдюжины сайтов, Ян решил — хватит.

Санкта-Патриция — самое подходящее место для Рёсселя. Вряд ли Ханна запала на этого законченного психопата. А впрочем, все может быть.

Ян пробил в поисковике: Санкта-Патриция. Никаких снимков, никаких рисунков или чертежей. Очень короткая

информация на сайте судебной психиатрии. По ссылкам он наткнулся на жизнеописания святых. Оказывается, Патриция — монахиня, жила в пятнадцатом веке в Стокгольме, была членом ордена Святой Клары. Помогала сиротам, больным старикам и беднейшим из бедных, ютившимся в тесных переулках средневекового города. После смерти признана святой.

Несколько строчек, и все.

Он выключил компьютер, потянулся и начал упаковывать сумку. В первый раз за полгода собрался съездить в родной город, навестить мать.

Знакомые с детства запахи. Матери — духи и ароматические шарики для ванной. Отца... Отец умер три года назад, но табак и лосьон после бритья въелись в стены навсегда.

Память окружала его со всех сторон. Молчаливая стайка воспоминаний.

Его старая фотография на телевизоре — он с младшим братом Магнусом. Разница у них в три года. А рядом — совсем свежий снимок: взрослый Магнус на фоне Биг-Бена обнимает девушку. Он учится на врача в Кингс-Колледже, живет на Рассел-Сквер со своей невестой из Кенсингтона. Его ждет светлое будущее.

В гостиной — слой пыли на паркете и стеклянном столике.

— Надо бы почаще делать уборку, мама.

— Я не могу... ты же знаешь, этим занимался папа.

Она всегда называла мужа папой.

— Но можно ведь нанять кого-то?

— Нет. То есть можно, но у меня нет на это средств.

Мать почти все время сидит в старом кожаном кресле у телевизора — в халате и розовых тапках. А иногда подходит к окну и долго стоит без движения. Яну хочется встряхнуть ее, заставить принимать какие-то решения, обзавестись друзьями. Она всю жизнь прожила за спиной мужа.

Всего два года, как ушла на пенсию, — и вот результат: дни напролет в одиночестве, без каких-либо занятий. И даже приезде сына она, похоже, не особенно рада.

— А ты не привез с собой свою девушку? — вдруг спрашивает она.

— Нет. И на этот раз не привез.

У него нет девушки, которую он мог бы показать землякам в Нордбру. Старых друзей тоже нет, так что после обеда он предпринимает длинную прогулку по городу своего детства. В одиночестве.

По дороге в центр проходит мимо низкого здания пансионата. Здесь лечится Кристер Вильгельмссон и другие больные с мозговыми повреждениями.

Кристер на год старше Яна, он учился в девятом, а Ян в восьмом, так что ему сейчас уже тридцать... Время идет, хотя сам Кристер вряд ли это замечает.

Кристера он видел один-единственный раз, четыре года назад. Был чудесный солнечный день, Ян, так же как и сейчас, проходил мимо, а Кристер сидел в садовом кресле — в обычном кресле, не в кресле-каталке. Ян тогда еще подумал — может, он уже ходит сам?

Но даже с дороги было видно, что этот двадцатишестилетний мужчина взрослый только по телосложению. Пустое,

ничего не выражающее лицо... и как он сидел, непрерывно кивая чуть склоненной головой... С той самой ночи в лесу время для Кристера пошло в обратном направлении. Машина отбросила его в канаву, но не только. Она отбросила его назад, в детство.

Ян несколько минут не мог сдвинуться с места. Стоял и смотрел на бывшего соученика, которого когда-то боялся больше чумы. Потом пошел дальше, не чувствуя ни радости, ни сожаления.

На Стурторгет в Нордбру он заглянул в скобяную лавку. Он и раньше сюда заходил. Теперь здесь верховодил Торгни Фридман, сын основателя. И в эту субботу Торгни сам стоял за прилавком. Худощавый тридцатилетний парень с коротко стриженными ярко-рыжими волосами.

Ян прошел в магазин и сделал вид, что рассматривает топоры. У него нет дров, которые надо наколоть, у него нет бревен, которые надо обтесать, но он все равно взвешивает в руках топоры и колуны, осторожно машет ими в воздухе — якобы проверяет баланс.

И косится в сторону прилавка. Торгни отпустил бородку. Стоит за кассой и беседует с супружеской парой с ребенком. Даже не глядит на него. Пятнадцать лет прошло, он наверняка забыл Яна. А Ян помнит.

Выбирает самый большой колун, почти метровый.

Звякает колокольчик у двери — пришел новый покупатель.

Нет, не покупатель.

— Папа!

Маленький мальчик в белой куртке и слишком больших джинсиках стремглав бежит к прилавку. За спиной его улыбающаяся молодая женщина.

Торгни растопыряет руки и ловит мальчика в объятия. Счастливый отец. Только что торговал топорами и всякими железками, и вдруг такое преображение. Счастливый отец.

Ян смотрит на них, не отводя глаз, с тяжелым колуном в руке. Дорогой, тяжелый, очень тяжелый, отлично сбалансированный. *Подними его над головой... выше, выше...*

Он кладет топор на стенд и выходит, не поздоровавшись с Торгни. Они не были друзьями и никогда не будут.

И последний объект экскурсии. «Рысь».

В двух километрах от центра — детский сад, где он работал, когда ему было двадцать. Он собирался туда сходить, а сейчас засомневался — собственно, зачем? Но раз собирался — надо сходить.

Все закрыто — суббота.

Он останавливается перед входом и смотрит на деревянный барак. Почти ничего не изменилось. Даже выкрашен дом так же: коричневой масляной краской, — но сейчас он кажется меньше, чем тогда. Еще он помнит, что рядом с входом был прибит фанерный силуэт рыси. А теперь он исчез. Может, сменили название на что-то более вегетарианское? Скажем, «Подснежник». Или та же «Полянка».

Здесь он работал сразу после школы. Ребенок, по сути. Несчастный ребенок, хотя тогда он этого не понимал. Интересно, работает ли кто-нибудь из тогдашних? Нина, заведующая? Сигрид Янссон уж точно не работает — она уволилась почти одновременно с ним.

Сигрид была совершенно раздавлена. Они избегали друг друга, и, когда Сигрид на него поглядывала, ему каждый раз было не по себе. Наверное, просто не могла переварить случившееся, но ему казалось, что во взгляде ее читаются враждебность и подозрение.

Он частенько пытался вычислить, догадывается ли она о чем-то. Представляет ли, как тщательно он подготовился к тому памятного дня, когда исчез Вильям...

И напоследок Ян идет к пруду. Совсем рядом с родительским домом, похож на огромную круглую кастрюлю. Он хорошо помнит эту черную воду, ночью она выглядит как кровь.

Пятнадцать лет назад он опускался на дно этого пруда, окруженный кипением воздушных пузырьков, опускался к вечному холоду... и только в самый последний момент сосед бросился в воду и вытащил его на берег.

ЮПСИК

Клиническое определение «суицидальные попытки» так и не сорвалось с языка родителей, когда они пришли навестить Яна. Удержались.

Но поговорить не получилось. Ян лежал, натянув одеяло под самый подбородок, и молча смотрел на родителей. А почему младший брат не пришел его навестить?

— А где Магнус?

— У приятеля, — сказала мать, но поняла, что ответ ее ранит Яна, и быстро добавила: — Мы ему ничего не говорили.

— Мы *никому* ничего не говорили, — подтвердил отец.

Ян кивнул. Наступило молчание.

— Мы говорили только с твоим доктором, Ян, больше ни с кем, — начала было мать, но отец прервал ее.

— Никакой он не доктор. Он *психолог*, — сказал он с издевкой.

Отец не любил психологов. Год назад за ужином он рассказывал о своем сотруднике, который ходил к психотерапевту, и прокомментировал одним словом: трагикомедия. Трагикомедия, так и сказал он.

— Да-да, конечно, — заторопилась мать. — Психолог. Но кто бы он там ни был, сказал, что тебе надо побыть здесь еще несколько недель. Четыре, может быть. Как ты к этому относишься, Ян?

— Надо — значит надо. — И опять замолчал.

По щекам матери вдруг потекли слезы, она лихорадочно их вытерла, но Ян все равно заметил.

— А они с тобой говорили? Психологи?

Он покачал головой — нет, пока не говорили.

— А тебе и не надо с ними говорить. Ты вовсе не обязан отвечать на их вопросы или рассказывать что-то.

— Знаю, — безразлично произнес Ян.

Он пытался вспомнить, когда же в последний раз видел мать плачущей. Должно быть, на похоронах год назад, когда умерла бабушка. И настроение тогда в церкви было примерно такое же — все сидели молча и глазели на гроб.

Мать высморкалась и попыталась улыбнуться:

— Ты здесь с кем-нибудь познакомился?

Ян опять покачал головой — нет, не познакомился. Он и не хотел ни с кем знакомиться. Он хотел, чтобы его оставили в покое.

Мать замолчала. Она уже не плакала, только вздыхала горестно время от времени.

И отец больше не сказал ни слова. Сидел в своем сером костюме и покачивался на стуле, будто ему не терпелось поскорее встать. Даже на часы поглядывал. И на Яна — нетерпеливо и с раздражением. Ян знал, что у отца полно работы и ему не терпится вернуться домой.

И Ян под этими взглядами начал нервничать. Ему захотелось встать с койки, забыть все, что случилось, и поехать домой. Поехать домой и стать *нормальным*. Как все.

Мать внезапно подняла голову и прислушалась:

— Кто это играет?

Теперь и Ян услышал — из-за стены доносились тихие гитарные аккорды. Он знал, кто играет.

— В соседней палате. Какая-то девушка.

— А здесь девушки тоже есть?

— В основном девушки.

Отец опять посмотрел на часы и поднялся:

— Ну что... мы поехали?

— Езжайте, — бледно улыбнулся Ян. — Со мной все в порядке.

Мать послушно встала и хотела погладить сына по щеке, но не дотянулась.

— К сожалению, — сказала она. — Парковочное время кончается.

Разговор на этом иссяк, и родители пошли к выходу, но на пороге мать обернулась:

— Тебе кто-то вчера звонил. Какой-то друг.

— Друг?

— Друг.

Ян кивнул, хотя никак не мог придумать, кто бы это мог ему позвонить. Кто-то из класса? Наверное... хотя вряд ли.

После ухода родителей он почувствовал облегчение.

Он встал с постели и подошел к окну. Большой, еще влажный после зимы газон, а за ним — высокая ограда с колючей проволокой наверху.

Он долго смотрел на эту проволоку. Юпсик, оказывается, не совсем обычная больница...

Ян понял, что он в заключении.

30

Ян вернулся в Валлу и начал прибирать квартиру — должна зайти Ханна.

Это была его идея. Когда Ян после короткого отпуска вернулся на работу, по схеме ему выпало работать днем, и первым, кого он встретил, была Ханна. Он дождался, пока останется в воспитательской один, и сунул записку в карман ее кожаной куртки: свой адрес и несколько слов.

КОФЕ У МЕНЯ ДОМА? ЗАВТРА В ВОСЕМЬ.

ЯН Х.

Она не ответила, но по дороге домой он купил сладкие булочки. Ответила, не ответила — но прийти должна. У них общие интересы.

И общие тайны.

И в самом деле, довольно пунктуально, без пяти минут восемь, в дверь звонят. Ханна. Молча проходит в прихожую.

— Молодец, что пришла. — Ян доволен. Вышло по его.

— Да-да, конечно...

Он сажает ее за кухонный стол, угощает булочками, поит чаем. Старается расслабиться — болтает о чем угодно, о работе, о коллегах... но в конце концов начинает разговор о том, о чем и хотел поговорить, — о Санта-Патриции.

— А женщины там, наверху... помещаются отдельно?

Ханна смотрит на него, но лицо ее, как всегда, ничего не выражает. Яркие, но без глубины, голубые глаза. Воздух в кухне сгущается и тяжелеет, но почему-то ему легче разговаривать с Ханной, чем с Ларсом Реттигом.

— Конечно, — говорит она после паузы. — Два женских отделения. Закрытое и открытое.

— Рядом?

— Ну, не то чтобы стенка в стенку, но на одном этаже.

— На каком?

— На третьем. Или на четвертом. Я же там никогда не была.

Ян думает, о чем бы еще спросить, но она его опережает:

— Расскажи, Ян, кто это.

— Кто?

— Та, в которую ты влюблен... как ее зовут?

Она пристально и все так же холодно смотрит на него, и Ян отводит глаза:

— Это совсем другая история.

— Другая, чем... чем какая?

— Чем у вас с Иваном Рёсселем.

Ханна со стуком ставит чашку на стол. Глаза ее делаются еще холодней, а он-то думал, холодней некуда.

— Откуда тебе-то знать, что у меня с ним? Ты даже не знаешь, что меня заставило искать с ним контакт. Ты ничего не знаешь. И как ты можешь судить?

У Яна такое чувство, что сейчас в воздухе начнут просканивать искры. Но он был прав. Она встречается именно с Рёсселем.

— Да ничего я не знаю, конечно, — говорит он примирительно. — Но ведь тебе он нравится?

Она не сводит с него глаз. Кажется, даже не моргает.

— За любым преступлением надо видеть человека, — говорит она после долгой паузы. — Большинство об этом не думают.

— Ну, сама подумай: если ты, рискуя работой и много чем еще, потихоньку с ним встречаешься, значит, он тебе нравится? Несмотря на то, что он... творил?

Она отвечает не сразу:

— Я с ним не встречаюсь. Мы поддерживаем контакт через охранника... или санитара, как их там называют. Иван придумал один проект... надо же как-то коротать время. И я ему помогаю.

— В чем? В чем ты ему помогаешь? Что он там делает?

— Пишет.

— Что? Книгу?

— Типа.

— Воспоминания убийцы?

Ханна напряглась и поджала губы.

— Он не убийца. Он подозреваемый. Никаких прямых улик. Никаких признаний... он говорит, книга все объяснит, — вздохнула она. — Говорит, люди поймут, что он ничего такого не делал.

— И он сам в это верит?

— Да. Верит. Иван настолько погано себя чувствует из-за всего, что случилось, что если его выпустить... он скорее

убьет себя самого, чем кого-то другого. Думаю, только мои письма и поддерживают его на плаву...

Она замолкает. Ее пронзительный и холодный взгляд выводит его из равновесия. Ему не хочется больше говорить о Рёсселе.

И Ханна тоже, как ему кажется, посчитала разговор о Рёсселе законченным.

— Мне скоро надо уходить. — Она посмотрела на часы. — Теперь твоя очередь рассказывать.

— Что?

— Как ее зовут... ту, с которой ты там встречался.

— Я с ней еще не встречался, — тихо произносит Ян.

— Как ее зовут?

Ян не знает, что сказать. Он может назвать два имени: Рами и Бланкер... Какое выбрать?

— Посиди, — решается он наконец, — я покажу тебе кое-что.

Через две минуты он возвращается со стопкой тонких книг и выкладывает их на стол перед Ханной. «Сто рук принцессы», «Зверомастер», «Ведьмина болезнь» и «Вивека в каменном доме».

— Ты это видела раньше?

Ханна качает головой — нет, не видела.

— Они лежали в «Полянке»... Сделаны вручную. Думаю, единственные экземпляры. Кто-то положил их в ящик с книгами.

— Обычно Мария-Луиза подкладывает туда книжки.

— Вряд ли эти... Думаю, кто-то из детей получил их в подарок от родителей... в комнате свиданий.

Ханна перелистывает книги. Поднимает глаза на Яна:

— И кто их написал?

— Она называет себя Мария Бланкер. Мама Жозефин.

То есть я точно не знаю, но почти уверен.

— Бланкер... Значит, это ее ты мечтаешь увидеть?

— Да... Ты знаешь, кто это?

— Слышала...

— От Рёсселя?

— От Карла... это мой контакт там, наверху...

Имя Яну знакомо. Ударник в «Богемос».

— Могу взять почитать?

— Ну, хорошо, — не сразу соглашается он. — На несколько дней.

Она собирает книги и встает. Ян задает последний вопрос:

— Она в закрытом отделении или в открытом?

— Не могу сказать, я там никогда не была... — пожимает плечами Ханна и добавляет: — Но, по-видимому, в закрытом.

— Почему?

— Психоз. Она совершенно не в себе. Суициды и все такое... Так я слышала, по крайней мере.

— А что она такого натворила?

— Социально опасна.

— Для кого? Для себя или для других?

— Не знаю. Но, если хочешь, можешь пройти к ней и спросить сам.

— Сейчас и пойду.

Он усмехается, но Ханна даже не улыбнулась:

— Я говорю серьезно. Туда можно проникнуть, если очень хочется.

— Но в Патриции все заперто. Все ходы.

— Один открыт.

— И ты его знаешь?

Она кивает:

— Знаю. Но это не легкий путь. Скажи мне... ты не клаустрофоб?

«РЫСЬ»

Ну, подумаешь, заперли — что страшного? Полно еды, питья, тепло — и вдобавок говорящий робот в компании.

Ян все время возвращался мыслями к Вильяму и уговаривал себя — ничего страшного.

Наоборот, где и чувствовать себя в безопасности, как не за толстыми каменными стенами.

Девять часов. Полиция прекратила прочесывать лес — уже с полчаса назад. Попытались идти с карманными фонариками. Яну казалось, что организовано все из рук вон плохо. Никаких результатов. Вильям бесследно исчез. Шагнул неосторожно — и оказался в параллельном мире.

Или покинул пределы суши. Последний час полицейский командир приказал сосредоточиться на поисках вдоль довольно длинного берега птичьего озера, и Ян понял, что полицейский опасается, не упал ли малыш в воду.

Но стало совершенно темно, и все участники цепочки собрались в «Рыси». Люди устали, кто-то пошел домой. Решили с раннего утра возобновить поиски.

Ян возвращался в «Рысь» в обществе пожилого полицейского. Тот пыхтел и все время спотыкался в темноте о корни.

— О, черт... жуткое дело, — сказал полицейский, когда они вошли в теплое помещение. — Можно, конечно, надеяться, что ночь он продержится, но вряд ли.

— Сейчас достаточно тепло, — возразил Ян. — Наверняка с ним все в порядке.

Но тот его не слушал.

— О, черт, — снова чертыхнулся он. — Я один раз уже находил мертвого малыша... какой-то отморозок сбил его машиной, а трупик оттащил подальше в лес, чтобы подольше не нашли. Как мешок с мусором. Такое не забудешь... — Он посмотрел на Яна усталыми глазами и горестно покачал головой.

Ян вошел в воспитательскую и вдруг услышал глухое жужжание, быстро перешедшее в вибрирующий грохот прямо над ним, будто в небе работал отбойный молоток.

Ян посмотрел на заведующую, Нину Гундоттер. Она все это время не отходила от телефона, будто ждала, что с минуты на минуту позвонит Вильям и сообщит, где находится.

— Вертолет? — спросил Ян.

Она кивнула:

— Полицейские заказали. Кинологов пока не нашли, так что будут искать с инфракрасной камерой.

— Хорошо. — Ян посмотрел на термометр за окном. Девять градусов. Осенняя температура — не то чтобы очень холодно, но и не сказать, что тепло. Дул довольно сильный ветер, но уж кто-кто, а Ян знал: ветер Вильяму нипочем.

Нина подошла к одному из полицейских, тихо спросила, что они собираются делать дальше, но тот ответил что-то во все уж неопределенное:

— Будем искать на озере... и везде... Только завтра... и вообще, — сказал он еще тише.

Пришли почти все работники детского сада, за исключением двоих. Достали белые свечи, поставили на стол и на подоконники, отчего садик сделался похож на церковь.

Через пятнадцать — двадцать минут грохот вертолета стал тише. А потом и совсем исчез.

— Пойду домой, посплю немного. — Ян подошел к Нине Гундоттер. — У меня свободный день завтра, но я, конечно, все равно приду. С самого утра.

— Я тоже скоро пойду. — Нина согласно кивнула. — От нас сейчас мало толку.

С момента своего появления она ни словом не упрекнула Яна в случившемся. Все валила на Сигрид, хотя та не состояла у нее в подчинении — в «Буром медведе» была другая заведующая.

— Ей надо было лучше следить за детьми.

Ян отрицательно помотал головой. Последний раз он видел Сигрид лежащей на диване — ее накачали какими-то транквилизаторами, и она мало что соображала.

— И ей, и мне. — Он надел куртку. — Но дети совершенно ошалели в лесу. Все время разбегались... Глупо было брать с собой такую большую компанию.

Нина вздохнула. Посмотрела на темное окно, потом на телефон.

— Думаю, кто-то нашел его в лесу и отвел к себе, — тихо сказала она. — Лежит сейчас и спит в теплой кровати. А завтра позвонят в полицию.

— Наверняка, — подтвердил Ян и застегнул молнию. — Завтра увидимся.

И ушел.

Хотя термометр и показывал девять градусов, ему показалось, что на улице холодно. Игра воображения. Еще не зима. Тепло одетый человек при такой температуре не может замерзнуть. Даже под открытым небом. А уж в бетонном бункере, защищенном от всех ветров, можно продержаться несколько дней.

Проходя мимо освещенной игровой комнаты в «Буром медведе», он заглянул в окно. Весь персонал был на месте. Он заметил и родителей Вильяма. Мать сидела, неподвижно сгорбившись над чашкой кофе. Вид у нее был отчаянный.

Хотел понаблюдать немного, но раздумал и пошел дальше.

На опушке леса остановился и прислушался. Ничего не слышно, кроме шелеста ветра в кронах деревьев. Вертолет исчез, но, конечно, может вернуться в любую минуту. Вернуться со своей термокамерой. Но на этот риск он обязан пойти.

Последний раз огляделся, перешагнул придорожную канаву, вошел в лес и быстро пошел по тропинке. Вильям к этому времени сидел в бункере уже больше четырех часов. У него теплые одеяла, вода, еда и игрушки. И скоро Ян будет там.

31

Осень окончательно вступила в свои права. Яну казалось, что с каждым вечером фасад Санкт-Патриции становится все мрачнее и холоднее. Он проезжает мимо на велосипеде — ни дать ни взять огромная средневековая крепость за чудовищно разросшейся оградой. Бледный свет в некоторых окнах отнюдь не производит гостеприимного впечатления.

Это не тот огонек в ночи, на который хочется заглянуть. Ему чудится, что в окнах движутся тени — тени несчастных, обреченных на вечную жизнь за решеткой.

А это что? Одно из окон приоткрыто? Аккорды гитары? Нет, это работает напряженное до предела воображение.

Он прибавляет скорость. Подальше от этой чертовой стены. Сегодня воскресенье, до Рождества осталось два месяца. По схеме Ян сегодня свободен, но четыре дня назад он встретился с Ханной. Они обещали помогать друг другу. Или, по крайней мере, не выдавать.

— Через шлюз ты в больницу не попадешь, — сказала Ханна на прощание. — И никто не попадет. Меня ни разу дальше комнаты для свиданий не пускали.

— Значит, твой друг Карл организует ваши встречи именно там? В комнате для свиданий?

— Нет. Иван остается в своей палате. Я передаю ему письма.

Еще одна секретная почта, подумал Ян. Но вслух спросил вот что:

— А как же попасть в больницу?..

— А вот так. Через подвал. Могу показать, если хочешь.

Еще бы он не хотел! И Хёгсмед говорил что-то насчет того, что ход из больницы в детский сад идет как раз через подвал. *Можно идти через подвал, но там дольше и... не очень приятно.*

Не очень приятно. Что он имел в виду? Крыс? Людей?

Он осторожно потянул на себя входную дверь, прекрасно сознавая, что, если кто-то непосвященный его увидит,

придется долго объяснять, почему он явился на работу в неурочное время.

— Ханна?

Несколько секунд молчания — и голос из кухни:

— Все спокойно. Проходи.

Он закрывает за собой дверь:

— Дети уснули?

— Уснули... в конце концов. Они сегодня как белены объелись — носились, орали. Точно специально хотели меня довести.

Ян молчит. Он и так знает, что Ханна детей не любит.

Уже половина десятого. Он снимает куртку и направляется в кухню, к шкафу, но Ханна предостерегающе поднимает ладонь:

— Уже у меня. — И она передает ему ключи и карточку.

— Спасибо.

— Ты не передумал?

Ян качает головой и идет к двери в подвал. Ему как-то неловко — в первый раз он набирает этот код в присутствии кого-то еще, за исключением, конечно, тех случаев, когда сопровождает детей.

— Скоро увидимся.

— Нет, не так все просто. Я иду с тобой.

Ян не успевает возразить — она проходит вперед, включает свет и начинает спускаться по лестнице. Ему остается только следовать за ней. Чуть не каждый день он бывает в этом туннеле, и рисунки на стенах уже не умиляют его. Наоборот, даже раздражают. Ему кажется, что купающиеся крысы оскалили зубы в издевательской ухмылке — ну и идиот этот Ян!

Он ожидал, что Ханна задержится у лифта, но она решительно проходит мимо — дальше по коридору, к убежищу. Там Ян уже не был недели две, а именно с того дня, когда, обследуя убежище, услышал шаги в туннеле. Теперь-то он знает, что это была Ханна — она спустилась на лифте из комнаты свиданий.

— Значит, там все же есть тайный ход?

— Не знаю, тайный ли... но хорошо замаскированный, я бы сказала.

Ханна с усилием поворачивает ручку и, оглянувшись на Яна, открывает дверь:

— Ну что? Решаешься?

Ян молча кивает.

— Тогда заходи.

Она нажимает кнопку выключателя. Ян входит в убежище, и перед глазами против воли возникает картина: пятилетний до смерти перепуганный мальчик сидит на матрасе в бетонном бункере. Сердце отвечает на это воспоминание парой лишних сокращений... но в свете лампы дневного света он понимает: в убежище никого нет.

Матрас и одеяла лежат на полу — как и тогда. И шкаф из некрашеной сосны стоит на месте. Стальная дверь в противоположном конце заперта.

Ханна уверенно идет к ней:

— Это здесь.

— Дверь заперта. Я уже пробовал ее открыть.

— А причем здесь дверь? Не дверь, а пол... — Она показывает себе под ноги.

— Пол?

Он подходит к ней — и чувствует под ногами какую-то неровность. Толстое ковровое покрытие, но вдруг он наступает на что-то. Под ковром. Какое-то узкое выступающее ребро.

Ковер покрывает весь пол, он выкроен по размеру комнаты, но не приклеен. Его легко поднять и откинуть в сторону, что Ханна и делает довольно уверенно. Ян наклоняется ей помочь.

— Продолжай. — Она передает ему край ковра. — Немного осталось.

Она говорит возбужденно. Подзуживает его, что ли?..

Под ковровым покрытием — бетонная стяжка. А в ней люк. Меньше метра в диаметре. Закрыт толстой крышкой из рифленой стали.

— Вот тебе и вход.

Он ошарашенно смотрит на крышку люка и поднимает глаза на Ханну:

— В больницу?

— В больницу.

— И где этот ход кончается?

— Понятия не имею.

Ян обнажает всю крышку. На ней, оказывается, есть небольшая рукоятка — ее он и почувствовал под ногой.

— Как ты его нашла?

— Искала. Как и ты. Только пошла чуть дальше. И у меня было больше времени.

— И Рёссель тебе помогал?

— Нет.

Ян берет за рукоятку, поднимает крышку и сдвигает в сторону.

Квадратный колодец. Но это не канализация. Что-то электрическое — по стенам бегут пучки толстых кабелей. Колодец неглубокий, метр с лишним, но дальше начинается узкий туннель, уходящий под бетонное покрытие пола, под стальную запертую дверь.

— Спустишься?

— Попробую...

Яну не по себе. Он встает на колени и заглядывает в подземный ход. Полная чернота. Какая-то водопроводная труба втерлась в компанию кабелей. Слой пыли. Слабый запах плесени, хотя, насколько хватает глаз, сухо.

Сухо и вполне можно пролезть. Спуститься в колодец, сгруппироваться — и вперед.

А крысы? Может быть... Он прислушивается. Никакого писка. Все тихо.

— Алло! — громко шепчет он, не решаясь крикнуть.

Молчание. Даже эха никакого.

Он встает и аккуратно задвигает люк. Покрытие оставляет откинутым.

— Мне надо вернуться в садик... нужен свет.

— Где ты его возьмешь?

— Ангел.

32

Ханна, вытаращив глаза, смотрит на аппаратики, которые Ян достал из своего шкафчика.

— И что это такое?

— Электронные мониторы наблюдения. *Babyguards*. Ты что, никогда не слышала?

— Не-а. И для чего они?

— Видно, что у тебя нет детей. Я же сказал: мониторы наблюдения. Ты можешь находиться за три комнаты от детской и слышать, что там происходит, пока дети спят.

— А родители для чего?

— Не у всех есть время... и потом, чувство защищенности и безопасности. У спокойных детей спокойные родители. — Он вспомнил Вильяма Халеви и добавил: — А беспокойные родители... те, у кого нет уверенности, что их дети в безопасности, часто несчастливы.

Ханна берет одного из Ангелов. Недоверчивая мина так и не сходит с ее лица.

— А зачем они тебе именно сейчас?

— Дисплей работает, как фонарик. И к тому же оставлю один у тебя, чтобы ты меня могла слышать.

Она смотрит на него испытующе:

— И тогда тебе будет, типа... спокойнее?

— Немного.

— Может, я тебя и услышу... но что я могу сделать? Я имею в виду, если тебе понадобится помощь там, внизу...

— Достаточно, если ты меня будешь слышать, — прервал ее Ян.

Страховочный трос. Ангел-хранитель, Ангел-приемник, Ангел-передатчик и Ангел — страховочный трос. Спелеолог лезет в пещеру, а к ноге привязана веревка. Второй конец в руках у напарника.

— Тебе страшно?

— Нет. Я забыл страх дома. В брючном кармане.

Ян улыбается, хотя ему не до улыбок. Он не знает, что его ждет, не знает, патрулируют ли охранники по ночам. Одна надежда — если он наткнется на кого-то, это будет Ларс Рет-

тиг или кто-то из его друзей-подельников. Если им, конечно, можно доверять.

Через пять минут он стоит возле открытого люка. Всего половина одиннадцатого, но здесь, под землей, время не ощущается. Здесь вечная ночь.

Снимает с пояса Ангела и нажимает на кнопку. Дисплей ярко освещается.

— О'кей, — говорит он в микрофон. — Я спускаюсь.

Голос отдается эхом в пустом бетонном бункере, но он не уверен, что Ханна его слышит.

Опирается руками о края люка и спрыгивает вниз. Здесь можно изогнуться и направить свет фонарика в тесный подземный ход. Довольно длинный, во всяком случае, там, куда достигает свет от дисплея, и конца не видно. Ян опускается на колени и вдыхает сухой, пыльный воздух.

— Пора, — говорит он в пустоту.

Сгибается в три погибели и на четвереньках втискивается в туннель, стараясь не задеть головой каменный потолок.

Как в склепе. Каменные монолиты со всех сторон, над головой — бетонная плита, она словно придавливает его к полу.

Клаустрофобия? Ну нет, он должен подавить страх, не думать о гробах и заблокированной двери в сауну с включенным реостатом. Он может дышать, может передвигаться. Проход достаточно широк, чтобы продвигаться вперед без особых трудностей. Только повернуться невозможно. Если что случится, придется пятиться раком.

А что может случиться?

Ян закашлялся. Ему вдруг очень захотелось пить. В воздух поднималась многомесячная, а может, и многолетняя пыль, но он продолжал двигаться вперед. Луч фонаря плясал по бетонным стенам.

Он остановился и направил дисплей вперед. Примерно в десяти метрах ход заканчивался. Или, может быть, поворачивал — как он ни старался, разглядеть не удалось.

— Я думаю... думаю, я сейчас под дверью в убежище, — сказал Ян.

До чего же нелепо — разговаривать с собой. И к тому же он совершенно не уверен, что у охраны нет технической возможности слушать, что он говорит. Если у него передатчик, то почему бы не вмонтировать такой же и спрятать где-то между кабелями? Вполне возможно. То есть, конечно, маловероятно, но исключить нельзя.

Он опустил фонарь, сжал зубы и полез дальше. Прислушался — нет ли каких шорохов или писков?.. Нет. Никаких признаков крыс нет. Какие-то темные пятнышки на полу — может, крысиный помет? Или дохлые мухи? У него не было никакого желания вглядываться.

Одна нога, другая... только вперед.

Внезапно он замечает что-то на потолке, примерно в пяти метрах впереди. Направляет свет — это люк. Тоже рифленный, как и тот, в убежище.

Это заставляет его прибавить скорость. Плечи и голова все время задевают бетон. Руки и ноги онемели. Но в конце концов Ян достигает цели.

Кладет Ангела на пол и упирается руками в крышку, в полной уверенности, что она заперта, завинчена или даже заварена. Но нет — тяжелая крышка крикает и поднимается.

Теперь можно попытаться отодвинуть ее в сторону. Скрежет металла кажется оглушительным.

Над ним открывается темная щель. Ни луча света. В помещении совершенно темно. Он прекращает возню с крышкой и прислушивается. Ни звука.

Медленно, с Ангелом в руке, Ян поднимается с четверенек. Люк точно такой же, как в убежище, но между тем люком и этим — запертая наглухо тяжелая стальная дверь.

Он сдвигает крышку полностью и, опираясь на края люка, выбирается на пол. Ноги совершенно одеревенели, как будто он отсидел сразу обе.

— Все нормально, — шепчет он в микрофон. — Я в каком-то подвале... не знаю, что это.

И тут же нажимает на кнопку отключения. Не стоит разговаривать в темноте, когда не знаешь, что тебя окружает. Даже шептать не стоит.

Он поднимает Ангела и размахивает им, как саблей. Но это не оружие. В случае чего, ему совершенно нечем защититься, и он чувствует себя, как четырехлетний ребенок, оставленный в большом темном доме.

Воздух здесь почему-то затхлый. И коврового покрытия на полу нет — голый бетон. Нет и веселых рисунков на стенах. Казалось бы, это должно принести облегчение — выбраться из темного тесного туннеля в большую комнату, — но Ян никакого облегчения не чувствует.

Оказывается, это даже не комната, а темный коридор. Некоторое время этот коридор идет прямо, а дальше поворачивает. Ян доходит до поворота, поднимает Ангела и видит черный дверной проем. Слева, метрах в семи или восьми.

Собирается с силами и заставляет себя подойти к нему.

Чужой и страшноватый мир. И он совершенно один. Ян зажмуривается и старается вызвать в памяти лицо Алис Рами. Не такое, каким оно было пятнадцать лет назад, когда они встретились. А то лицо, которое нафантазировал себе бессонными ночами, — как она должна выглядеть сейчас. Красивая, опытная, умная. Может быть, время и оставило на нем какие-то следы... но все равно — волевое, улыбчивое лицо.

Рами, его первая любовь, его единственная подруга.

Он безуспешно пытается найти выключатель. Без Ангела он не смог бы сделать ни шагу... и тут же замечает, что свет стал слабее. А запасной батарейки у него нет. Идиот. В детском саду полно батареек, мог бы захватить хоть одну.

Он заглядывает в большое помещение. Настолько большое, что конца не видно. Белый кафель на полу и на стенах. Пол серый от пыли и грязи, кое-где пятна плесени.

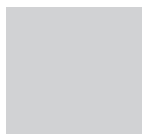
Душевая? Нет. Вдоль стен стоят шкафы и пустые стальные столики. Чуть подальше — пожелтевшие клеенчатые занавески, за ними больничные кровати и низкие раковины.

Приемный покой? Или смотровой зал, закрытый и заброшенный много лет назад.

Сердце начинает колотиться.

Он проник в Санкта-Психо.

ЧАСТЬ 2
РИТУАЛЫ

Сумасшествие — печальная и тяжелая штука. Утрата контроля над собственным сознанием вовсе не романтична. Она не приносит спасения от действительности, наоборот, завлекает в куда более коварные ловушки.

Джулиан Паласиос
«Затерянный в лесах»

«Рысь»

Леса в темноте он не видел, но со всех сторон его окружали звуки. Сапоги хрустят по камушкам, ночной ветер шумит в верхушках елей, где-то ухнула сова... и барабаны. В голове все время отдаются удары большого барабана.

Двадцать пять десятого. Он шел к ущелью. Неважно, что темно, — он нашел бы эту дорогу с закрытыми глазами.

Ян остановился на тропинке, ведущей наверх, к бункеру, и прислушался. Тихо. Ни криков, ни плача.

Быстро, как кошка, взбежал по тропе и раскидал прикрывающий вход еловый лапник.

Еще раз прислушался.

Медленно снял засовы, открыл дверь и просунул голову.

Тишина. В бункере нельзя сказать, что тепло. Не тепло. Но и не холодно.

Ян прислушался. Никто не шевелился, но он уловил дыхание.

Ян залез в бункер. Достал мобильник и нажал на кнопку. Дисплей слабо осветил убежище.

Бело-красно-черный широкоплечий робот стоял посреди пола. Он был включен: на цилиндрической голове загадочно мигали красные лампочки. Рядом валялись две пустые бутылки из-под «Фестиса», открытые пакетики с конфетами и промасленная бумага, в которую Ян завернул бутерброды.

Хороший знак. Значит, Вильям ел и пил. А на тот случай, если понадобится пописать, Ян поставил ведро в дальнем конце бункера.

Малыш спал, свернувшись калачиком, на матрасе.

Еще бы — в конце концов устал, лег на матрас и уснул, укрывшись несколькими толстыми одеялами.

Ян взял ведро, отнес его метров на десять и вылил.

Вернулся, лег рядом с мальчиком и закрыл глаза, прислушиваясь к его дыханию.

По телу разлилось небывалое спокойствие. Он чувствовал себя победителем, его переполняли гордость и радость, что ему все так замечательно удалось в этот день. Вильям похищен, заперт, но ему не причинено ни малейшего вреда.

Он справится, никаких сомнений. Сорок шесть часов пройдут быстро.

Хуже родителям. Сейчас они взволнованы, волнение превратится в страх, а потом и в настоящий, леденящий душу ужас. Вряд ли они заснут в эту ночь.

Он вздохнул и закрыл глаза. В лесу все спокойно.

Он полежит немного, покараулит Вильяма, хотя вовсе не обязан. К нему-то не приходил никто.

33

Маленькие шажки, частые остановки. Ян исследует подвал Патриции, как спелеологи исследуют незнакомую пещеру. Кривые коридоры, темные комнаты... Ангел еще не погас, но с каждой минутой светил все слабее.

В смотровой, куда он поначалу угодил, других дверей не было, поэтому он вернулся в коридор и пошел дальше. Через несколько метров коридор свернул направо, еще раз направо и потом налево, и он попал в другой большой зал с выложенными кафельной плиткой полом и стенами. Что-то хрустнуло под ногой. Он посветил — разбитый стакан.

«Полянка»... Яну кажется, «Полянка» сейчас за тридевять земель, и очень хочется вернуться в безопасное убежище по ту сторону стены. Но он заставляет себя — вперед. Только вперед.

Кругом царит такая же мертвая тишина, и это его успокаивает.

В отличие от первого, в этом зале целых четыре дверных проема. Он проверяет их, один за другим. Одно и то же — покрытый толстым слоем пыли короткий проход, упирающийся в ржавую стальную дверь. Первые три заперты. В последнем проходе пыли заметно меньше, и дверь не

такая ржавая. Поворачивает ручку, дверь медленно открывается — еще один коридор с дверьми по обе стороны. Он оставляет стальную дверь открытой настежь и заходит в этот проход.

Первая дверь. Маленькая пустая комната, где нет ничего, кроме старой железной кровати без матраса. Он светит фонариком и обнаруживает приклеенную к стене выцветшую открытку. Что написано — не разобрать. Больничная палата. Или тюремная камера.

Он вспомнил дыру в подвале в Юпсике и невольно отпрянул назад.

Ян открывает дверь за дверью — ни одна не заперта. Везде одно и то же — пустые стены, железные скелеты кроватей. Ян никогда особенно не боялся темноты, но ощущение тотального, безысходного одиночества становится все сильнее. Он укорачивает шаги. Открытые двери похожи на черные разинутые пасти, готовые его проглотить. Что там, за ними?

Он опять нажимает кнопку выключенного для экономии батарейки Ангела.

— Я в подвале больницы, — говорит он, — но мне кажется, он давно не используется... Ни одна лампа не горит.

Ангел молчит. Хорошо бы Ханна его слышала.

— О'кей, думаю, надо возвращаться, — говорит он как можно тише.

Почему-то шуметь в этом месте кажется ему небезопасным. С каждым произнесенным словом усиливается чувство, что в темноте кто-то его подслушивает.

— Скоро увидимся.

И он выключает Ангела.

Коридор резко поворачивает, и Ян попадает в еще один зал. Стальные столики, пыльные, когда-то белые клеенки... или он здесь уже был?

Только вперед.

Шаг, другой. Остановка. Третий, четвертый...

Когда Ян пробирался по подземному лазу, он побаивался крыс. Сейчас ему кажется, что если здесь и есть крыса, то это он сам: не решается даже пискнуть, ступает как можно более бесшумно, прислушивается к каждому звуку.

Темно. Очень темно. Страх темноты подкрадывается снова. Он старается держаться поближе к стене.

На первый взгляд все эти помещения кажутся давным-давно заброшенными. Он опять включает фонарик. Рядом с темно-коричневыми банками на полке лежит свернутая программа игр местной футбольной команды. Он разворачивает — прошлый сезон.

И чуть подальше — надписи на кафеле. Тушью. Под толком кто-то крупно и небрежно вывел: «ИИСУСЕ, СПАСИ МЕНЯ ТВОЕЙ КРОВЬЮ», а на другой стене: «ХОЧУ ТЕПЛУЮ ЖЕНЩИНУ». Тем же почерком.

Несмотря на холод, Яна прошибает пот.

Он отодвигает потрескавшуюся клеенку. Под ней письменный стол. Пробует открыть ящики — заперты.

Он оставляет попытки их открыть и поднимает голову. Где-то над ним Рами. Два женских отделения, сказала Ханна. Но как туда попасть?

А где Иван Рёссель? Здесь, в темноте, Ян ощущает его присутствие. Вспоминает его улыбку на экране компьютера. Но ведь наверняка Рёссель, как и другие склонные к насилию больные, сидит под замком?

Вдруг он слышит какой-то звук. Негромкий, наверное издалека, похожий на долгое эхо.

Он замирает и прислушивается. С какой стороны — определить невозможно. Вполне возможно, ему показалось — настолько напряжены нервы. Всё. Опять всё тихо.

Он поворачивает назад. Этот странный звук, темнота, чувство заброшенности, дышащая на ладан батарейка. Пора.

Ян по очереди светит на дверные проемы — а через какой из них он вошел? Не вспомнить...

Наугад выбирает самый правый. За дверью — длинный коридор. Он вздрагивает — в конце коридора виден свет. Он проходит чуть дальше, поворачивает за угол и попадает в помещение, освещенное дежурными лампами. На противоположной стороне — широкая стеклянная дверь с зеленой надписью «ВЫХОД», а за ней видна освещенная лестница.

Вот так. Эта лестница наверняка ведет в больницу. Ян делает несколько шагов вперед — и замирает.

Над дверью — белый жестяной ящик с черным объективом.

Камера.

Сделай он еще хоть пару шагов, его присутствие наверняка будет обнаружено.

Возвращается в зал и пробует левую дверь.

Этот коридор совсем короткий, метра три, не больше, и упирается в стальную дверь.

Заблудился...

Мелкая дрожь в животе и ногах, лихорадочный и несвязный поток мыслей.

Паника.

Он не имеет на это права. Заставляет себя сосредоточиться. Надо попробовать все двери. Не стоять на месте.

Ян включает умирающего Ангела, быстро проводит конусом бледного света по стене и выбирает следующую дверь — наугад. Здесь коридор намного длиннее, но он в нем не был. Надо попробовать.

Он проходит мимо двух запертых стальных дверей и упирается в третью. Обычная деревянная дверь.

Поворачивает ручку — и замирает на пороге, зажмурившись от яркого, уже непривычного за этот час света. На низком потолке — ряды ламп. Теплый воздух отдает хлоркой. Огромные стиральные машины и центрифуги с мигающими индикаторами, рельсы на потолке — по ним, очевидно, движутся каретки с подвешенными к ним корзинами с бельем.

Прачечная. Прачечная Санта-Патриции.

И он здесь не один. Спиной к нему стоит высокий, очень худой мужчина в сером комбинезоне. Наклонился и складывает что-то большое — простыню или пододеяльник. На поясе у него плеер, а в ушах торчат наушники. Он не слышит Яна и не видит — пока. Но стоит ему повернуться...

Не надо дожидаться. Ян быстро прикрывает дверь и возвращается в смотровой зал — пробовать другие двери. Странно. Чуть не попался — и при этом успокоился. Оказывается здесь, в подвале, есть люди — *нормальные* люди. Люди, которые здесь работают. Он здесь не один.

Опять какой-то звук, на этот раз совсем близко.

Пение. Из одного из дверных проемов доносится тихое пение.

Поет не один человек. Похоже на псалом, но эхо от кафельных стен такое, что Ян не может разобрать ни слова.

Персонал? Пациенты?

Надо быть идиотом, чтобы пытаться это выяснить. Он скользит вдоль стены, готовый в любую минуту удариться в бегство.

И наконец находит нужную дверь.

Он опять в коридоре с крошечными палатами. Легко находит первый зал — и оттуда в убежище.

На этот раз ему не нужно ползти на четвереньках по тесному туннелю. С *этой* стороны стальная дверь легко открывается.

Тепло и светло. Он выключает свет и возвращается в «Полянку».

Скоро полночь, но Ханна не спит. Она возбужденно и восторженно смотрит на него, настолько восторженно, что он на секунду забывает Рами.

— Слышала тебя! — говорит она. — Четко и ясно, как будто ты рядом.

— Хорошо.

— Что ты там видел?

— Не так уж много. — Ян вытер внезапно вспотевший лоб. — В подвале целый лабиринт, старые больничные залы, коридоры... и мне кажется, я слышал голоса.

— А как попасть в отделения? Ты видел что-нибудь? Лифт? Лестницу?

— Я дошел только до прачечной. — Для убедительности Ян покачал головой. — Там были люди.

— Люди? Мужчины? Женщины?

— Один мужчина. Кто-то из obsługi... но он меня не видел.

Ханна выглядит разочарованной:

- Не густо... в общем, выброшенное время.
- Ничего подобного. Теперь я там ориентируюсь.

ЮПСИК

Каждый раз, когда Ян подходил к окну, взгляд его останавливался на густо переплетенной колючей проволоке поверх стальной решетки. Не перепрыгнешь — ограда как минимум вдвое, а то и втрое выше его самого. Большой ухоженный газон, ограда, а дальше дорожка, уходящая в сторону города.

Ограда не давала ему уйти из Юпсика, это он понимал. Но она и защищала его от остального мира.

Что же он натворил и почему здесь оказался?

Он знал, что натворил. Достаточно посмотреть на перевязанные запястья.

Он попросил Йоргена принести ему бумагу и карандаши. Рисовать не запрещалось. Он расчертил лист на прямоугольники и взялся за новый комикс. Затаившийся, его супергерой, сражался с Бандой четырех на дне глубокого темного ущелья. Затаившийся был непобедим, его ничто не брало, кроме яркого света, поэтому враги все время пытались направить на него лазерный луч.

Внезапно в дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в палату вошел человек в сером шерстяном свитере. Не Йорген, хотя тоже бородатый. Но этот совершенно лыс.

— Привет, Ян. Хорошо, что ты не спишь.

Ян промолчал.

— Меня зовут Тони. Я психолог здесь... Посмотрим, как твои дела...

Психолог. Теперь они начнут копаться в его душе.

Из-за спины бородатого вынырнул медбрат со стетоскопом. Он потискал Яна, послушал, оттянул бандажи на руках и посмотрел на швы на запястьях.

— Похоже, здоров, — сказал он. — Можно сказать, восстановился.

— В телесном смысле — да, — поправил его психолог.

— Ну да... по части души — это вы специалисты.

Они словно не замечали Яна, никто к нему не обратился... какое им дело до его ожогов. Закончив, медбрат молча встал, и оба двинулись к выходу.

— Скоро домой? — спросил Ян.

Ни слова в ответ. Оба исчезли и закрыли за собой дверь.

Ян отложил карандаш. Пять клеток заполнены рисунками. Лег на койку и уставился в потолок. Значит, ему предстоит здесь валяться, пока его не выпустят. Опять кто-то за него решает. Он к этому привык.

И что? Ян и не хотел куда двигаться.

Опять гитара из-за стены. Девочка по соседству брала раз за разом свой минорный аккорд, только на этот раз быстрее. Но теперь она еще и пела.

Ян прижал ухо к стене. Слова были английские, но он понимал почти все. Она пела про некий дом в Новом Орлеане. Дом назывался «Восход солнца», и этот дом якобы поломал жизнь несчитаному количеству юных девушек. Она пела все время одни и те же строчки, пока не призналась Богу, что она — одна из этих девушек.

Чем дольше он слушал, тем сильнее было желание не только слышать, но и видеть. Ему хотелось пойти к ней в палату и *смотреть*, как она поет.

Он вскочил, взял больничный стул с тонким фанерным сиденьем, сел на пол у стены и начал выбивать ритм в такт гитарным аккордам. У него это получалось неплохо — он играл на барабанах в школьном духовом оркестре. В рок-группу никто его, понятно, не приглашал, но он два года исправно выстукивал шведские и немецкие марши. Это было довольно весело.

Он не знал, зачем живет, но ритмом владел неплохо.

Ян стучал по стулу все громче и громче, и настолько увлекся, что даже не заметил, как гитара в соседней комнате умолкла. Через несколько мгновений за спиной у него скрипнула дверь.

На пороге стояла та самая девочка. Гитаристка.

— Что ты делаешь?

В голосе ее не было раздражения. Только любопытство.

Ян замер:

— Стучу.

— А ты умеешь?

— Немного.

Она задумчиво глянула на него. Высокая, худенькая, хорошенькая, но никаких женских выпуклостей Ян не разглядел.

— Пойдем со мной.

И повернулась, будто у нее не было никаких сомнений, что Ян последует за ней.

Они вышли в пустой коридор, свернули налево, и она открыла дверь с вывеской «МАТЕРИАЛЬНЫЙ СКЛАД».

— Здесь кое-что можно позаимствовать.

Кладовая небольшая, но забита полками, а на полках лежало все что угодно. Книги, ракетки для настольного тенниса, шахматные доски с фигурами, настольные игры.

Стопки бумаги и карандаши. Должно быть, Йорген именно здесь их и взял.

— Ты пишешь?

— Иногда... больше рисую.

— Я тоже. — Она достала с полки толстую черную тетрадь. — Возьми. Можешь вести дневник.

— Спасибо.

Ян взял у нее тетрадь, хотя ему никогда даже в голову не приходило писать о себе самом.

Музыкальные инструменты лежали на двух отдельных полках.

— Здесь я и нашла мою «Ямаху».

— «Ямаху»?

— Гитару, — улыbnулась она.

А рядом на полу стояли ударные. Очень маленький набор: изрядно потертый малый барабан, бочка и хай-хэт — сдвоенные тарелки с педалью.

— Можешь взять.

Она взяла барабан, он сунул под мышку палочки и поднял стойку с тарелками. Она подвела его к двери в свою палату:

— Заходи.

Ян робко переступил порог и удивился. В его палате все было белым, а здесь... стены обтянуты черной тканью. Похоже на студию.

Девочка села на койку и взяла гитару:

— Попробуем?

Он взял палочки и начал выстукивать спокойный четырехдольный ритм, на второй и четвертой доле трогал тарелки. Она слушала внимательно. С доверием, он к этому не

привык. Потом начала петь — тем же слегка хрипловатым голосом, что и говорила.

*В Ньюкере есть дом,
Название «Восход».
Так много жизней в нем
Пропало навсегда.
Так много жизней в нем
Пропало навсегда,
И я пришла туда.*

Это был, скорее всего, единственный куплет, который она знала. Повторила дважды и замолчала.

Они посмотрели друг на друга.

— Хорошо, — сказала она. — Давай еще раз.

— А как тебя зовут?

— Рами.

— Рами?

— Пока только Рами. Тебя это не волнует?

Он покачал головой и задал вопрос — тот словно сам соскочил с языка. Если бы он подумал немного, может, и не спросил бы.

— А почему ты здесь?

Но, слава богу, Рами ничуть не смутилась:

— Потому что мы с моей старшей сестрой сделали одну штуку... глупость. В основном сестра. Она удрала в Стокгольм и там где-то прячется. А меня не взяла, и я угодила сюда.

— А что вы сделали?

— Попытались отравить отчима. Мерзкий тип.

Они замолчали. Ян не знал, что сказать, но тут, к его облегчению, за дверью послышался крик:

— Ян! Ян Хаугер!

Он вздрогнул и открыл дверь. Санитар, похожий на Иисуса, но по имени Йорген.

— Тебя к телефону, Ян.

— Кто?

— Какой-то твой приятель.

Приятель? Ян посмотрел на Рами.

— Потом продолжим, — сказала она.

Телефон был в комнате для дежурного персонала, в другом конце Юпсика. Йорген показал дорогу и закрыл за собой дверь.

Кровать, стол, телефон с лежащей рядом трубкой.

Ян взял ее и поднес к уху:

— Да, я слушаю.

— Хаугер? Идиот... лузер засранный.

Ян знал этот голос. Он не мог выдать ни слова — будто из легких выпустили весь воздух. Но у говорящего воздуха в легких хватало.

— Живой значит... а мы-то надеялись, что сдох. Даже помереть не сумел, мозгляк.

Ян весь покрылся потом, как в сауне. Больше всего ладони. Трубка чуть не выскользнула у него из руки.

— А знаешь, что мы про тебя рассказали в школе? Что мы видели, как ты дрочил в туалете и выл, как собака на луну.

— Это неправда.

— А кто тебе поверит?

Ян постарался набрать в легкие воздуха.

— Я ничего никому не говорил... Про вас.

— А то мы не знаем. Сказал бы — мы бы тебя вообще замочили.

— Вы так и так меня убьете.

В ответ он услышал смех. Причем ему показалось, что смеются несколько человек.

В трубке щелкнуло. Короткие гудки.

Ян опустил глаза — под ширинкой на внутренней стороне бедра расплывалось темное пятно. Он описался.

34

Единственное, что чувствовал Ян, вернувшись домой после полуночи, — тяжелую, будто чугунную усталость. Прогулка в подвалах Санта-Психо высосала из него все силы.

Свалился в постель и тут же уснул.

Спал, как ни странно, крепко и спокойно, без снов. В половине восьмого был уже на ногах, а через час катил на велосипед на работу — сегодня у него дневная смена.

Во дворе «Полянки» все, как обычно. Качели пусты, в песочнице валяются забытые пластмассовые лопатки и совки. Ждут детей.

Он открывает входную дверь и сразу замечает: что-то не так. Ханна, Андреас и несколько ребятишек толпятся в раздевалке... но Ханна должна была уйти еще час назад. У нее кончилась смена, и обычно она не задерживается.

— Привет, Ян. — Андреас поднимает ладонь.

Ян улыбается, но ни Ханна, ни Андреас не улыбаются в ответ.

— Все в порядке?

— Вообще-то да. — Андреас пожал плечами. — Только у нас будет какое-то собрание.

— Собрание сотрудников, — вставляет Ханна.

— Обычное собрание? Поднять самочувствие и настроение?

— Не знаю... не думаю. Что-то другое.

Андреаса, похоже, предстоящее собрание не интересует. И Ян тоже пытается соорудить равнодушную мину. Он снимает куртку, искоса поглядывая на Ханну. Ее голубые глаза настолько же красивы, насколько непроницаемы и холодны. Но она почему-то их отводит.

Через четверть часа все расселись в воспитательской. Все, кроме Марии-Луизы. Она стоит лицом к ним с прямой, как всегда, спиной и крепко сжимает ладони.

— Нам надо кое о чем поговорить, — заявляет она, — и это очень серьезно. Как вы знаете, здесь, в «Полянке», мы придаем огромное значение правилам безопасности, но они, как оказалось, у нас не действуют... — Она выдержала паузу. — Я пришла на работу в семь... и что я увидела? Дверь в подвал не только не заперта, она открыта чуть ли не настежь.

Мария-Луиза обводит глазами сотрудников. Ян прилагал все усилия к тому, чтобы у него не начали бегать глаза.

— Ханна, мы с тобой уже говорили на эту тему... ты сказала, что не знаешь, как это могло произойти.

Ханна согласно кивает. Глаза ясные и невинные, взгляд твердый и честный. Ян мысленно ставит ей пятерку.

— И в самом деле что-то очень странное с этой дверью, — говорит она. — Я точно знаю: когда я прилегла, дверь была закрыта.

Мария-Луиза пристально смотрит на Ханну:

— Ты уверена?

Ханна отводит взгляд. Буквально на полсекунды.

— Почти.

Мария-Луиза вздыхает и безнадежно вздергивает плечи — ну что тут сделаешь!

— Эта дверь должна быть заперта всегда. *Всегда.*

Настроение у всех подавленное. Ян смотрит на Марию-Луизу и пытается лихорадочно вспомнить: неужели это он забыл запереть дверь, когда вернулся назад?

— Привет, граждане! — Тяжелое молчание нарушает веселый тонкий голосок.

Мира. Стоит в дверях и улыбается во весь рот, несколько не стесняясь выпавшего переднего зуба. Она только недавно выучила новое слово: *граждане* — и теперь вставляет его где ни попадя.

— Привет, Мира. — Мария-Луиза изображает материнскую улыбку. — Мы сейчас придем. Нам, взрослым, надо немного поговорить...

— Но Вилле и Валле пора спать! Им же надо постелить!

— Ян, — тихо говорит Мария-Луиза. — Пожалуйста, уложи Мириных кукол.

— Конечно!

Повезло. Он все время чувствует эту тонкую нить лжи и тайны, натянутую между ним и Ханной, и боится, что кто-то может ее обнаружить.

— Привет, гражданин!

— Еще раз привет, гражданка Мира!

Мира, похоже, очень довольна, что именно Ян пришел к ней в спальню. Они садятся на корточки у ее кровати, Ян достает двух кукол и укладывает под одеяло. Здесь ему хорошо. Он устраивает одеяло так, чтобы кукольные тряпичные головки высывались наружу, ладонями расправляет складки на простыне... но думает все же о другом.

Если он и в самом деле забыл закрыть дверь, это серьезная ошибка. Таких ошибок в дальнейшем допускать нельзя — тогда наверняка поставят камеру наблюдения.

— Вот так... Довольна, гражданка Мира?

Девочка с энтузиазмом кивает, наклоняется над постелью и по очереди гладит кукол по голове, после чего засовывает палец в нос и смотрит на Яна.

— А что хотел дяденька? — спрашивает она ни с того ни с сего. — Он хотел забрать Вилле и Валле?

Ян оцепенел:

— Какой дяденька?

Мира вынимает палец из носа:

— Дяденька... который здесь был.

— Никакого дяденьки здесь не было.

— Был-был, — уверенно заявляет Мира. — Я его сама видела. Когда было темно.

— Ты хочешь сказать, ночью?

Она кивает и показывает на ножной конец своей кровати:

— Он стоял вон там.

Ян пытается собраться с мыслями.

— Тебе приснилось, — говорит он наконец. — Этот дяденька тебе приснился.

— Не-а!

— Да, Мира. Ты же спишь иногда, и тебе снится то, чего на самом деле нет... например, тебе же снится иногда, что ты играешь в прятки, а на самом деле лежишь и спишь в своей кровати?

Она задумывается. Такая мысль ей в голову не приходила. Подумав, она кивает.

Слава богу, убедил. Кто бы теперь убедил его самого. Посторонний в детской спальне!

— Ну вот и хорошо. Боюсь, мы мешаем Вилле и Валле спать.

Они выходят из спальни. Мира скачет впереди на одной ножке и, похоже, уже забыла ночное приключение.

Но Ян-то не забыл. Он возвращается в воспитательскую, но там уже никого нет. Только Андреас у мойки споласкивает свою чашку из-под кофе.

— Закончили?

— Ну.

— И к чему пришли?

— Да так... ни к чему. Дверь надо запирать. И самим запирать, и за другими следить, чтобы не забывали.

— Мудрое решение.

Ян слышит хлопок наружной двери и бросает взгляд в окно.

Ханна. Идет быстрым шагом по двору, на ходу застегивая куртку. Ночная смена закончена.

Ну нет. Он быстро натягивает сапоги и догоняет ее у калитки:

— Ханна?

Она останавливается и смотрит на него, как на незнакомого:

— Я иду домой. Что случилось?

Ян оглядывается — во дворе никого нет. Но все равно надо быть осторожным.

— Мире снятся кошмары.

— Вот как?

Голос совершенно безразличный. Ни капли тепла. Ян понижает голос:

— Ей приснился дяденька.

— Она и раньше сны рассказывала, это...

— Дяденька сегодня ночью стоял в детской спальне, у ее кровати.

Она по-прежнему смотрит на него без всякого выражения. Он переходит на шепот:

— Ханна... ты впустила кого-то через шлюз?

Она не выдерживает и опускает глаза:

— Ничего страшного. Это друг.

— Друг? Твой друг?

Она не отвечает, смотрит на часы:

— Сейчас подойдет мой автобус.

Он вздыхает и идет ее провожать.

— Ханна, мы должны...

— Я не могу и не хочу сейчас об этом говорить, — прерывает его Ханна. — Ты должен мне верить... все спокойно. Мы знаем, что делаем.

— Мы? Кто *мы*, Ханна?

Ханна не отвечает, открывает калитку и с шумом захлопывает ее за собой. Ян стоит неподвижно и смотрит ей вслед. Ему приходит в голову старая и не особенно смешная история.

«Что это за дама, с которой я тебя видел вчера?» — «Никакая это не дама. Это моя жена».

Так же мог бы и он ответить на вопрос Миры.

А что хотел дяденька?

Никакой это не дяденька, Мира. Это Иван Рёссель.

35

По дороге домой Ян принимает решение: больше никаких вылазок в Санта-Психо. Ни в подвал, ни в комнату свиданий. Хватит. Слова Марии-Луизы произвели на него впечатление.

Он был почти уверен, что закрыл за собой дверь. Скорее всего, Ханна — но это, в конце концов, неважно. Ей тоже пора кончать с ночными посещениями.

Не пора кончать, а надо кончать. Немедленно.

Он открывает дверь и останавливается.

На коврике лежит большое письмо. Но это, понятно, не ему. Он всего лишь почтальон. На конверте две жирных буквы: **S. P.**

Вздохнув, Ян перешагивает конверт. Не хочет до него даже дотрагиваться. Но не может же этот чертов конверт вечно валяться в прихожей! Он поднимает его... Раз уж поднял, можно с тем же успехом и распечатать.

Тридцать шесть писем, маленьких и больших. Ян садится за кухонный стол и перебирает конверты. Ни одного письма Марии Бланкер. Зато одиннадцать штук одному адресату. Ивану Рёсселю.

Многовато у него эпистолярных друзей.

И что они от него хотят?

Ян сомневается, но недолго — вспоминает Ханну и открытую подвальную дверь. Наугад берет одно из писем Рёсселю. Обычный белый конверт, без обратного адреса. И запечатан довольно небрежно.

Достает из ящика филейный нож и поддевает клапан. Клейкая полоска легко поддается. Письмо открыто.

Чтение чужих писем. *Перлюстрация*. Слово неприятное, даже постыдное, но он все равно засовывает в конверт два пальца и достает тонкие листки, исписанные аккуратным мелким почерком.

Мой любимый Иван, это опять Карин. Карин из Хедумуры, если ты помнишь. В предыдущем письме я забыла рассказать тебе о своих собаках. У меня две – такса и терьер. Сэмми и Вилли, они очень дружат, а я дружу с ними, и мне очень нравится с ними гулять.

Иногда так приятно помечтать, потому что я все время в стрессе, потому что в жизни надо так много всего сделать. И так много ответственности! Постоянные счета, по которым надо платить, работа, которую надо выполнять, и ни одного дня, когда я была бы совсем свободна. Но с Сэмми и Вилли надо гулять, и я гуляю с ними каждый день.

И все время думаю о тебе, Иван. Жар моей любви ярким огнем взлетает в небо и, как шаровая молния, летит прямо к тебе, в твою палату, в твое сердце. Во мне так много любви и нежности, Иван. Я читала о тебе все.

Я знаю, что мы все, те, кто живет по другую сторону тюремной стены, могли бы легко оказаться и по ту сторону. И я все время думаю – как же нам перешагнуть все стены, которыми мы себя окружаем? Но ты даешь мне свободу, и я так тоскую по тебе, так хочу с тобой увидеться...

И еще три страницы — все тем же убористым почерком. Длинные объяснения в любви к Ивану Рёсселю, красочные

мечты об их предстоящей совместной жизни. И даже фото приложено: улыбающаяся женщина с двумя небольшими собачками.

Ян складывает письмо, аккуратно засовывает на место, достает штифт конторского клея и аккуратно запечатывает. Всё. Одного хватит.

Любовное письмо Ивану Рёсселю. Ян много раз читал, что известные убийцы, оказавшиеся в тюрьме, очень часто получают восхищенные письма от никогда с ними не встречавшихся поклонниц. От женщин, которые якобы хотят помочь им в исправлении.

Все хотят помочь Рёсселю.

Он вспоминает Рами, письмо, которое он начал ей писать. Но его любовь совершенно иная. Совершенно иная. Ничего общего.

Белка очень хочет перелезть через ограду, вот что написала ему она. Белка очень хочет выскочить из колеса.

Прошло уже две недели, а он так и не ответил. И к тому же обещал себе прекратить контрабанду писем.

Ян достает бумагу. Допустим, Рами и в самом деле сидит в этой больнице-тюрьме под именем Бланкер. Допустим, он решил написать ей письмо — и что он должен писать? Ему совершенно не хотелось, чтобы письмо его было похоже на письмо этой неведомой Карин из Хедемурь, помешавшейся на любви к преступнику.

Надо рассказать ей, кто он.

Привет, меня зовут Ян. Мы встречались с тобой много лет назад в заведении под названием «Юпсик», я помню, тебя тогда звали Алис, но имя это тебе надоело. Ты

играла на гитаре, я на ударных, и мы много говорили. Я очень любил с тобой говорить.

А теперь ты в Санта-Патриции. Я не знаю, почему и за что, мне это неважно. Важно то, что я хочу тебе помочь. Я кое-что сделал для тебя. Я завершил иллюстрации к книгам, которые ты передала детям в подготовительной школе, но хотелось бы сделать больше. Намного больше.

Я мечтаю найти дорогу в жизни. Для нас обоих. И главное — помочь тебе...

Он отложил ручку и проглядел написанное. *Помочь тебе... помочь тебе что? Бежать? Ведь именно это ты собирался написать? Но нет. Он этого не напишет. Сначала надо узнать, хочет ли она этого сама. Сама Рами, а не ее белка.*

В Юпсике они говорили о побеге чуть не каждый день. Убежать, повидаться со старшей сестрой, поехать в Стокгольм... ей было тогда всего четырнадцать, но у нее были большие планы.

А у Яна не было никаких планов. Кроме одного — быть с Рами.

Настоящая любовь никогда не умирает естественной смертью. Ее убивают те, кто диктует нам нашу жизнь. Вот так и надо было написать.

Он скомкал исписанный лист и взял новый.

Мария, меня зовут Ян Хаугер. Я работаю в Санта-Патриции, но не в самой больнице, а в подготовительной школе для детей заключенных. Для них я воспитатель, но мне кажется иногда, что я Рысь. Ты ведь тоже выбрала для себя новое имя, ты называешь себя Белкой, но когда мы знали друг друга, тебя звали Алис Рами. Ведь так?

Я почти уверен, что это так. Я почти уверен, что именно с тобой мы встретились в месте под дурацким названием «Юпсик», я почти уверен, что наши палаты были рядом. Мы играли вместе — ты на гитаре, я на ударных, делились секретами и обещали сделать друг для друга кое-что, когда мы выйдем оттуда. Это был своего рода пакт.

Мне бы очень хотелось с тобой встретиться и поговорить про этот пакт, потому что я выполнил свою часть договора, и, мне кажется, свою часть ты выполнила тоже.

ЮПСИК

— Смотри, скорей смотри!

Ян вздрогнул. Он сидел на полу. Она играла на гитаре, он слегка поддерживал ритм и чуть не заснул — и тут вдруг она резко, со звоном оборвала игру:

— Ты видел моего зверя-хранителя?

— Что?

— Посмотри! Вон там, на газоне.

Он никак не мог понять, о чем она, но когда подошел к окну, тут же увидел: по траве прыгал маленький зверек. После каждого прыжка он замирал, быстро оглядывался и делал новый прыжок.

— Белка.

— Бабушка Карин говорит, белки приносят счастье. Но этого-то бельчонка я сама выдумала. Могу, например, послать его на свободу. Смотри...

И в самом деле: белка тут же прыгнула в сторону ограды, в мгновение ока перелезла колючую проволоку, помедлила немного — и одним мощным прыжком, больше похожим на полет, перескочила на ветку дерева. Суетливо огляделась и исчезла в кроне.

— Вот так, на свободу... — Рами серьезно посмотрела на Яна. — Это никакая не белка. Это мои мысли, и теперь они на свободе.

Ян на секунду решил, что она шутит. Но Рами даже не улыбнулась.

Они стояли у окна, и Ян вдруг осознал, что она очень близко. Он почти налег на нее, чувствовал ее запах... травы, смолы и еще чего-то. Ему стало неловко. Надо что-то сказать.

— Значит, тебя... зовут Рами? И все?

— Раньше меня звали Алис, но Рами вполне достаточно.

Она отошла от окна, взяла пару аккордов на гитаре и посмотрела на Яна.

— Знаешь, что мы сделаем? — спросила девочка.

— Что?

— Дадим концерт. Еще немного порепетируем, а потом поиграем для привидений.

— Каких привидений?

— Для всех, кого здесь держат в плену.

Ян кивнул и подумал, что он-то себя пленником не ощущает. Наоборот, эта ограда — защита от остального мира.

Внезапно дверь открылась, и показалась черноволосая женская голова в больших блестящих очках.

— Алис?

Рами замерла и напряглась как струна. И правда — длинная, тонкая... как струна.

— Что? — спросила она еле слышно.

— Ты не забыла, что у нас сегодня сеанс терапии? В три часа.

Рами промолчала.

— Просто поговорим. Уверяю, ты почувствуешь себя лучше.

Дверь закрылась.

— Болтуня, — сквозь зубы сказала Рами. — Психобалаболка. Я ее ненавижу.

На пятое утро в Юпсике Ян сидел в своей комнате и продолжал серию о Затаившемся и Банде четырех. На постели комком лежала простыня. Сейчас она высохла, но когда Ян проснулся, простыня была мокрой.

На столе рядом дневник — тот самый, что нашла для него Рами. Он приклеил скотчем на обложке сделанный Рами полярный портрет и начал записывать. Все, что случилось за последнюю неделю, все, что говорила ему Рами, все, что пришло в голову ему самому. И вдруг оказалось, что исписано уже много страниц. Странно.

В дверь его палаты постучали. Он поступил так, как поступала в таких случаях Рами, — промолчал. Но дверь все равно открылась, и в щели появилась бородатая физиономия. Психолог по имени Тони.

— Привет, Ян. Нам с тобой надо поговорить.

— О чем? — Ян невольно напрягся.

— Об одном парне... зовут его, если не ошибаюсь, Ян Хаугер. — Тони улыбнулся в бороду. — Пошли в мой кабинет.

Ян остался сидеть за столом с карандашом в руке. Он помнил телефонные угрозы. Ничего он им не расскажет.

Но психолог спокойно ждал, и Ян в конце концов сдался.

Они прошли через столовую, откуда вела на второй этаж лестница. Через весь второй этаж тянулся коридор с бесчисленными дверями служебных кабинетов по обе сторо-

ны. За одной из этих дверей и помещался кабинет психолога.

— Садись.

И, не дожидаясь, пока Ян опустится в кресло, уселся за письменный стол и начал перелистывать бумаги в какой-то папке. Ян посмотрел в окно. Небо было ясным и голубым, солнце то и дело вспыхивало в лужах талой воды на большой парковке.

Психолог вдруг поднял на него глаза:

— А где ты взял снотворное?

Ян не ожидал такого вопроса и ответил автоматически:

— У мамы.

— А бритвенные лезвия? У отца?

Ян молча кивнул.

— Как ты думаешь... это надо толковать в какой-то степени символически?

— В каком смысле «толковать»?

Он и в самом деле не понял, что хотел спросить психолог.

— Ну... сам подумай, — Тони подался вперед, — то, что ты проглотил снотворное не чье-то, а именно своей матери, что ты раздобыл лезвия не где-то, а именно у отца... может быть, это был своего рода протест? Протест против родителей?

Ян никогда не думал о случившемся под таким углом. И сейчас не задумался — покачал головой и тихо ответил:

— Я просто знал, где они лежат.

— О'кей... Но если мы подведем итог того, что произошло, получим вот что: ты проглотил пятнадцать таблеток,

разрезал вены на запястьях и прыгнул в озеро рядом с домом.

Ян промолчал. Да, так все и было. Но сейчас все, о чем говорил психолог, воспринималось как сквозь вату, нечетко, как сон. Как комикс. *Затаившийся и пруд.*

— Это не озеро, — сказал он. — Пруд.

— Ну хорошо, не озеро, а пруд. Но ведь и в пруду можно неплохо утонуть, а?

— Можно.

Ему не хотелось вспоминать, как это было там, под водой, когда он понял, что ему не хватает воздуха, а сил выплыть уже нет. Ян уставился на ковер под столом. Ярко-зеленый.

— И тебя вытащили из пруда добрые люди, которые случайно проходили мимо. Потом отвезли в госпиталь, оказали помощь и перевели к нам. В детскую и юношескую психиатрическую клинику, где ты сейчас и находишься.

— Я знаю.

Молчание.

— Когда ты прыгнул в пруд, ты хотел умереть... а сейчас? Ты все еще хочешь умереть?

Ян опять посмотрел в окно. За парковкой высилось огромное, наверное десятиэтажное, здание городской больницы с бесчисленными стеклами в стальных переплетах. Солнце плавилось в этих стеклах. Когда он прыгнул в ледяную воду пруда, была зима, а сейчас все сияет совершенно по-весеннему.

Здесь спокойный мир. Можно, конечно, сказать, что он за решеткой, зато в безопасности.

— Нет, — сказал он уверенно.

Здесь, в Юпсике, умирать ему не хотелось.

— Очень хорошо. Просто замечательно. — Тони сделал пару пометок в своем блокноте. — Но всего три дня назад все было по-другому. Как ты себя чувствовал тогда?

— Очень плохо.

— А почему плохо?

Ян вздохнул. Вот об этом-то ему как раз и не хотелось рассказывать. Конечно, он мог бы говорить о Банде четырех сколько угодно, часами, но ничто от этих разговоров к лучшему не менялось.

— Нет приятелей, — только и сказал он.

— Нет приятелей... нет друзей, — уточнил Тони. — Почему?

— Не знаю... они считают, что я придурок.

— Почему?

— Потому что я рисую комиксы.

— Ты рисуешь? Очень хорошо... а чем ты еще занимаешься в свободное время?

— Читаю... немного играю на ударных.

— В группе?

— Нет... в школьном духовом оркестре.

— А в оркестре у тебя нет друзей?

Ян покачал головой.

— Значит, ты чувствуешь себя одиноким? Самым одиноким человеком в мире? Так, Ян?

Ян кивнул.

— И кто тому виной? Думаешь, это твоя вина?

— Наверное. — Ян пожал плечами.

— Почему? В чем ты виноват?

— У всех остальных есть приятели.

— У всех?

— У всех. Они могут дружить, а я почему-то не могу. Хотя должен бы.

— И у тебя *никогда* не было друзей?

Ян отвернулся и посмотрел в окно:

— Почему никогда? Раньше был один, в классе. Но они переехали.

— Как его звали?

— Ганс.

— И как долго вы дружили?

— Долго. Думаю, с детского садика.

— Значит, ты можешь дружить, Ян? В тебе нет ничего такого, что помешало бы тебе дружить с людьми твоего возраста.

Ян опустил глаза.

Я писаюсь по ночам, и это все портит, хотел он сказать, но промолчал.

— С тобой все в порядке, — повторил Тони и откинулся на стуле. — А потом поговорим, что мы можем сделать, чтобы ты чувствовал себя лучше. Договорились?

— Договорились.

И Ян пошел по коридору к лестнице, читая по дороге таблички на дверях.

Гуннар Толль, дипл. психолог; Людмила Нильссон, дипл. врач; Эмма Халеви, дипл. психолог; Петер Бринк, куратор. Ни одно из этих имен ровным счетом ничего ему не говорило.

«РЫСЬ»

Ян проснулся и поначалу никак не мог сообразить, где он. Улегся где-то — одетый, даже в куртке, — на холодном каменном полу. Улегся и заснул. Точно не дома. А где?

Над головой — низкий потолок из армированного бетона.

Бетон... Ян сразу вспомнил. Он в лесном бункере. Забрался сюда, хотел немного отдохнуть после сумасшедшего дня — и вырубился.

Глупо. И опасно. Стальная дверь приоткрыта — его сапоги чуть не торчат наружу. Он выглянул — серое небо, серый ельник. Скоро рассвет.

Он вдруг похолодел: а что, если Вильям удрал в темноте? Нет... в полуметре он слышит ровное дыхание под ворохом шерстяных одеял. Вильям все еще спит.

Воздух в бункере довольно холодный. Он замерз, в ногах никакой чувствительности, и начал поджимать пальцы, чтобы стимулировать кровообращение.

С трудом сел — тело не слушалось. Совершенно не отдохнул — наоборот, чувствовал себя грязным и уставшим.

Вчера вечером его опьяняло чувство победы — план удался, все вышло, как он хотел. А сейчас вся его коварная затея представлялась глупой, жестокой и даже преступной. Что он делает? Он в бункере с крошечным ребенком, которого намеренно запер здесь накануне.

Вильям пошевелился, и Ян замер. Просыпается? Нет. Пока нет.

Ян вытащил робота наружу и записал три новых послания — дескать, все хорошо, Вильям, все замечательно, не о чем волноваться — и поставил рычажок на *Standby*. Это значит, что громкоговоритель робота будет активироваться голосом Вильяма. Как только Вильям заговорит, робот тут же произнесет: «Все хорошо, Вильям».

Вильям тоненько покашлял — уже второй раз. Рука выпросталась из-под одеяла — он что-то искал на бетонном полу.

Ян поставил робота, быстро вылез из бункера и запер заставы.

Сорок шесть часов, подумал он и посмотрел на часы.

Без десяти семь. Осталось тридцать часов, и тогда он выпустит Вильяма. Тридцать часов — это немало.

Через четверть часа он вернулся в «Рысь». Еще никто не пришел, но у него был свой ключ.

Тишина. Тяжелая, странная тишина — он привык, что здесь звучат детские голоса.

Поставил кофеварку, опустился в кресло и закрыл глаза. Из головы не выходила картина — крошечная ручонка Вильяма ищет что-то на бетонном полу. Или кого-то. Мамину руку.

За несколько минут до половины девятого открылась наружная дверь. Конечно же Нина, заведующая, пришла первой. Под глазами синие круги от усталости.

— Сегодня дети не придут. Мы разместили их в других садиках.

— Понятно.

— Ты ничего не слышал? Ничего нового?

Он посмотрел на нее, и вдруг ему захотелось рассказать ей все. Рассказать, что с Вильямом все в порядке, что он заперт в замаскированном бункере в лесу, что мальчик, конечно, немножко испуган, но в полном порядке, потому что Ян все так замечательно спланировал.

Но главное: рассказать, почему он так поступил. Рассказать, что Вильям тут, в общем-то, ни при чем.

Все дело в Алис Рами.

— Я хочу сказать... — начал он было, но в холле послышался шум. Опять открылась входная дверь, и появился мужчина в полной полицейской форме. Тот самый, который вчера рассказывал Яну про жуткую находку в лесу — трупик сбитого машиной ребенка.

Ян словно онемел. Выпрямил спину. Надежный, ответственный воспитатель. Нелегкая роль, но он с ней справляется отлично.

У полицейского на поясе затрещал мобильник, он поднес его к уху и вышел в соседнюю комнату.

— Я хочу сказать... я хотел записаться в поисковую цепочку.

Нина молча кивнула. Может быть, она и заподозрила, что Ян хотел сказать вовсе не это, а что-то другое, более важное... если и заподозрила, то виду не подала.

Над крышей «Рыси» медленно поднималось солнце. Бело-голубой полицейский автобус въехал во двор и остановился на пешеходной дорожке. Антенны и радары придавали ему сходство с армейским центром связи. То и дело появлялись люди, пили кофе и опять шли в лес. Ян тоже шел в цепочке.

Прочесывать лес начали в четверть девятого. Полицейские, бойцы гражданской обороны, добровольцы, военные. После ланча должны были привести двух ищеек.

Перед тем как начать поиск, все прошли короткий инструктаж.

— Спокойно и методично. Ущелья, овражки, канавы, заросли ельника — все должно быть тщательно проверено.

Ян понял, что поиск пойдет широкой полосой вдоль озера. И когда они начнут искать с другой стороны, там, где бункер?

Настроение у всех было подавленное, переговаривались вполголоса.

В полдвенадцатого раздался свисток. Поиск прерван. В чем дело? Мальчик нашелся? Живой? Мертвый?

Никто не знал. Цепочка сломалась, и люди начали собираться в группы. Ян стоял один. Не решался ни к кому подойти.

Послышался женский голос:

— Хаугер! Ян Хаугер! Есть такой?

— Есть! — крикнул Ян.

К нему подошла женщина в полицейской форме:

— Вам надо идти на собрание в детском саду.

Тон приказа. Ян похолодел.

Они его нашли.

— Что за собрание?

— Не знаю. Мне приказано вас проводить.

— Не надо. Я найду.

Нина, Сигрид и еще три сотрудника уже ждали в воспитательской. И с ними двое полицейских и еще мужчина средних лет. В штатском, но никаких сомнений — он тоже из полиции.

Ян расстегнул куртку и сел рядом с Ниной.

— Мы прервали прочесывание, — сказал он.

— Я знаю, тут кое-что произошло... Они хотят поговорить с нами. С каждым в отдельности.

— Зачем?

Нина понизила голос:

— Родители получили по почте посылку — шапочку Вильяма. Они думают, что мальчик похищен.

36

Больше всего Ян любит смотреть детям в глаза. Чистые мордашки, честный взгляд. Дети ничего не скрывают — просто не знают, как это делается. Они еще не научились убедительно врать, как взрослые. По ним всегда видно, в каком они настроении.

Но и Лилиан сегодня тоже не может скрыть, что ей скверно. Ян пришел на смену и сразу увидел, что она не в себе. Рыжие волосы не расчесаны, блузка помята, тусклые, усталые глаза.

— Все хорошо, Лилиан?

— Замечательно.

— Нет, серьезно... что-то не так?

— Все так... просто очень хочется домой.

Вряд ли она пойдет отсюда домой. Скорее в бар или куда-то еще. Ему кажется, что она с каждым днем выглядит все хуже и хуже. Осень? Выпивка? Теперь он уже знает — Лилиан слишком много пьет. Но об этом говорить не принято.

Ну и ладно. У него свои проблемы.

За Лилиан закрывается дверь, и он идет к детям. Мира и Лео. Теперь в школе ночуют только двое. Они сидят в целом море строительных кубиков. Ян улыбается и садится на пол рядом с ними.

— Шикарное здание!

— Мы знаем! — весело кричит Мира.

Лео, похоже, не так доволен результатом, но даже он сегодня выглядит спокойным. Ян выбирает несколько кубиков и складывает фундамент:

— Мы будем строить больницу.

Три часа и много разных игр спустя он кормит детей, рассказывает сказку и укладывает спать. Они засыпают мгновенно. Дети спят, а он сидит в кухне и заполняет заказы на питание на послезавтра.

Время идет. В его сумке лежат тридцать семь писем, которые он скоро доставит в больницу.

И одно из них — от него. К Алис Рами. Он начинал письмо несколько раз, но в конце концов дело пошло. Пять страниц. О том, как они вместе были в Юпсике, о чем говорили, о том, что было с ним потом, как он выучился на воспитателя детского сада и оказался здесь, в «Полянке».

Он словно забыл о данном самому себе обещании не передавать больше писем в Санта-Психо.

И напоследок добавил, что никогда ее не забудет. *Я не забуду тебя никогда.* Это вовсе не признание в любви. Это правда.

Он поднимает голову и вздрагивает — на него уставилось его собственное, чуть размытое отражение в черном окне. Улыбнулся своему испугу и тут же насторожился — ему показалось, что за окном движутся какие-то тени.

Что это? Животные? Люди?

Он прилип к стеклу. Если это люди, то они очень близко к ограде. Между двумя фонарями, туда свет не достает.

Может быть, выйти посмотреть? Не стоит.

Ян возвращается к послезавтрашнему меню.

Внезапно звонят в дверь — долго и настойчиво.

Ян смотрит в сторону двери, но не поднимается с места.
Еще звонок. Еще раз и еще раз.

Он не двигается.

Звонки прекращаются, но через несколько секунд кто-то стучит кулаком в окно кухни. Ян сильно вздрагивает.

В окне чье-то бледное лицо. Какой-то худой, костлявый, наголо выбритый человек стоит и смотрит на него с яростью. Темная куртка надета поверх белого халата. Лицо Яну незнакомо.

— Ты откроешь или нет? — слышит он приглушенный стеклом рев.

Ян медлит.

— Ты там один?

— А кто ты? — вопросом на вопрос отвечает Ян.

— Ночная охрана... открывай!

Наверняка знакомый Ларса Реттига.

— Покажи удостоверение.

Охранник достает пластиковую карточку и прижимает к стеклу. И в самом деле — ночная охрана.

— Откроешь ты или нет?

Что ж, охрана есть охрана.

Ян открывает форточку, и в кухню врывается ледяной ночной воздух.

— Что случилось?

— Сорок четыре. Ты кого-нибудь видел?

Ян понятия не имеет, что значит этот код, но на всякий случай отрицательно качает головой:

— Никого.

— Если увидишь — включишь тревогу.

Охранник даже не ждет ответа, отходит от окна и исчезает в темноте.

Ян закрывает форточку, и в кухне становится очень тихо.

Нет. *Почти* тихо. Тикают часы, неумолимо приближаются к полуночи, и он должен отнести пакет в комнату свиданий. Не стоило бы сегодня туда ходить.

Заглядывает в спальню. Дети мирно спят.

Побег? Неужели и вправду кто-то бежал из клиники?

И что ему делать?

Оставаться на месте, с детьми. Но он просто обязан, пусть и в последний раз, отнести письма в Санта-Психо. По всей территории сейчас наверняка рыщут охранники, так что надо быть очень осторожным... но он все равно пойдет туда. Слишком уж важные вещи он написал в письме Рами. Она *должна* это прочитать.

Он выжидает еще двадцать минут и чувствует, что спать хочется все сильнее. В глаза будто песок насыпали. Откуда эта усталость? От Стены?

Темно и одиноко. И ничего с этим не сделаешь. Без десяти минут двенадцать он заставляет себя встать и заходит к детям. Все спокойно.

Как всегда, достает из кухонного ящика магнитную карточку.

Последняя доставка. Ангел-передатчик в спальне, Ангел-приемник на поясе. Дверь в подвал заперта — еще бы, после внушения Марии-Луизы. Он открывает дверь и набирает код.

Все тихо и темно, он быстро идет по туннелю. Сегодня он волнуется больше обычного, хотя что там говорить — наловчился.

Подняться на лифте, оставить конверт и вернуться заняло всего четыре минуты. А через пять Ян уже запер за собой подвальную дверь, как будто ничего не произошло.

И теперь — спать. Он раздвигает диван, стелет кое-как, думает о письме Рами.

И закрывает глаза.

Его будит какой-то скрежет.

Он открывает глаза — все темно. Значит, он все-таки уснул. Смотрит на часы — да, конечно. На будильнике рядом с кроватью светятся цифры: 00:56.

Но что там скрипит за окном? Не показалось ли со сна?

Ограда? Кто-то лезет по ограде?

Ян резко встает, быстро надевает свитер и брюки, приподнимает жалюзи и таращится в темноту.

Ничего не видно.

Что-то не так... а что? А вот что: за окном не должно быть так темно. Ближний прожектор не горит.

Он складывает ладони рупором и прикладывает к стеклу. Сует голову между ладонями и прилипает носом... вот теперь что-то видно. Какое-то движение.

И опять скрип. Тихий, но вполне различимый.

Он был прав. Ограда. Тень на ограде медленно ползет вверх.

Наружная дверь закрыта, он знает точно.

Только не выходить наружу. Не оставлять детей.

Что его толкает? Он надевает сапоги и куртку.

Ветер усилился, стало заметно холодней. Ян вжимает голову в плечи и бежит к тому месту, откуда слышен скрип. Он уже у забора «Полянки» и всматривается в темноту.

Скрип прекратился. Но тень человека видна, вон он, почти у самого верха ограды. Ян видит, как беглец тянется к спирали из колючей проволоки, теряет равновесие — и короткой дугой падает назад.

Глухой удар.

Яну некогда бежать за ключами к калитке, он прыгает через забор «Полянки» и бежит к ограде Патриции.

Но у самой ограды в лицо его бьет мощный луч ручного фонаря.

— Кто здесь? Имя, фамилия? — В голосе угроза.

— Ян Хаугер... Я работаю в подготовительной школе.

— О'кей, я тебя знаю. Ты замещаешь меня в «Богемос».

И Ян тоже его узнал. Широченные плечи. Карл, ударник. На поясе — баллон со слезоточивым газом и наручники. Санитар... Приятель Реттига. С его помощью Ханна проникает в больницу.

Ян хочет задать прямой вопрос, но Карл его опережает:

— Ты отнес?

— Отнес что?

— Пакет? — Он кивает в сторону больницы, туда, где помещается комната свиданий.

Он знает. Нет смысла отрицать.

— Да... я там был.

— Хорошо. Захватчу, когда все успокоится.

— А что случилось?

— Код сорок четыре.

— Это что... побег?

— Ну да! Но колючку так просто не возьмешь...

— И что вы будете делать?

— Мы о нем позаботимся.

Ян собирается идти к детям, но охранник его останавливает:

— Со всем этим надо кончать.

— С чем? С письмами?

— Со всем... все идет наперекосяк.

— Как это?

Но Карл оставляет вопрос без ответа, поворачивается и уходит. Ян видит, как он идет вдоль ограды и исчезает в темноте.

37

Ян проснулся в пять. Дети еще спят. Ему снился неприятный сон — он плывет в каком-то озере, и нога застревает в придонной глине. Изо всех сил старается освободиться, но из этого ничего не получается.

Мария-Луиза пришла в полвосьмого, и он, не дожидаясь, пока она разденется, рассказывает о ночном происшествии. То небольшое, что ему известно.

— Побег?! — В голосе неподдельный испуг.

— Во всяком случае, попытка.

События ночи словно подернулись туманом.

— Надо узнать, что случилось.

«Полянка» заполняется детьми, начинаются игры, кого-то отводят и приводят на свидания с родителями, но после ланча, когда дети улеглись для дневного сна, Мария-Луиза приглашает сотрудников для информации.

Ян садится к столу. Он готов к чему угодно.

— Поступила директива руководства больницы, — говорит Мария-Луиза. — Ночью «Полянка» работать не будет.

Все молчат. И Ян молчит.

— Значит, работаем только днем? — спрашивает Лилиан.

— Да, так решили. — У Яна такое впечатление, что Мария-Луиза довольна принятым решением. — Ночные смены с самого начала были вынужденным решением. И временным. Мы же это знали. Дети должны жить *в настоящей семье*. Социальные службы нашли подходящие приемные семьи для Миры и Лео. Так что все будет хорошо.

— Когда? — спрашивает Ян.

— Довольно скоро. Мы переходим на дневной режим работы с середины ноября. — Мария-Луиза, очевидно, улавливает в вопросе Яна оттенок беспокойства и улыбается: — Не волнуйся, Ян. Твое замещение останется в силе. Ставки у нас не отбирают. Просто придется переделать рабочую схему так, чтобы дневные смены были лучше обеспечены персоналом. То есть будем работать все вместе, никаких дежурств в одиночестве.

Ян старается выглядеть довольным, но это у него плохо получается. Успеет ли он получить ответ от Рами? Он почти уверен, что ночные дежурства отменяют из соображений безопасности. Может быть, сыграла роль ночная попытка побега, а может, открытая дверь в подвал... Кто теперь узнает? Возможно, Мария-Луиза в какой-то степени потеряла доверие к воспитателям.

Все расходятся. Ян задерживается у стола:

— А насчет ночного происшествия сказали что-нибудь?

Мария-Луиза коротко и небрежно кивает, будто этот вопрос ее не особенно волнует:

— А как же. Пациент на принудительном лечении пытался бежать. Но ограду не перелезешь. Такое случается. Его,

конечно, остановили, но принято решение повесить уровень безопасности...

— Это хорошо, — сказал Ян, хотя новость его отнюдь не обрадовала.

Звонит телефон. Ян выжидает несколько звонков, протискивается между сдвинутой мебелью и берет трубку.

Наверное, мать. Но нет. Молодой женский голос. Ян не сразу узнал Ханну Аронссон.

— Слышал насчет ночной смены?

Она что, с луны свалилась? А, да... у нее сегодня выходной.

— Конечно. А ты откуда знаешь?

— Лилиан звонила.

— Значит, вечером мы с тобой больше не поработаем.

Ян знает — она поняла, о чем он.

Ханна отвечает не сразу:

— Можешь зайти ко мне сегодня вечером? Ненадолго? Переулок Беллмана, пять.

— Конечно... а что случилось?

— Хочу вернуть твои книги. И немного поговорить.

Ян кладет трубку. Может быть, у него появился новый друг? Как Рами пятнадцать лет назад?

Ханна живет в новом кирпичном доме рядом с площадью. Дверь открывается мгновенно, точно она ждала звонка.

Бело-розовые обои, нигде ни пылинки.

— Привет. Заходи, — говорит она без улыбки и уходит в кухню.

Ян, немного растерявшись, остается в гостиной.

Рассматривает книжную полку. Своеобразная библиотека — почти сплошь книги о преступлениях и преступниках. «Самые чудовищные убийства в истории», «Монстры среди нас», «Чарльз Мэнсон с его собственных слов», «Признания Теда Банди», «Серийные убийцы — психология насилия».

Целая полка книг об убийствах и убийцах. И ни одной, скажем, про святую Патрицию или других святых... но такие книги, кажется, уже никто не пишет.

— Ты идешь? — Голос Ханны из кухни.

— Да, да...

Она стоит и заваривает чай. Кухня маленькая, но такая же идеально чистая, у плиты стопка белых маленьких полотенец. На столе — четыре книги, их Ян узнал сразу: «Сто рук принцессы», «Зверомастер», «Ведьмина болезнь» и «Ви-века в каменном доме».

— Спасибо, что дал почитать.

— А ты прочитала?

— Конечно... довольно жестокие истории. Например, когда принцесса получает руки бродяги, чтобы задушить этих грабителей... Это ведь не станешь читать детям? Или как?

Пожалуй, она права...

— Не хуже, чем твои книжки, — улыбается он.

— Какие — мои?

— Вон те, на полке. Про убийства.

Она отводит взгляд:

— Я еще не все прочитала... но с тех пор, как я познакомилась с Иваном, мне хочется узнать больше. А книг таких — не перечить.

— Людей привлекает зло... — Он помолчал. — А ты знаешь, что не ты одна пишешь Рёсселю?

— Нет. — Она насторожилась и посмотрела на Яна с новым интересом. — А откуда ты знаешь?

— Сам видел.

— От женщин?

— В основном — да.

— Любовные письма?

— Может быть... скорее всего. Я не читал.

Еще не хватало признаться, что он вскрывает письма.

На столе, кроме тоненьких рукописных книг Марии Бланкер, лежит и толстая стопка распечатанных на принтере листов.

— Я хотела тебе показать вот это... — Она пробегает пальцами по бумаге. — Иван передал свою рукопись.

— Когда он приходил в «Полянку»?

— Он не приходил, — энергично трясет головой Ханна. — Это был не он. Вообще не из больницы.

— А кто?

— Этого я не могу сказать.

И не скажет, думает Ян и смотрит на титульный лист «МОЯ ПРАВДА». Имени автора нет, но он уже знает, кто написал эту книгу.

— Мемуары Рёсселя, — задумчиво говорит он.

— Это не мемуары, — быстро возражает Ханна, сверкнув на Яна глазами, — я как раз сейчас читаю... это скорее гипотеза. Версия.

— Версия? Как произошло то или другое убийство?

Она молча кивает, разливает заварившийся чай, и они присаживаются к столу. Ханна все время косится на рукопись.

— Ты в него влюблена?

Она поднимает голову и отрицательно качает головой.

— А в чем тогда дело?

Она не отвечает. Наклоняется к нему и смотрит, не отрываясь, ясными голубыми глазами. Долго. Оценивает, что ли?

Хочет целоваться, решает Ян.

Как раз такой случай, когда люди переходят к поцелуям. Но в эту секунду Ян вспоминает губы Рами в Юпсике, и обаяние момента пропадает.

Не об этом надо думать. О подготовилке. О детях.

— Меня беспокоит Лео, — говорит он.

— Какой Лео?

— Лео Лундберг. В «Полянке».

— А...

— Я пытался с ним разговаривать. Пытался как-то сблизиться. Но это очень трудно. Ему плохо, и я не знаю, как ему помочь.

— Помочь в чем?

— Забыть все, что он видел.

— А что он видел?

Ян замолкает. Ему почему-то очень тяжело об этом говорить. Но, в конце концов, он сам начал этот разговор.

— Думаю, его отец убил мать на глазах у Лео.

Ханна с изумлением уставилась на него:

— А ты говорил с Марией-Луизой?

— Немного... но она не заинтересовалась.

— Потому что ничего не может с этим сделать. И ты не можешь. Чужие раны не залечишь.

Ян вздыхает:

— Залечишь, не залечишь... Я просто хочу, чтобы он был, как другие дети. Чтобы ему было хорошо, чтобы он знал, что в мире полным-полно любви...

Он осекается. Что за смехотворная выпренность... *полным-полно любви*. Как же, мир прямо лопается от любви.

— Может быть, ты в какой-то степени хочешь замолить грех... я имею в виду того мальчика?

— Какого «того мальчика»?

— Которого ты потерял в лесу?

Ян опускает глаза. Почему-то он чувствует необходимость во всем ей признаться.

— Дело было не совсем так, — тихо, почти неслышно произносит он. — Я его не терял.

— Ты же сказал...

— Нет. Не терял. Я *оставил* его в лесу.

Она смотрит, ни слова не говоря, и Ян быстро продолжает:

— Ненадолго... и в полной безопасности.

— Зачем?

— Своего рода месть... — вздыхает Ян. — Мечь его родителям. Матери. Я хотел заставить ее сходить с ума. Думал, знаю, что делаю, но...

Он замолкает.

— И что, — тихо спрашивает Ханна, — стало лучше?

— Не знаю... нет, не думаю. Стараюсь не вспоминать эту историю.

— А сейчас ты бы тоже так поступил?

Ян смотрит на нее и отрицательно качает головой:

— Я не могу навредить ребенку.

— Я тебе верю.

Эти голубые глаза... Он не понимает Ханну. Совсем не понимает. Надо было бы остаться, поговорить... узнать, что она думает о нем. О нем и о Рёсселе.

Он встает:

— Спасибо за чай, Ханна. Увидимся на работе.

И выходит в ночной холод. В рюкзаке у него книги Рами. Идет прямо домой, никуда не сворачивая.

ЮПСИК

Концерт, закончившийся поцелуем и дракой, должен был состояться в общем зале Юпсика, там, где стоял телевизор.

Велели собраться в семь часов, но к назначенному сроку появились всего три человека. Та самая черноволосая женщина, которая напоминала Рами о времени психотерапевтического сеанса. *Психобалаболка*, как ее назвала Рами. И санитар Йорген с маленькой застенчивой голубоглазой практиканткой. Ян никогда не видел, как она с кем-то разговаривает. Почти такая же стеснительная, как и сам Ян.

Он поставил ударные позади микрофона Рами, чтобы она как можно больше его заслоняла. Пусть будет слышно, но не видно. И он уже раскаивался, что согласился на все это.

В пять минут восьмого начали собираться слушатели. Привидения, как их назвала Рами. Привидения шаркали ногами и тихо рассаживались на полу, скрестив под собой ноги.

Ян не знал их по именам, но уже узнавал почти всех обитателей Юпсика в лицо. Пятнадцать или шестнадцать подростков, в основном девочки, но и несколько мальчишек. Немытые волосы... правда, некоторые тщательно причесаны. Кто-то сидит спокойно, другие все время вертятся и оглядываются. Кто они? Юные наркоманы? Те, кто бес-

пощадно травил кого-то... или наоборот, жертвы школьной травли?

Ян даже догадываться не хотел. Он не был знаком ни с кем, кроме Рами. А когда услышал, как тощий подросток, глядя на нее, спросил у соседа: «А это еще кто?», понял, что Рами тоже не спешила заводить себе приятелей в Юпсике.

А она молча стояла перед микрофоном, бледная-бледная, и изо всех сил сжимала гитару.

Йорген встал рядом, руки в карманах джинсов. Оглядел собравшихся подростков:

— О'кей, послушаем музыку... Наши друзья Алис и Ян сыграют нам немного...

Кто-то неуверенно хихикнул.

— А телик? — разочарованно спросил высокий паренек в джинсовой куртке. Ян видел его и раньше, кто-то даже называл его имя, но он не запомнил. — Сегодня же хоккей... мы что, не будем сегодня телик смотреть?

— После музыки — сколько влезет, — решительно заявил Йорген. — А теперь — тишина.

Но тишины добиться так и не удалось. Привидения хихикали, шептались и толкались.

Рами, как и Ян, боялась сцены. Может быть, не так сильно, но тоже боялась. Ян сразу понял. Он видел, как она бледна, как то и дело закрывает глаза, точно пытается вообразить, что в комнате, кроме нее, никого нет. Но, очевидно, была у нее какая-то тайная связь с публикой: как только она открыла рот, мгновенно наступила тишина.

— О'кей, — сказала она делано небрежно, — это американская песня, я перевела слова...

И начала с «Дома восходящего солнца». Ян хорошо знал эту песню, и аккомпанировать было легко. Потом последовали переводы песен Нейла Янга «Беспомощный» и *Ceremonу* группы «Джой Дивижн». Название она перевела так: «Ритуалы». Все эти песни они репетировали.

Рами заметно успокоилась, щеки порозовели. Закончив «Ритуалы», она вдруг повернулась, подошла к Яну и поцеловала его в губы.

У него чуть палочки не выпали из рук. Поцелуй длился три секунды, не больше, но ему показалось, что Вселенная прекратила вращаться и остановилась.

Она отняла губы, ласково улыбнулась и вернулась к микрофону:

— Последняя песня называется «Ян и я». — И начала отбивать ногой четырехдольный ритм.

— Раз, два, три...

Он никогда не слышал этого названия, к тому же совершенно растерялся после поцелуя, но все же начал понемногу подстукивать, чтобы не дать ей выбиться из ритма. Рами взяла минорный аккорд:

*Я лежу в своей постели,
Рядом Ян лежит,
Мы знаем, где мы,
Знаем, куда мчимся:
Лежа в моей постели,
Мчимся прямо в космос,
В холод небывалый...
Но так прекрасен мрак,
Что можно все забыть.*

И, закрыв глаза, продолжила рефреном:

*Ян и я, я и Ян,
День и ночь, ночь и день.*

Яна это совершенно ошарашило, и он чуть не сбился с ритма. Выходило так, будто у него с ней что-то было, но ведь ничего же не было! Он знал ее запах, но она до этого поцелуя даже не дотрагивалась до него!

Закончив, она тут же, без паузы, перешла в другую тональность, наклонилась к микрофону и, посмотрев в первый раз прямо на слушателей, улыбнулась:

— А это посвящается моему психологу.

Ударила по струнам и властно кивнула Яну. Ян взялся за палочки.

Рами помолчала немного, прислушиваясь к ритму, а потом начала, с жесткими синкопами:

*Изо рта твоего
Рождается плетка,
Из позвоночника — бритва,
В колодце мозгов твоих
Зреют пиявки,
И ты бросаешь меня
В этот колодец,
Когда что-то не по тебе.*

Набрала воздух и с ударениями чуть не на каждом слоге начала рефрен:

*Психо, психо, психобалаболка,
Балаболить перестань,
Дай мне жить, дай мне жить, дай мне жить!*

Она повторила припев не меньше десяти, а может, и пятнадцати раз. Выпрямила спину, и даже скорее не пела, а выплевывала слова:

Балаболить перестань!

Она не брала аккорды, только встряхивала гитару, но Ян продолжал давать ей устойчивый, точный ритм.

Он украдкой поглядывал на публику. Все сидели будто околдованные ее шаманскими заклинаниями.

Но не все. Черноволосая женщина, *Психобалаболка*, сидевшая у двери, встала и с грозным видом двинулась к Рами, соразмеряя, как ни странно, шаги с ритмом заклинаний:

Балаболить перестань!

Она подошла совсем близко. Рами побледнела, закрыла глаза и со сжатыми челюстями продолжала шипеть:

Перестань... перестань...

Та схватила ее за плечо. Рами открыла глаза, но, словно не видя психолога, твердила:

Перестань... перестань... перестань...

Черноволосая женщина схватила штатив микрофона и рванула к себе.

Но тише не стало. Из груди Рами вырвался звериный рев. Привидения на полу будто вышли из транса, вздрогнули и отшатнулись.

— Умри! Умри! — И Рами, как дикая кошка, бросилась на психолога.

Они катались по полу, как приклеенные друг к другу, как два борца в последней, смертельной схватке. Ян слышал крик Рами, видел, как она рвет ногтями — но не Психобалаболку, а себя. По рукам ручьями текла кровь, она запачкала пол, одежду, лицо...

— Успокойся, Алис!

Йорген и еще один санитар оттащили Рами от психолога, но Рами продолжала кричать.

— Кончай греметь! — заревел Йорген.

Оказывается, все это время Ян, как загипнотизированный, продолжал выбивать бойкий четырехдольный ритм с синкопами на хай-хэте.

Он очнулся и опустил палочки, но Рами все равно кричала. Казалось, этому не будет конца. Санитары, заломив руки за спину, выволокли ее из комнаты. Крик постепенно затих где-то в коридоре, и наступила гробовая тишина,

— Теперь ты видишь? — Психобалаболка, стараясь успокоить дыхание, обратилась к коллеге. — Помнишь мой диагноз?

Так и закончился этот концерт. Ян долго еще сидел, не выпуская палочки из дрожащих рук. Потом взялся за большой барабан.

Паренек в джинсовой куртке с неуверенной улыбкой включил телевизор.

Ян отнес установку на склад. Хотел пойти в свою палату и взяться за рисунки, но его внимание привлекла закрытая дверь палаты Рами.

Он постучал.

Никто не отозвался.

Постучал еще раз.

- Ее там нет! — Высокий голос за спиной.
Он обернулся. Одно из привидений. Девочка.
— Что?
— Они забрали ее в *Дыру*.
— Дыру? А это еще что?
— Ну... там запирают, если кто буйный.
— А где это?
— В подвале. Там дверь, а на ней штук сто замков.

Дыра?

Ян прокрался в подвальное помещение. Длинные, пустые коридоры, но он все же нашел нужную дверь и постучал. И опять никто не ответил. Стальная дверь, по-видимому, поглощала все звуки. Но внизу он разглядел небольшую щель.

Он вернулся в палату, захватил бумагу и ручки. А что ей написать? Как подбодрить?

ХОРОШО СЫГРАЛИ! ЯН. Он написал записку и подсунул под дверь. Туда же ему удалось протиснуть и ручку.

Подождав несколько минут, он хотел уже уйти, как вдруг из-под двери выполз край листка.

Одно предложение:

Я — БЕЛКА. ТОЛЬКО У МЕНЯ НЕТ ДЕРЕВА
И НЕТ ВОЗДУХА.

Он сел прямо под дверь и стал рисовать. Девушка с гитарой стоит на огромной сцене, а в зале полно людей, все с поднятыми руками. Постарался придать портретное сходство, огляделся, не подсматривает ли кто, сунул листок под дверь и ушел.

На следующее утро он услышал в коридоре какие-то звуки. Тяжелые шаги, громкие разговоры, потом хлопнула дверь в палате Рами.

Он дождался, пока все стихнет, вышел и осторожно постучал.

— Кто там?

— Ян.

Несколько секунд молчания.

— Заходи.

Он осторожно, очень осторожно, будто боялся сломать, приоткрыл дверь. У Рами было темно, но он уже к этому привык.

— Спасибо за рисунок.

— Пожалуйста.

Рами лежала на постели. Уставилась в потолок, а рядом с ней угадывалась свернувшаяся калачиком, как преданная собака, гитара.

В темноте Ян не видел, связана она или нет. Ему совершенно не было страшно, но он остался стоять у двери.

— Хорошо вчера получилось, — сказал он, потом подумал, что не так уж все было хорошо, и добавил: — Довольно хорошо.

Рами покачала головой:

— Мне нужно выбраться из Юпсика, они меня сломают... Ты же тоже хочешь выписаться?

Она подняла голову и посмотрела на него, блеснув в полутьме глазами.

Он кивнул, хотя это было неправдой. Он хотел бы остаться в Юпсике до конца учебного года. Есть, спать, играть в пинг-понг с Йоргеном и на ударных с Рами.

Она опять уставилась в потолок:

— Но сначала я ей отомщу.

— Кому?

— Психобалаболке. Той, которая меня сюда уpekла.

— Я знаю...

— Но это не самое худшее... — Рами кивнула в сторону стола. — Пока меня не было, она украла мои дневники.

Может быть, и так. Толстая тетрадь, всегда лежавшая у Рами на столе, исчезла.

— Она об этом пожалеет. И она, и ее семья.

38

Разговаривал ли он вообще когда-нибудь с соседями? За все годы, что жил в съемных квартирах?

Ян такого случая не припомнил. Если и встречал кого-то в подъезде или на лестнице, дальше «здравствуйте» дело не шло. Никогда не останавливался «поболтать». Лестничная площадка — не клуб интересных встреч. А многоквартирный дом — кое-как приспособленное для жилья пустое место. О том, что оно не совсем пустое, свидетельствует разве что гулкое эхо открывающихся и закрывающихся дверей.

Но здесь, в Валле, он заговорил с одним из соседей. И охотно поговорил бы еще раз.

Вернулся домой от Ханны, положил книжки Рами на стол и мгновенно уснул.

Но сон не принес ему отдыха — проснулся с головной болью и тяжестью во всем теле, будто и не спал.

Неважно. Есть дела, которые он должен сделать, не откладывая.

Кое-как позавтракав, он взял пустую кофейную чашечку и спустился на два этажа.

В. ЛЕГЕН. Нажал кнопку звонка. Дверь долго, наверное с минуту, не открывалась. Нет дома. Но тут щелкнул замок, и Яна обдает запах трубочного табака и перегара. Седоволосый сосед смотрит на него пустым, ничего не выражающим взглядом.

— Доброе утро. — Ян широко улыбается. — Опять забыл купить сахар.

— Песок? — мрачно осведомляется сосед. Он узнал Яна, но не дал себе труда поздороваться.

— Любой, какой есть.

Леген молча берет у него чашку и исчезает, не приглашая зайти. Но Ян все равно заходит в темную прихожую.

Холщового мешка из Святой-Патриции, что в тот раз валялся на полу, не видно, так что Ян собирает с духом и идет в кухню.

Сваленные в мойке грязные тарелки, на полу стоят группками бутылки и жбаны, серая пленка пыли и кухонного чада на окнах.

— Я, кстати, работаю в Святой-Патриции, — говорит он в спину старику.

Тот не реагирует. Нашел наконец банку с сахаром и собирается отсыпать в чашечку.

— Вы ведь тоже там работаете?

Леген молчит, но Ян заметил короткий кивок. Или показалось? На всякий случай он продолжает:

— В прачечной, да?

На этот раз кивок более определенный.

— И давно?

— Двадцать восемь лет. И семь месяцев.

— Вот это да... Но теперь-то вы на пенсии?

— А то. Теперь делаю вино.

Вот зачем бутылки, жбаны и канистрочки... Запах, ударивший ему в нос на пороге, шел не от Легена, а от этих плохо отмытых емкостей.

— И... — Он думает, как бы понейтральнее сформулировать вопрос. — Вот это да! Двадцать восемь лет! Вы, наверное, помните каждый закоулок в клинике.

— Кое-что помню.

— Эта клиника, как старинный замок... Тайные подземные ходы и все такое, да? — Ян улыбается. То ли вопрос, то ли шутка. Понимай как хочешь.

Леген отставляет банку с сахаром и внимательно смотрит на Яна.

— Хотелось бы послушать рассказы про Санта-Патрицию... — осторожно делает Ян следующий шаг.

— Это еще зачем?

— Я же работаю там... любопытно. Никогда, например, не бывал в отделениях. Палаты и все такое.

— Не бывал? А где же ты работаешь?

Ничего подходящего не приходит в голову, поэтому Ян говорит правду:

— В подготовительной школе.

— Какой школе? Нет у них никакой школы.

— Теперь есть. Для детей больных... ну, тех, кто лежит в больнице.

— Вон оно что... — Леген явно удивлен. Это для него новость. — Ну ладно. Сотня.

— Какая сотня? Детей гораздо меньше.

— Сто спенн. И я тебе все расскажу. Еще и вина получишь в придачу.

Ян согласен.

— Рассказывайте, — говорит он. — Деньги я принесу потом. Старик тяжело опускается на стул и некоторое время молчит.

— Никаких тайных ходов там нет. Я, во всяком случае, не видел... а вот что есть, то есть...

Он ворошит газеты и квитанции на столе, извлекает карандаш и какой-то рекламный листок с чистой обратной стороной и начинает рисовать квадраты и прямоугольники.

— Это что?

— Прачечная. — Леген рисует стрелку. — Идешь в сушилку... ну, сушильную комнату. Там здоровенная дверь... идешь и идешь... но туда тебе не надо. Есть еще одна дверь, направо. На склад... — Он обводит один из прямоугольников с таким нажимом, что карандаш ломается. — И вот тут-то и можно подняться наверх.

— Лестница?

— Не-е. Не лестница. Старый лифт. Идет прямо в отделения. Но про него мало кто помнит.

Ян рассматривает небрежный рисунок со следами жира от рук Легена.

— В прачечной люди... и охранники.

— Только не по воскресеньям. По праздникам в прачечной никого нет. Тихо и пусто. Можно кататься вверх и вниз сколько душе угодно.

И Леген в первый раз за все время разговора смотрит Яну в глаза. Внезапно Ян понимает, что это именно он, Леген, катался на этом лифте «сколько душе угодно». И еще он понимает, что между ним и этим неопытным стариком возникло своего рода взаимопонимание. *Двадцать восемь лет*

в Санта-Психо. За такой срок можно выучить все двери, все коридоры и тупики... каждый квадратный сантиметр.

И наверняка он встречался со многими пациентами. Видел, говорил, думал об их судьбах.

— А вы пользовались лифтом?

— Иногда.

— По воскресеньям?

— Иногда.

— Встречались с кем-то?

Леген кивает. По лицу его видно: он очень хорошо помнит эти встречи.

— Женщина?

Леген опять кивает, на этот раз медленно и печально.

— Очень красивая. Красавица, можно сказать... Но в душе у нее был ад.

Больше вопросов Ян не задает.

«РЫСЬ»

Женщина-инспектор как уставилась на Яна своими ярко-зелеными глазами, так и не отводила взгляд за все время разговора. Она сидела за столом Нины Гундоттер, и вид у нее был такой, будто это не Нина, а она заведует садиком.

— Вы кого-то видели в лесу?

— Вы имеете в виду — кого-то из взрослых?

— Детей, взрослых... кого угодно. Помимо вашей группы — вас, вашей напарницы и детей.

Ян, честно глядя ей в глаза, сделал вид, что пытается припомнить. Конечно, можно было бы придумать... какая-то тень, мелькнувшая в ельнике, кто-то проводил детей жадным взглядом... но ведь речь идет о похищении, и он не хотел,

чтобы его имя связывали с каким-то выдуманном им же самим похитителем.

— Я никого не видел... но слышал что-то. Какие-то звуки.

— Звуки?

Зачем он это ляпнул? Никаких звуков он, конечно, не слышал, но теперь ничего не остается, как продолжать.

— Да... хруст веток, будто кто-то зашевелился в ельнике. Я решил, что это зверь.

— Какой зверь?

— Не знаю... я его не видел. Косуля. Или лось.

— Одним словом, какой-то крупный зверь?

— Именно так, крупный зверь. Но не хищник.

Ее зеленые глаза округлились.

— Хищник? В каком смысле — хищник?

— Есть же у нас хищники в лесах. Их так не увидишь, они сторонятся людей, но есть же и рыси, и медведи, и волки... нет, волки вряд ли, у нас на юге волки вряд ли...

Ян почувствовал, что его понесло, что он болтает только ради того, чтобы скрыть страх. Закрыв рот и виновато улыбнулся.

Вопросов больше не было.

— Спасибо. — Зеленоглазая инспекторша пометила что-то в блокноте.

Ян поднялся:

— А лес прочесывать продолжим?

— Пока нет. Вертолетное наблюдение и точечные операции.

— Мне бы хотелось чем-то помочь, — сказал Ян, пытаясь понять, что означают на полицейском языке «точечные операции».

Он вышел из комнаты и посмотрел на часы. Двадцать минут третьего. Скоро сутки с того момента, как Вильям залез в бункер и Ян запер его там.

Будто год прошел.

Нина и все остальные, и из «Рыси» и из «Бурого медведя», собрались в воспитательской. Почти не разговаривали, но лица напряженные. Ждали. Похоже на поминальный кофе. Сигрид на месте не было — после допроса она сказалась большой и ушла домой.

Допрос... а ведь это был настоящий допрос. Он чувствовал себя совершенно измученным. Полиция видела посылку с шапочкой, ищут похитителя... но на него-то подозрение не падает? Или?

Он тоже налил чашку кофе, сел и постарался расслабиться. Солнце зашло за тучи. Смеркаться еще не начало, но дело шло к сумеркам.

Второй вечер Вильям проводит в лесу. Второй вечер, потом будет вторая ночь.

— Как ты, Ян? — тихо спросила одна из воспитательниц.

Он вздохнул:

— Ничего.

— Твоей вины нет.

— Спасибо.

Твоей вины нет. Странно, но Яну иногда и в самом деле казалось, что он ни в чем не виноват. Просто так вышло — маленький Вильям взял и исчез. Но он тут же вспоминал, как обстоит дело, и ему становилось очень и очень не по себе.

Только что он обратил внимание, насколько невыносима тишина в детском саду без детей. Ничего не происходило.

Время от времени входили и выходили полицейские в своей черной форме. Вид у них был мрачный, и Ян понимал, что Вильяма пока не нашли.

Он допил кофе, вымыл за собой кружку и посмотрел в окно.

Кончай, вдруг услышал он голос в голове. Именно это слово — «кончай». *Кончай этот идиотский ритуал. Выпусти его.*

Он встал.

— Мне надо идти.

— Домой? — спросила Нина

— Не знаю... пойду в лес.

Он беспомощно посмотрел на Нину, но та отвернулась и грустно посмотрела в окно:

— Полиция считает, что в лесу его нет.

— Я понимаю. Но все равно пройду по лесу немного, а потом пойду домой. Что-то же надо делать.

Ему сочувственно улыбались коллеги, но он на улыбки не отвечал.

39

Вдруг Яну пришло в голову, что снаружи «Полянка» выглядит довольно убого. Обычный деревянный барак, задуманный и построенный как временка, под очередное нововведение, которое, скорее всего, долго не продержится. Свидания с родителями прекратят, а с ними и само здание исчезнет без следа. Зима на подходе... одного хорошего шторма достаточно, чтобы снести крышу в «подготовительной школе», повалить стены и вымести начисто комнаты.

А вот Санта-Психо — другое дело. Серая каменная громада стояла уже сто лет, и никаких сомнений, что простоит еще сто, а то и больше.

Сегодня суббота, у Яна ночное дежурство. Он уже настраивается на веселые детские голоса, но его встречает полная тишина. Нет, не полная. В кухне звякает посуда, и, не успев он раздеться, как оттуда выглянула Ханна. В руке у нее нож. Обычный столовый нож. Наверное, разгружает посудомоечную машину.

— Привет.

— Привет... а разве сегодня ты? Я думал, Лириан.

— Она заболела.

— А дети где?

— Они сегодня в новой приемной семье Миры.

— А когда придут?

— В любой момент... — Ханна опасно оглядывается, хотя никого, кроме них двоих, здесь нет.

— И вот что, Ханна... все, о чем мы говорили, все эти тайны... ты же не будешь никому их передавать?

Он чувствует себя идиотом, но Ханна даже не улыбается. Отрицательно качает головой. Глаза, как всегда, блестя.

— Тайны сблизили нас, Ян.

— Это правда. Мы заключили пакт.

На том разговор и заканчивается — хлопает входная дверь, и на пороге появляются две маленькие фигурки в водонепроницаемых комбинезонах. Мира и Лео.

Мира увидела своих воспитателей и радостно завопила. Ханна и Ян машинально отодвинулись друг от друга. *Дети не должны замечать личных отношений воспитателей.*

Детей привел мужчина средних лет в синей кепке, бежевой куртке и тяжелых, прочных с виду сапогах. Сама надежность. С улыбкой потряс руки воспитателям и представился:

— Запасной папа Миры.

Они тоже заулыбались в ответ.

— Все прошло хорошо... — сказал он. — Замечательные детишки. Думаю, все сложится...

— Безусловно, — подтвердил Ян.

Теперь уже с Ханной не поговоришь. Ее смена кончается в половине седьмого, и она — минута в минуту — надевает куртку, показательно долго обнимает детей, кивает Яну и исчезает.

Он ставит на стол ужин и садится вместе с детьми за стол:

— Весело было сегодня?

Мира кивает с набитым ртом.

— Я буду жить на ферме. У них есть лошадки!

— Вот это здорово... А тебе дали их погладить?

Мира опять кивает, глаза ее так и светятся счастьем. Она полна ожиданий — подумать только! Она будет жить на ферме, где есть лошадки!

Ян переводит взгляд на Лео. Его приемные родители тоже живут на хуторе, но он мрачен.

— Наелись?

— Не очень. — Мира притворно пожимает плечиками. — А конфеты есть?

Она прекрасно знает, что сегодня суббота, а по субботам детям дают конфеты.

После конфет он читает им сказки, глаза у них начинают слипаться, и он укладывает их, несмотря на обычные протесты.

Четверть девятого.

Он садится в кухне. Подземный туннель манит его, но сегодня он туда не пойдет. Завтра, когда в прачечной никого не будет. Сегодня — только короткий визит в комнату свиданий. На этот риск он обязан пойти.

В половине одиннадцатого он поднимается на лифте. Оставляет дверь лифта приоткрытой, но это, судя по всему, напрасная предосторожность. В комнате никого нет, лампы погашены. Быстро подходит к дивану и откидывает подушку.

Конверт на месте.

На этот раз голубой и не такой толстый.

Восемнадцать писем. Ян сосчитал их, сидя за кухонным столом и прислушиваясь к мирному дыханию детей в спальне. Но ему интересно только одно письмо. Оно адресовано ему. «Яну», написано на конверте, и он торопливо рвет его, как дети рвут обертку на рождественских подарках.

Небольшой листок бумаги. Короткое послание, написанное карандашом, почти без нажима, тонкими, еле заметными линиями. Он читает и перечитывает странные слова:

Ян, Белка помнит тебя, как помнят мечту, как помнят стихи или светящееся облако на небе.

Я помню тебя, помню тебя, помню тебя.

Я все еще надеюсь выйти из зверинца. Пока не получается, но ты можешь меня увидеть, у меня отличное гнездо.

Выйди из леса и посмотри.

Ответ. Ответ от Рами. Ян опускает письмо, пальцы его дрожат. Он смотрит в окно, видит мертвенный свет в окнах больничного коридора... и с трудом подавляет желание пойти туда прямо сейчас и разыскать палату Рами.

40

— Кит Мун на пару с Топпером Хидоном!¹ Ничуть не меньше! Классно звучишь, парень! — восклицает Реттиг. — Застрял в восьмидесятих.

Ян выбивает последнюю дробь на малом барабане и кладет палочки. Он просидел за ударными почти час, и музыка, как ни странно, заставила его забыть про письмо из больницы.

А тут еще Реттиг с его комплиментами... приятно, конечно, и Яну не хочется рассказывать ему про скверные новости из «Полянки».

Хочется, не хочется, но рассказать надо. Когда все уходят и в репетиционном зале остаются только он и Ларс Реттиг, Ян решает.

— Наш детский сад... подготовительная школа по ночам работать не будет. Ночные смены отменяются.

Реттиг собирает инструменты.

— Когда? — коротко спрашивает он.

— Скоро... На следующей неделе. Всех детей рассовали по приемным семьям.

— Я знаю.

— Но ты понимаешь, что это значит?

— Что?

¹ Кит Мун (1946—1978) ударник английской группы *The Who*. Топпер Хидон (род. 1955) — ударник группы *The Clash*.

— Это значит, что по ночам там никого не будет... Похоже, с письмами придется завязать.

Реттиг покачал головой:

— Подумай хорошенько, Ян.

— О чем тут думать?

— Что это значит, когда что-то закрыто?

Ян встал с табуретки, отложил палочки и посмотрел на руки. Надо же — даже мозоли натер.

— Это значит, что двери заперты и никто туда войти не может.

— Совершенно верно — без ключей никто и не войдет. Но ведь у тебя-то есть ключи к «Полянке»?

— Есть.

— Так в чем же дело? Самое важное, что «Полянка» пуста... Ночью там никого нет, правда?

— Ну, нет.

— И если у кого-то есть ключи от помещения, где никого нет, то в чем дело? От пустого помещения? Входи и делай что хочешь.

— Если нет наблюдения.

— Никакого наблюдения ночью за «Полянкой» не ведется. Я и есть наблюдение... — Реттиг застегнул футляр с гитарой. — Но паузу с письмами все равно придется сделать. У нас в Патриции через пару недель будут учения... отработка мер безопасности при пожаре, а это значит, полная неразбериха, пока все опять не устаканится.

Ян молча кивает, но думает он о другом. Странные звуки в бесконечных подвальных ходах.

— А подвалы в Патриции? Там что, никого нет по ночам?

— О чем ты?

Ян вовсе не собирается признаваться, что он там был.

— Доктор Хёгсмед говорил про подвальные коридоры... сказал, что малоприятное место.

— Доктор Хёгсмед — шеф, а что это значит, по-твоему? А вот что: доктор Хёгсмед не знает ни хрена. Сам-то он там и не бывал никогда. Ну, в лучшем случае, прошел метров пять.

— А кто-то другой там ходит?

Реттиг пожал плечами:

— Ходит и ходит... Это своего рода зона отдыха в больнице. Больным из открытых отделений разрешено ей пользоваться. Там бассейн, маленькая капелла, кегельбан... всего понемногу.

— Из открытых отделений, — повторил Ян. — А они что, совершенно безопасны?

— Как правило, да... но кто знает, что им взбредет в голову. Так что надо быть настороже.

Это уж точно. Надо быть настороже. Все время надо быть настороже. Рами... Рами сейчас близко, как никогда, и он решается напрямую спросить у Реттига.

— А если ты на меня наткнешься там, внизу... поднимешь тревогу?

Реттиг помрачнел. Вопрос ему явно не понравился.

— Ты туда не попадешь, Ян... И что тебе там делать? Хочешь посмотреть, как психушка выглядит изнутри?

— Во все нет... Это вопрос не про меня, а про тебя. Я спросил — заложишь или нет?

— Мы друзья. — Реттиг пожал плечами. — А друзьями не закладывают. Так что я просто сделаю вид, будто не заметил... Но и помочь ничем не смогу, если тебя застукает кто-

то другой. Буду все отрицать, как в том американском сериале.

На большее Ян и не надеялся.

— Ну что ж... придется импровизировать.

— А по ночам все импровизируют, — неожиданно общается Реттиг.

— В каком смысле?

— Дни в Патриции расписаны по минутам, все по режиму. А ночью... ночью может все что хочешь случиться. Особенно если луна полная...

Ян не задает больше вопросов. Что бы там Реттиг ни говорил, играл он сегодня не особенно хорошо. Вялые оффбиты, ненужные паузы... Он не создан для работы в группе.

Ночью ему снится жуткий сон про Алис Рами. Он идет с ней по проселку. Все вроде бы замечательно, но, когда он опускает глаза, вдруг замечает, что собака, которая бежала рядом с ними, вовсе не собака.

Это дикий зверь, помесь рыси и дракона.

— Пошли, Рёссель, — говорит Рами, не глядя на Яна, и прибавляет шаг. Чудовище издевательски ухмыляется и бежит за ней.

Ян остается один. В темноте.

«РЫСЬ»

Пора кончать эту идиотскую затею.

Он решил твердо — немедленно освободить Вильяма. Прямо сейчас. Сорок шесть часов, он планировал сорок шесть часов — что за бред! Двадцати четырех больше чем достаточно.

Он быстро углубился в лес.

За последние два дня тропинку вытоптали сотни сапог и ботинок, идти легче, она даже стала шире. Было еще не темно, всего четверть четвертого.

И ни единого человека в лесу. Ян прислушался. Полная тишина. Обещанный вертолет пока не прилетел.

Знакомое ущелье, железная калитка... а вот и скала с бункером. Надо быть осторожным.

Железная дверь идеально скрыта от посторонних взглядов. Он растащил ветки — засовы на месте. Все в порядке.

Он выдохнул с облегчением. Теперь надо играть другую роль. Невинный воспитатель, терзаемый чувством вины, в одиночку идет в лес и, когда никто уже и не надеялся, по чистой случайности находит потерянного ребенка.

— Эй... есть здесь кто? — кричит он в закрытую дверь.

Молчание.

Можно было бы еще покричать... ладно, пора открывать дверь.

— Алло!

Нет ответа.

В чем дело? Он нагнулся и заглянул в бункер.

Одеяла разбросаны по всему полу, пустые пакеты из-под сока и карамели. Сломанный робот — голова треснула, правая рука отвалилась.

Вильяма в бункере нет.

Ян заполз внутрь.

— Вильям!

Не стоило называть имя, но он был уже вне себя от беспокойства. Мальчика нет. Куда он подевался?

Красное туалетное ведро стоит у стены вверх дном. Почему? Ян поднял голову. Одна из узких вентиляционных бой-

ниц стала больше. Вильям расчистил ее от земли, веток и засохших листьев, и она расширилась как минимум на двадцать сантиметров. Взрослый не пролезет, конечно, но пятилетний ребенок — запросто.

Значит, Вильям придумал, как бежать из заключения. Хотел захватить с собой и робота, но, видимо, уронил на пол...

Ян попытался успокоиться и собраться с мыслями. Впрочем, он и так знал, что надо делать. Разложил на полу одеяла и собрал все, что приносил в бункер: еду, напитки, игрушки, пластмассовое ведро. Завязал все в узел и вытащил наружу. Теперь в бункере нет никаких следов, которые вели бы к нему. Старый матрас остался, но никому и в голову не придет связать его с Яном.

Он спустил узел на равнину, отсчитал ровно сто двадцать шагов от бункера и прикопал под сосной. Захватит позже, когда найдет Вильяма.

Уже начинало смеркаться. Ян огляделся.

И где его искать?

41

В воскресенье Ян пошел на работу раньше обычного, пока не село солнце.

Сумерками еще не пахло — рыжее солнце сияло на темно-голубом небе. Свежий, чуть морозный, душистый воздух. Осень иногда бывает очень красивой.

Солнечный свет — как раз то, что нужно. Ему нужно посмотреть на фасад больницы при дневном свете.

У меня отличное гнездо, написала Рами. Выйди из леса и посмотри.

Лес был с задней стороны Санта-Патриции, так что пришлось идти в обход. Предприятие рискованное — надо не попасть в поле зрения многочисленных камер наблюдения, не запустить какие-то датчики, активирующие сигнал тревоги. Но Ян надеялся, что откос к ручью, бегущему вдоль ограды больницы, настолько густо зарос кустарником и еловой порослью, что он сумеет остаться незамеченным.

Он остановился между двух стволов, долго смотрел на ряды окон за ограждением и вдруг заметил, что в одном из них полощется на ветру что-то белое.

Белый флаг. Похоже, сделан из куска простыни.

Только теперь он понимает, что Белка имела в виду. *Выйди из леса и посмотри.* Она дала ему знать, где ее палата.

Ян считает, шевеля губами.

Четвертый ряд снизу, седьмое окно справа.

Четвертый ряд снизу. Седьмое окно справа.

Будто поставил кружок на карте.

За окном никого не видно. И свет в палате не горит, но Рами удалось-таки показать ему, где ее держат.

Теперь остается только туда проникнуть. Единственный путь — через лабиринт подвальных коридоров.

Лео и Мира играют в докторов. Их куклы приболели, и надо их вылечить. Ян помогает им расставить кукольные больничные койки, а потом и ему приходится лечь и играть роль пациента.

После ужина он выходит с ними погулять в осенний холод. Подталкивает качели, но думает о другом. Уже сумерки, зажглись прожектора. Он смотрит на блики на влажных

листьях на земле, на сверкающую стальную паутину ограждения...

Прошло пятнадцать лет... но Ян надеется, что Рами все та же. Его Рами. Та Рами, что лежала в соседней палате в Юпсике и открывала ему дверь. Первый человек на всем земном шаре, которому, похоже, было интересно с ним разговаривать. Да нет, не «похоже» — ей и в самом деле было с ним интересно. А потом она оставила его и бежала, как белка... но тому были совсем иные причины...

Дети заснули поздно, почти в девять часов.

Можно выдохнуть с облегчением. Но не тут-то было. Лео никак не мог заснуть, плакал, несколько раз звал Яна. Надо бы расслабиться, сосредоточиться, а нервы уже на пределе. Ночью его ждет долгое и далеко не безопасное путешествие, хотя... наверное, это тот самый случай, когда цель оправдывает средства. Нет, даже не так. Не средства. Цель заслуживает того, чтобы ради нее рисковать.

Четвертый ряд, седьмое окно справа.

В четверть двенадцатого Ян последний раз заходит в спальню... в подушечную. Дети спокойно спят уже больше двух часов. Он прикрепляет к поясу Ангел-приемник, спускается вниз и открывает дверь убежища. Вторая дверь по-прежнему не заперта, как он ее и оставил. Он открывает ее и попадает в полный мрак.

На этот раз он подготовился куда лучше. Новая батарейка в Ангеле, луч света шарит по выложенным кафелем стенам. Он уже ориентируется здесь, но ему все равно не по себе. В тот раз за ним наблюдала Ханна, а сейчас он совершенно один. Он идет вперед, поглядывая на нарисованную

Легеном примитивную схему. Стрелки должны привести его к цели.

И еще: прежде чем спуститься в подвал, он взял несколько листов белой бумаги и порвал на мелкие кусочки. Сейчас он оставляет их на полу с интервалом метра в два — обозначает путь отступления в случае чего.

Опять он в этих заброшенных залах. Сует на всякий случай Ангела под свитер — а вдруг кто-то из случайно забредших сюда больных из открытых отделений заметит свет?.. Он уже совсем рядом с прачечной. Хотя Леген и говорил, что по воскресеньям здесь никого нет, Яну вовсе не хочется трубить о своем прибытии.

Он поднимает голову — по потолку змеятся толстые пучки кабелей.

Где-то там, над ним, палаты с больными. Сотни больных, сказал Хёгсмед. И среди них, на четвертом, как он надеется, этаже, — Алис Рами.

Дверь в прачечную закрыта. А вдруг заперта? Он с замиранием сердца нажимает на ручку. Нет, не заперта.

В тот раз здесь было светло — горели лампы дневного света под потолком. Сейчас все погашено. Похоже на пещеру. Красные огоньки на панелях стиральных машин напоминают глаза затаившихся зверей. Глухой шум вентиляторов, влажный, тяжелый воздух.

Ян входит в прачечную с планом Легена в руке.

Где же эта широкая дверь? Свет зажигать он боится, продвигается ощупью вдоль рядов жестяных шкафов, натывается на стол с невымытыми кофейными чашками. В конце концов попадает в какое-то небольшое помещение, где вообще совершенно темно. Он вынужден достать из-за пазухи фо-

нарь. Свет падает на гигантскую стиральную машину. Стальная физиономия с огромной зияющей круглой пастью. Рядом — ряды полок с мешками с бельем, а на потолке — рельсы, он видел их еще в прошлый раз. Подвешенные на плечиках белые больничные рубахи напоминают парящих ангелов.

Он переводит конус света с одного предмета на другой, пока не наткнется на широкую черную стальную дверь.

Дверь в сушилку, если верить схеме Легена. А налево, совсем близко, метр, не больше, — еще одна дверь, поуже. Деревянная дверь с круглой ручкой, и Яну ничего не остается, как потянуть за эту ручку.

По мере того как он продвигается в глубь прачечной, помещения становятся все меньше и меньше. А то, куда он сейчас попал, самое маленькое из всех. Судя по всему, какая-то подсобка. Он закрывает за собой дверь, находит выключатель и включает свет. Надо экономить батарейку.

Пыльная голая лампа освещает и в самом деле крошечную комнату без окон, набитую всяким мусором — деревянные ящики, картонные пачки из-под стирального порошка, сломанные вешалки.

Но, как и обещал Леген, рядом с одной из полок — дверь лифта с железной рукояткой и маленьким квадратным окошком... Совсем небольшая дверь, скорее даже большой люк, нежели дверь. Примерно в метр шириной и такой же высоты, почти квадратный. Он приоткрывает ее и сразу понимает — лифт грузовой. Старинный деревянный лифт, установленный много десятилетий назад для рассылки стираного белья по этажам Санта-Психо.

Внутри очень тесно. Стоять в полный рост, конечно, невозможно. Но тем не менее Ян решает — нагибает голову и влезает в кабину.

Похоже на багажный отсек в междугороднем автобусе. Или большой сундук.

Он опять чувствует что-то вроде головокружения, но преодолевает приступ клаустрофобии.

Пока он неуклюже размещается в тесной кабине, с пола поднимаются облака пыли. С трудом разворачивается лицом к двери.

И взгляд его останавливается на Ангеле.

А если сейчас, именно сейчас, Лео или Мира проснутся и позовут его? Но он не хочет об этом думать.

Он слишком близко к Рами.

Четвертый этаж, седьмое окно.

Он выключает Ангела. На стене семь черных кнопок. Старые, потрескавшиеся, по виду — бакелитовые, как доисторические телефоны. Справа от одной из кнопок надпись «Экстренная остановка». На остальных номеров нет или стерлись, но он наугад нажимает четвертую кнопку справа.

Над головой у него что-то ухает — наверное, ожила лебедка, — и лифт медленно трогается. Серая стена в окошке ползет вниз, кабина скрипит и вздрагивает.

Он поднимается в клинику.

Ян совершенно не уверен, что нажал правильную кнопку. Остается надеяться, что попадет на четвертый этаж.

Зажмуривается и старается отбросить мысль, что этот жуткий лифт больше всего походит на большой деревянный гроб.

ЮПСИК

На второй неделе пребывания в Юпсике Ян начал рассказывать, что заставило его прыгнуть в пруд. Но никакому не психологу — Рами. Долгие разговоры за закрытой дверью ее палаты.

Рами в тот вечер не находила себе места. Сначала она прыгнула на незастеленную постель и закрыла голову подушкой. Потом так же порывисто вскочила, схватила гитару, встала с ней на самом краю матраса и уставилась на черные стены, словно перед ней был полный зал.

— Мне нравится хаос, — сказала она. — Хаос — это свобода. Я прославляю неустойчивость, когда пою... как будто стою на самом краю сцены и иногда падаю.

Ян промолчал. Он сидел на полу около ее постели и молчал.

А она, не глядя на него, продолжала:

— Если мне когда-нибудь удастся сделать диск, то он должен быть как последнее письмо самоубийцы. Только без самоубийства.

Ян помолчал.

— А я пытался, — сказал он, уставившись в пол.

Рами взяла, как обычно, резкий минорный аккорд:

— Пытался — что?

— Покончить с собой. На прошлой неделе.

— Хорошо бы люди умирали из-за музыки. — Она взяла другой аккорд. — Песня должна быть такой, что людям хотелось бы услышать ее и умереть.

— Я хотел покончить с собой еще до того, как попал сюда... И почти удалось.

Рами замолчала. Наконец-то она его услышала. Пружиня на матрасе, сделала два шага назад и прислонилась к стене:

— Так ты и вправду хотел умереть?

Ян почти незаметно кивнул:

— Хотел... я все равно бы умер.

— С чего бы это?

— Они бы все равно меня убили.

— Кто — они?

Ян посмотрел на Рами. Даже рассказывать о том, что случилось, было страшно. Запертая дверь, ограда с колючей проволокой — все равно страшно. У него было такое чувство, что Торгни Фридман стоит за стеной и слушает.

— Банда, — почти прошептал он. — Парни из моей школы. Они из девятого... называют себя Бандой четырех, а может, это и не они придумали, другие их так называют... В школе они — короли, во всяком случае, в коридорах... а учителям невдомек. Не знают ничего или не хотят знать... И к ним все подлизываются.

— Но не ты?

— Дурак был, не подумал... — Ян вздохнул. — Торгни Фридман потребовал, чтобы я уступил ему место в очереди. А я не уступил. Хуже того, все это увидел учитель и велел Торгни встать в самый хвост. Этого он не забыл... — И Ян опять вздохнул. — А после этого начался *terrор*. Торгни объявил мне войну. Он не давал мне проходу. То орал во всю глотку, какое дерьмо, то просто подкрадетсЯ сзади и толкнет со всех сил так, что я лечу носом на пол...

Он помолчал.

— Так что я старался держаться от них подальше. От банды, то есть. Дни считал, думал, что все обойдется...

Пронизывающе холодный мартовский день, пятница. Последним уроком была физкультура. Школьная неделя закончилась. Закончилась спокойно, можно сказать. Никаких стычек.

Он задержался в раздевалке. Никого, кроме него, в спортзале не осталось — все побежали в школу, это в нескольких сотнях метров. Дожидались друзей и убежали. Яна никто не ждал.

Ну что ж, ему не привыкать.

Взял свое старое, протертое чуть не до дыр полотенце. Четыре душевые кабинки. В какой-то из них неисправен кран, и вода со звоном капала на кафельный пол. Он повесил полотенце на крючок и зашел в ближайшую кабинку, рядом с сосновой дверью в сауну.

Включил теплую воду и намылился.

— Я стоял в душе и ни о чем не думал. Ноги немного устали после физкультуры, — продолжил Ян рассказ. — Знаешь, когда стоишь под теплым душем, словно бы спишь, правда? Нет, о чем-то думал... наверное, что остаюсь на выходные один. Папа с мамой куда-то уезжали. Закрыл кран и потянулся за полотенцем, как вдруг почувствовал, что пахнет табачным дымом. Обернулся — Торгни Фридман.

Торгни был одет — джинсы, джинсовая же куртка и сапоги.

Стоял, перекрыв вход в кабинку, смотрел на Яна и улыбался.

Торгни не был главарем банды, но он изо всех сил старался произвести впечатление на Петера Мальма. Петер и был настоящим главарем, хотя как раз сам он Яна никогда не трогал. Но Торгни и сам по себе довольно опасен.

Он улыбался так, словно у него и счастья в жизни большего не было — стоять и глазеть на голого восьмиклассника. Смотрел на Яна, не отрываясь.

И Ян на него смотрел. Можно было бы, наверное, отодвинуть Торгни и выйти... можно, если бы на его месте был кто-то другой, а не он, Ян Хаугер.

Так что он остался стоять на месте и тоже начал улыбаться.

Он всегда улыбался в минуту опасности. Чем страшнее ему было, тем шире он улыбался.

И Торгни улыбался — этакой победной улыбкой, все зубы напоказ. Они постояли так несколько секунд, потом Торгни, продолжая улыбаться, повернулся и кого-то позвал.

Несколько секунд все было тихо, потом дверь сауны открылась, и оттуда вышли трое его друзей.

Банда четырех. У всех в руках зажженные сигареты.

Теперь уже никакой возможности к побегу не оставалось.

— Они сидели в сауне? Зачем? — удивилась Рами.

— Прятались от учителей. Сидели там и курили потихоньку. Торгни, Никлас, Кристер и их главный... Петер Мальм. И все вышли из сауны. Я их увидел и подался назад.

Но куда ему было бежать? Он стоял в душе совершенно голый, в луже быстро остывшей воды.

И Торгни сказал одно только слово:

— Хаугер.

Это прозвучало как обвинение.

— Что ты здесь делаешь, Хаугер? Подглядываешь за нами?

Ян не ответил. Он продолжал улыбаться, точно желая продемонстрировать, что с его стороны никакой опасности ждать не приходится. Какая опасность? Четверо пятнадцатилетних парней против одного четырнадцатилетнего?

Торгни нашел добычу, ему и валить. С сигаретой в углу рта он схватил Яна за руку и что есть силы ударил ногой по голени. Ян как подкошенный рухнул на залитый водой кафель.

Он попытался встать, но чьи-то руки удерживали его. Не Петер Мальм, нет — тот наблюдал со стороны. Остальные. Три пары рук прижали его к полу.

Он понимал, и страх еще больше обострил это понимание, — главный у них Петер Мальм. Он хозяин, а они — цепные псы. Он попытался встретиться с Петером глазами. Только не спускай их с цепи...

— И что с ним делать? — спросил Торгни.

— Что-нибудь забавное, — пожал плечами Петер.

И тут Торгни пришла в голову мысль.

— Мы сделаем из него пепельницу! — обрадовался он.

Петер стоял сзади, а трое остальных гасили об Яна окурки. Один за другим. Выбирали места, где кожа понежнее.

Кристер погасил свою сигарету о грудь, в самой середине, между сосками.

Никлас ткнул окурком в пах.

Торгни не торопился. Он продолжал улыбаться. Наклонился и вдавил тлеющий конец окурка в шею, где самая тонкая кожа.

Ян зажмурился.

— Больно, конечно, но не это самое худшее, — сказал Ян. — Больно. Как будто тебе в кожу втыкают гвоздь... но это проходит.

— А что самое худшее? — спросила Рами.

— Запах. Запах остается надолго. Запах горелого мяса... твоего собственного.

И сейчас, пока он рассказывал, он опять почувствовал этот запах. Он прилип к ноздрям навсегда.

Он хотел умереть прямо там, в душевой кабине. Наедине с Бандой четырех. Никакой надежды не оставалось.

Сигареты погашены. Красные пятна на коже, как внешне появившиеся родимые пятна. Мертвый захват, которым они прижимали его к полу, немного ослаб. Руки, наверное, устали.

Скоро, подумал Ян. Скоро они оставят его в покое.

Но тут последовал новый приказ Петера Мальма:

— Бросьте его в сауну.

— Точно, — обрадовался Торгни. — И запрем там.

— Как это — запрем? Там и замка-то нет.

В воздухе повисло разочарование. Какая жалость — нет замка.

— Все равно. Закиньте его в парилку. И пойдём отсюда.

Петеру забава, похоже, надоела.

Но остальные не унимались. Ян отбивался изо всех сил, но что он мог сделать против троих, каждый из которых даже по отдельности был сильнее его... в какой-то момент борьбы его прижали бедром к паху Торгни, и он почувствовал мощную эрекцию. Член торчал, как палка. Наверное, пытки его возбуждают. Палач.

Яна толкнули в парилку. Он сильно ударился спиной о деревянную полку. Дверь захлопнулась.

Наступило молчание.

В сауне горела лампа на стене под потолком. Стойкий запах сигаретного табака.

Он услышал их смех.

— Мы тебя немножко подогреем, Хаугер.

И свет погас. Они выключили свет.

— Мы захватим твою одежду! — Это Торгни.

— И бросим ее в пруд, и все подумают: утонул Хаугер, какая жалость, — добавил Никлас.

Ян не ответил. Он лежал на спине в темноте и выжидал.

Он знал, что Банда четырех пока держит дверь, но скоро они должны уйти. Должно ж им наконец надоест мучить ничтожного восьмиклашку. Он выжидал.

В красном ящике банного агрегата что-то щелкнуло. Они и в самом деле повернули реостат. Но на какую температуру поставили, он не знал. На пятьдесят градусов? Или еще больше?

Неважно. Скоро они уйдут.

Наконец за дверью все стихло. Он выждал еще немного, прислушался, встал и толкнул дверь.

— Дверь не открылась, — сказал он Рами. — Она должна была открыться, но не открылась. Они заблокировали ее. И я остался запертым в парилке. Агрегат щелкал и щелкал, и с каждой минутой становилось все жарче и жарче.

«РЫСЬ»

Внезапно Ян увидел свет уличного фонаря и понял, что вышел на опушку. Лес кончился.

Он уже три четверти часа бегал по лесу, даже спускался к озеру, но Вильяма не было и следа. Его охватила паника, и она с каждой минутой нарастала. Пятилетний малыш не мог далеко уйти, но в каком направлении он побежал? В любом...

Ян уже плохо соображал. Он устал и даже разозлился. Ему то и дело представлялось, что мальчик прячется где-то поблизости и посмеивается над ним.

Почему он убежал из бункера? Что он, не понимал, что там, за бетонными стенами, он в куда большей безопасности, чем ночью в лесу? Полно еды, полно питья, игрушки... и всего-то двое суток! Потом Ян в любом случае вызволил бы его оттуда.

Его план. Его тщательно продуманный план...

Ян остановился в кустарнике. Ноги промокли, и силы были на исходе.

Заперт в бункере. Единственное общество — игрушечный робот. Он огляделся, и вдруг его пронзила мысль, насколько идиотской и нелепо жестокой была вся затея. Немедленно, немедленно, немедленно надо с этим кончать. Эта история должна прийти к счастливому концу. Немедленно.

Он долго не решался выйти из леса. Лучше бы его никто не видел. Но в конце концов пошел на свет. Это был район многоквартирных домов с большими внутренними дворами, уже подготовленными к зиме, — привезли ящики с гравием, убрали опавшие листья. Во многих окнах горел свет, но улицы были пусты.

Яну вдруг захотелось начать выкрикивать имя Вильяма, но он удержался.

Если бы мне было пять лет, если бы я заблудился в лесу и увидел свет уличных фонарей, куда бы я пошел?

На свет. Домой. Конечно домой. Если был в плену, если бежал — тебе очень хочется домой.

Ян прекрасно знал, где живет Вильям. В другом конце Нордбру. Вряд ли он найдет дорогу.

В нескольких сотнях метров проходило четырехполосное шоссе. Он двинулся туда. Больше всего ему хотелось пойти домой, снять мокрые башмаки и лечь. Но это значит — бросить Вильяма. Не бросить. *Предать.*

Чуть подальше — автобусная остановка. Несколько подростков валяют дурака в стеклянной будке. На той же стороне пожилой человек с двумя детьми направляется к центру Нордбру.

Нет... детей не двое. Тот, который поменьше, и не ребенок вовсе, а собака, длинноногий пудель на коротком поводке. А второй... а второй — светловолосый мальчик без шапочки.

Мужчина по возрасту годится мальчику в дедушки, явно пенсионного возраста. Он старческой шаркающей походкой идет в середине. С одной стороны — пудель, с другой — мальчик. На мальчике нет шапочки, темно-синяя курточка с белыми катафотами... Ян узнал эту куртку.

— Вильям!

Мальчик остановился и оглянулся. Мужчина потянул его, чтобы идти дальше, но мальчик заупрямился, вырвал руку и стал искать глазами, кто же выкрикнул его имя.

Ян подбежал, задыхаясь, и присел на корточки:

— Ты меня помнишь, Вильям?

Мальчик, не двигаясь, смотрел на него. И все вокруг застыло, как на стоп-кадре в кино. Мужчина, не шевелясь, смотрел на Яна, даже пудель развернулся и замер.

Наконец Вильям кивнул.

— «Рысь», — сказал он хрипло.

— Правильно, Вильям! Я работаю в «Рыси». — Он поднял голову, стараясь говорить как можно отчетливее и убедительнее. — Меня зовут Ян Хаугер. Я воспитатель в детском саду, куда ходит Вильям. Он пропал, и мы его ищем.

— Ага, вот оно что... Моя фамилия Ольссон. — Пенсионер успокоился и кивнул на Вильяма: — Он только что появился... неизвестно откуда. Мы гуляли с Чарли... Наверное, заблудился. Надо найти родителей...

Вильям смотрел на асфальт, не поднимая глаз. Немножко вялый, но в полном порядке. В левой руке — оторванная пластмассовая рука говорящего робота. Не похудел.

— Очень хорошо, — сказал Ян. — Но они живут довольно далеко, и нам нужна помощь.

— Помощь?

— Мы должны позвонить в полицию. Мальчик в розыске.

— В полицию? — беспокожно спросил старик.

Ян уверенно кивнул и достал мобильник.

Пенсионер собрался уходить, но Ян предостерегающе поднял руку.

— Вы с Чарли должны остаться здесь, — решительно сказал он. — Думаю, они и с вами захотят поговорить.

Еще бы не захотят! Полиция наверняка заподозрит старика в похищении ребенка. Вместо спасибо его начнут с пристрастием допрашивать.

— Экстренная служба. Что случилось?

— Насчет пропавшего мальчика... Он нашелся.

— Соединяю с полицией.

Он улыбнулся Вильяму, стараясь выглядеть спокойно и уверенно. Хотел погладить его по голове, но воздержался.

— Все хорошо, что хорошо кончается... Теперь будем держаться от леса подальше.

42

Скрипы и стоны простоявшего неизвестно сколько времени без смазки лифта продолжались, как показалось Яну, час, не меньше. Он постарался отогнать клаустрофобические страхи — закрыл глаза и думал о Рами. Старался вспомнить, как она выглядела тогда, ее глаза под светлой, почти белой челкой.

Единственный человек в мире, кому он рассказал о Банде четырех.

Но лифт дрожал и трясся, напоминая ему, где он находится. Лифт, которым, очевидно, не пользовались давным-давно. Заклинит какая-нибудь шестеренка, и он повиснет между этажами... в голове глухие барабанные удары.

Внезапно кабина с резким толчком, будто натолкнулась на препятствие, останавливается.

Тишина.

Ян пытается открыть дверь, но та не поддается. Страх окутывает его ледяной волной. Слава богу... Со второй попытки дверь удастся сдвинуть с места.

Она открывается на сорок или пятьдесят сантиметров и упирается во что-то. Ян осторожно выглядывает наружу. Он ничего не видит, кроме серой стальной стены, освещенной проникающим неизвестно откуда слабым светом. Протискивается в щель. Чувство такое, будто он проснулся в гробу в огромном незнакомом доме. В точности как Вивека из сказки Рами.

Вот в чем дело. Дверь упирается в стальной шкаф. Вероятно, это какой-то склад. На полках лежат халаты, полотенца, упаковки с лекарствами. А свет проникает через маленькое круглое окно в двери.

По-прежнему ни звука.

Ян медленно, с оглядкой поднимается на ноги и делает три шага по направлению к выходу. Дверь заперта, но только для тех, кто снаружи. Оттуда нужен ключ. А отсюда, изнутри, достаточно повернуть вертушку, как в общественном туалете.

Он приоткрывает дверь на два-три сантиметра и прислушивается. По-прежнему тишина.

Санкта-Психо спит.

Ян приоткрывает дверь чуть пошире. Широкий и длинный больничный коридор. Светло-желтые стены. Лампы в потолке тоже желтые, светятся вполнакала. Так называемый дежурный свет — может быть, потому, что сейчас ночь. Никого. Острый и свежий запах моющего средства — значит, кто-то следит за чистотой. Есть уборщицы.

И больные.

И охранники. Реттиг, Карл... ночбез. Ян резко выдыхает и, придерживая дверь, выглядывает в коридор. Коридор идет и налево, и направо, с рядами закрытых дверей по обе стороны. А напротив, чуть наискось, — огромные, чуть не вокзальные часы. Без четверти двенадцать.

У него осталось несколько клочков бумаги. Ян складывает их и заталкивает под язычок, чтобы дверь не захлопнулась. Потом делает несколько шагов по выстеленному линолеумом полу, медленно перекачивая ступни с пятки на носок, чтобы не шуметь.

И ощущает себя четырнадцатилетним подростком, крадущимся по коридору Юпсика. Те же голые холодные стены, те же закрытые двери. Та же тишина.

Странно — Ян совершенно успокоился. Здесь, в Коридоре Закрытых Дверей, он чувствует себя как дома.

Так... надо считать двери. Ее палата должна быть по правую сторону. Двери совершенно голые — ни табличек, ни номеров. Седьмая с краю дверь выглядит точно так же, как и остальные, но Яну она кажется светлее, более теплого оттенка. За этой дверью, всего-то в шести-семи метрах, его ждут.

Он медленно идет вперед, минуя одну за другой одинаковые двери со стальными ручками, с лючками-прорезями рядом с замком.

Седьмая дверь.

Постучать или попробовать открыть?

Лучше постучать.

— Эй! Ты кто такой?

Ян вздрагивает так, что чуть не падает.

Обнаружен.

В дальнем конце открылась дверь, там неподвижно стоит человек и не сводит с него глаз. Но это не Реттиг и не Карл. Пожилая женщина. Наверняка из охраны.

Она делает два шага к нему:

— Откуда ты взялся?

Что отвечать?

— Из прачечной.

— Что ты здесь делаешь?

— Заблудился. — Это первое, что приходит в голову.

Женщина молча смотрит на него, потом поворачивается и быстро уходит. Позвать кого-то на помощь?

Надо бежать.

Он бросает последний взгляд на дверь Рами. Так близко, и ничего нельзя сделать.

Впрочем... почему ничего?

Он заглядывает в прорезь. Затем, быстро отстегнув Ангела от пояса, сует его в прорезь и слышит, как Ангел падает на пол.

Коридор по-прежнему пуст. Пока.

Ян влетает в складское помещение.

Быстрые шаги в коридоре. Они уже здесь, но не видели, за какой дверью он скрылся.

Грузовой лифт просторней не стал, но Ян, ни секунды не медля, влезает в тесную кабинку и нажимает на самую правую кнопку.

Слава богу. Лифт вздрагивает и начинает со скрипами и стонами опускаться.

Ян не открывает глаз. Едва дождавшись остановки, толкает дверь. Время за полночь, ему не по себе. Что там с детьми?

Ощупью пробирается вперед — Ангел остался в больнице, надо надеяться, что у Рами. Выход из прачечной в смотровую теперь он находит легко. И тут же замирает. Откуда то проникает трепещущий свет. Странно — почему свет трепещет?

И пение. Опять пение, похожее на мессу. Где эти псалмопевцы?

Где клочки бумаги, которые он оставил? Если они и на месте, в темноте их не разглядеть.

Вперед, по длинному коридору. Здесь свет, как ему кажется, немного ярче. За поворотом он резко останавливается. Перед ним открытая дверь, и Ян наконец понимает, откуда этот свет взялся.

Стеариновые свечи. Две стеариновые свечи в укрепленных на стене деревянных подсвечниках.

Куда он попал? Где он?

Небольшая узкая комната с деревянными скамьями. На полу стоят холщовые мешки. В дальнем конце — что-то вроде алтаря с потрескавшимся изображением мягко улыбающейся женщины. Часовня?

Ян подходит поближе. Отсюда видно: на раме готическими буквами написано ПАТРИЦИЯ.

Патриция. Ангел-хранитель больницы.

Он поворачивается. Внезапно мешки на полу зашевелились.

Это не мешки. Это больные. Трое мужчин в серых комбинезонах и, как кажется Яну, с такими же серыми лицами. Один постарше, с тяжелыми, как у хомяка, щеками, и двое помоложе, с обритыми головами. Они смотрят на Яна бле-

стящими, без глубины, пустыми глазами. Наверное, от лекарств.

Старший показывает на алтарь и говорит без выражения:

— Патриция хочет, чтобы все было спокойно.

— Мы тоже, — как эхо, подтверждают остальные.

— И я тоже, — тихо произносит Ян.

Старший кивает и подвигается в сторону. Ян осторожно, бочком, проходит между ними и тут же вспоминает слова Реттига: чего только не бывает.

Больные стоят неподвижно, и он выходит в коридор.

Наконец он замечает на полу свою бумажку. Потом еще одну. Из часовни опять доносится пение.

Ян прибавляет шаг.

Еще один коридор, еще несколько поворотов в подземном лабиринте — и он в убежище. По эту сторону Стены.

Закрывает за собой стальную дверь. Знакомый коридор со зверями на стенах, бегом по лестнице.

Путешествие закончено.

Прежде чем закрыть дверь в переход, он прислушивается. Все тихо. Никакой погони.

Он переводит дыхание, заглядывает в спальню и сильно, как от удара током, вздрагивает.

Под одеялом видна только одна головка — Лео. Мира исчезла.

Предатель! Опять пропал ребенок... Опять, опять, опять...

Его охватывает паника, он стоит как парализованный — и внезапно слышит звук спускаемой воды в туалете.

Мире уже почти шесть, она прекрасно справляется в туалете сама, без помощи взрослых.

Она появляется в подушечной и, полусонная, проходит мимо Яна. Даже не заметила его отсутствия.

— Доброй ночи, Мира...

Девочка отвечает что-то нечленораздельное, укладывается в постель и сразу засыпает.

Теперь можно расслабиться. Он тихо заходит в спальню, снимает Ангел-передатчик и относит в свой шкаф. Теперь у него есть связь с больницей — если, конечно, все сработает. Если все будет так, как он надеется.

43

— У всех все нормально? — Пятиминутка «Хорошее настроение», и Мария-Луиза задает свой обычный вопрос.

Тихий, нестройный ответ. Все нормально, но... Наступает зима, небо за окном серое, как прокисшая овсянка. Света явно не хватает. Осенняя депрессия.

Ян промолчал, но никто этого не заметил. Его смена закончилась час назад, но он, несмотря на усталость, задержался. Хотел узнать, не вызвал ли резонанс его неудачный визит в больницу. Не пришел ли рапорт от доктора Хёгсмеда о ночном происшествии. Охранница стояла довольно далеко, лица его в слабом дежурном свете она разглядеть не могла, хотя кто ее знает...

Мария-Луиза, во всяком случае, ни словом об этом не упоминает. Но и она тоже, как показалось Яну, немного подавлена. Осенний мрак действует и на ее железобетонную психику.

Хуже всех, похоже, Лилиан. Она склонилась над своей чашкой с кофе, рыжие волосы скрывают лицо. Дремлет она, что ли?..

— Лилиан, — обращается к ней Мария-Луиза. — Что это у тебя?

— Где? Что?

Лилиан поднимает голову, и Ян видит, что она забыла смыть свою татуировку — змею на щеке.

— На щеке... У тебя что-то там нарисовано.

Лилиан машинально проводит рукой по щеке — на пальцах остается след краски.

— Ой, извините... Забыла смыть. Это для вчерашней вечеринки... Извините, пожалуйста.

Она закашливается и пытается подавить отрыжку, но неудачно. В комнате распространяется отчетливый запах перегара. Мария-Луиза нахмурилась:

— Лилиан.... могу я с тобой поговорить наедине?

— О чем?

— О том, что ты пьяна.

Мгновенный переход — тон ледяной и даже угрожающий. Мягких, доброжелательных интонаций как не бывало. Лилиан встает и выходит из комнаты. Мария-Луиза следует за ней.

На пороге Лилиан оборачивается:

— Я вовсе не пьяна. С похмелья — да. Но не пьяна.

— Скоро вернусь. — Мария-Луиза следует за ней.

Дальше раздевалки женщины, похоже, не пошли, и голоса их слышны совершенно отчетливо. Спокойная поначалу беседа быстро набирает обороты. Мария-Луиза по-прежнему говорит тихо, но Лилиан отвечает все громче и громче.

— Я что, не имею права расслабиться после работы? Или я должна, как ты, посвятить жизнь детям?

«Посвятить жизнь» прозвучало с почти презрительным оттенком.

— Успокойся, Лилиан, дети могут услышать...

— Я спокойна, черт подери!

За столом в воспитательской все притихли. Ханна и Андреас сидят с опущенной головой и молчат. И Ян молчит. А что говорить?

— Ты больна! Тебе надо лечиться!

А это кто сказал? Лилиан или Мария-Луиза?

Похоже, все-таки Мария-Луиза, потому что ответом служит пронзительный вопль Лилиан:

— А ты, конечно, само совершенство! Но я не могу быть такой, как ты! Пусть психи сами пасут своих детей!

— Лилиан, у тебя истерика, — коротко и тихо заявляет Мария-Луиза.

Теперь неприлично говорить «истеричка», некорректно, вспоминает Ян слова Хёгсмеда.

Андреаса передергивает, как от внезапного приступа тошноты. Он поднимается:

— Пойду к детям.

Он уходит в игровую, и через минуту оттуда доносятся звуки бравурной песенки — Андреас включил стереосистему, чтобы заглушить выкрики из раздевалки.

Но, как почти всегда, ссора быстро иссякает. Через несколько минут раздается хлопок наружной двери, и в воспитательской появляется Мария-Луиза. С обычной материнской улыбкой.

— Лилиан пошла домой, — объявляет она. — Ей надо немного отдохнуть.

Ян молча кивает, но Ханна, глядя начальнице прямо в глаза, спрашивает:

— Может быть, ей нужна помощь?

Улыбка исчезает с лица Марии-Луизы.

— Какая помощь?

— Чтобы меньше пить, — спокойно поясняет Ханна.

В воздухе повисает тяжелая тишина.

— Лилиан не ребенок... Она отвечает за свои поступки. —
Мария-Луиза скрестила руки под грудью.

— Но и работодатель отвечает за своих сотрудников. —
Ханна говорит это так, словно цитирует трудовой кодекс. —
Если кто-то пьет на рабочем месте, существует схема лечения. Реабилитационный план.

— Реабилитация... Звучит красиво.

Но Ханна не сдается:

— И как насчет реабилитационного плана для Лилиан?

— Ханна, — серьезно говорит Мария-Луиза, — ты ведь прекрасно знаешь, сколько у нас недоброжелателей. Подумай об этом.

Она резко поворачивается и выходит из воспитательской. За столом остаются двое — Ханна и Ян. Ханна заводит глаза к потолку.

— Вот так, — говорит Ян. — Теперь будешь ходить в бузотерах.

— Мне совсем не все равно, что будет с Лилиан. А тебе все равно?

— Нет, конечно.

— А почему она так много пьет? Ты об этом думал?

Нет. Об этом он не думал.

— Чтобы быть пьяной, наверное, — пожимает он плечами.

— А зачем ей быть пьяной?

— Наверное, она несчастна... но ведь не она одна, правда?

— Ты ничего не знаешь... и ничего не понимаешь. — Ханна встает со стула.

И Ян встает. Хорошо наконец встать из-за этого стола. Скоро он пойдет домой. Пятиминутка для поднятия настроения явно не удалась. Настроение у всех стало намного хуже.

Домой. Домой и спать. Он хочет смотреть в будущее, начать жить нормальной жизнью.

И никогда больше, никогда в жизни не попадать за решетку.

У него нет никого, с кем бы он мог начать жить. Не так страшно попасть в самое жуткое, самое безнадежное положение. Страшно, когда на всем свете нет никого, кто бы тебя выслушал.

ЮПСИК

Рами спрыгнула с койки и села на пол рядом с Яном. Ее наконец заинтересовал рассказ Яна о Банде четырех.

— И что, они заперли тебя в бане?

— Не заперли... замка там не было. Они подперли ее чем-то... не знаю чем. То есть тогда не знал. Теперь знаю... Но дверь не сдвинуть.

— И включили агрегат..

Ян кивнул.

— Как же ты выбрался?

— Никак. Была же пятница. Все ушли домой.

Полная тишина. Ни хлопка двери, ни крика вахтера в душевой — что-нибудь вроде «Алло, есть здесь кто?» — ничего.

И дверь заклинена намертво.

Сауна постепенно нагревалась. Воздух сделался горячим, как в пустыне. Сорок градусов. Или, может быть, пятьдесят.

Он попытался ощупью сориентироваться среди совершенно одинаковых дощечек, которыми обшита сауна. Все в дощечках — и пол, и стены, и потолок, и две полки вдоль стены. На них и сидят, когда приходят попариться. Или покурить.

Рука его наткнулась на ведро на полу, и он услышал, как в нем плещется вода.

Он садится на одну из полок. По телу побежали ручейки пота.

Кто-то же должен прийти...

Голова совершенно пуста. Кожу на ягодицах начало припекать, но, как ни странно, он успокоился. Они ушли — Банда четырех.

И никого нет. За дверью все тихо.

Становилось все жарче.

Ян сидел на полу в ее палате, и Рами держала его за руку; она была совсем рядом, но в мыслях он все еще был там, в запертой сауне.

— Мне не повезло, — повторил он. — Дело было в пятницу, и спортзал до понедельника никто не собирался открывать.

— И как же?

— Не знаю...

Он и в самом деле не знал, но сейчас задумался. Что сделать, чтобы выжить три дня в раскаленной сауне?

Стучать в дверь. Стучать и стучать, пока не поймешь, что никто на помощь не придет. Петер Мальм со своими

прихлебателями не вернется. Они приперли чем-то дверь и пошли дальше, и, скорее всего, уже про него забыли.

Можно еще стучать, можно кричать, пока не осипнешь, пока не отобьешь руки, пока не нахватаешь заноз от плохо оструганной двери.

Оказалось, он не совсем слеп – глаза привыкли к темноте, и он начал кое-что различать в свете из вентиляционной заслонки на стене под потолком и из-под двери и зловещей красной кнопки на агрегате. Собственные руки – два чуть более светлых пятна перед глазами.

Он забрался на верхнюю полку и обшарил ее. Пальцы наткнулись на гладкий цилиндр.

Пивная банка. В темноте, конечно, не видно, какой марки пиво, но в ней что-то плескалось. Он поднес банку к лицу, и в нос ударил острый, отвратительный запах. Видно, кто-то забыл банку, и она пролежала несколько дней. А может, и недель. Нет ничего противнее запаха прокисшего пива.

Брось эту банку. Сядь на полку и попытайся думать. Как отсюда выбраться?

И не надейся, что кто-то из Банды четырех вернется и освободит тебя. Они этого не сделают.

И на родителей не надейся. Они уехали к тете с младшим братом. Наверняка позвонят, но когда ты не возьмешь трубку, посчитают, что ты у какого-нибудь приятеля, хотя у тебя нет никакого приятеля, к кому бы ты мог зайти. Они живут в выдуманном мире. В этом их мире ты счастлив и благополучен, тебе хорошо в школе...

И Ян не хотел их разочаровывать.

Нет. Надо смириться. Ты здесь заточён, и, скорее всего, до понедельника.

Слава богу, сегодня на ланч были мясные фрикадельки с картофельным пюре, и он съел штук десять.

Больше никакой еды несколько дней не жди.

И радуйся, что ты голый. Конечно, было жутко стоять голым, как червяк, в душевой в окружении Банды четырех в шикарных свитерах и дорогих джинсах.

Но здесь - то он вовсе не тосковал по одежде.

И тут Ян сообразил, что на верхней полке жарче, чем внизу.

Перейди вниз. Там немного прохладнее. Сядь на пол, нагни голову, зажмурься и жди.

Зажмуриться.

Ждать.

Продолжать ждать.

А если здесь воздух кончится? Дышать становилось все трудней. Это только от того, что жарко, или?.. Он как-то читал историю о человеке, которого заживо похоронили в деревянном гробу, и он должен был задохнуться от недостатка кислорода. Его, правда, спасли. Как — он не помнил.

Сауна. Тот же деревянный гроб.

Он принял себя — воздух свежий. Горячий, но свежий. Сюда же поступает воздух из-под двери. А может, и еще откуда-то. Будем надеяться, этого хватит.

Лечь на нижнюю полку.

Зажмуриться.

Не думать.

Ждать.

Только ждать...

Он вздрогнул.

Ты что, заснул?

В сауне по-прежнему темно. Сколько же прошло времени? Ни малейшего представления.

Когда ему исполнилось десять, бабушка подарила ему часы со светящимся циферблатом, но они остались в кармане брюк в раздевалке.

Если, конечно, Банда четырех не выкинула их вместе с брюками и остальной одеждой в пруд, как грозились.

Агрегат по-прежнему включен. Пот заливает все тело, попадает в глаза и щиплет невыносимо.

Ложись на пол. Поближе к ведру, любители сауны любят плескать воду на камни, и тогда сауна заполняется горячим паром.

В ведре осталось немного воды.

Погоди... откуда ты знаешь, сколько здесь простояла эта вода? Каждый путешественник знает, что застоявшаяся вода может быть ядовитой. Но жажда невыносима, и он делает глоток. Вода и в самом деле скверная, тепловатая и пахнет так себе. Но он делает еще один глоток. И еще.

Хватит. Воду надо экономить.

Воду надо экономить... Как будто ты герой какого-нибудь приключенческого романа, но ты не герой. Ты совершенно беспомощен, ты даже дышишь еле-еле. Ты скорчился на полу и ждешь, и ждешь, и ждешь... Спортзал не рядом со школой, и сюда никто без необходимости не заходит.

И ни звука. Ты не слышишь ни звука, если не считать шума в ушах и тиканья проклятого агрегата. Надо встать и опять постучать в дверь. Стучать и кричать. Дверь толстая, и она не сдвигается ни на миллиметр.

Он опять ложится на пол. Но и на полу доски становятся все горячее. Под полками — обычный цементный пол, он наверняка прохладнее, но он не хочет туда лезть. Он знает, какая там грязь. Высохший пот тысяч любителей

сауны. Они наверняка и плюют туда, и выбрасывают использованный снюс.

Но в конце концов он все же залезает туда, как маленький белый червячок, заползает на грязный и почему-то влажный на ощупь пол. Здесь и в самом деле прохладнее. Здесь можно дышать.

Ты лежишь на цементном полу и мечтаешь о друге. О крутом друге, который наконец заподозрит: что-то не так. Ты назначил с ним встречу в ресторане в городе и не пришел. Почему? Ты не знаешь его имени, и у тебя нет бумаги, чтобы его нарисовать, но ты можешь, по крайней мере, вызвать в воображении его образ.

Его имя... его имя — Затаившийся. Он предпочитает не показываться людям, он растворяется в окружении, он незаметен. Если присмотреться, можно его увидеть, но среди людей он незаметен.

И ты знаешь: Затаившийся устал ждать. Он встает из-за стола, платит за выпитый виски и решает тебя найти. И тут он преображается. Он уже не Затаившийся. Он — Мститель. С горящими глазами и кулаками, крепкими, как сталь. Вот так. Берегись, Торгни!

Он отключается... и снова приходит в себя.

Пота стало намного меньше, но жажда невыносима. Подтягивает к себе ведро, отпивает немного и опять ложится на цементный пол.

...Ты закрываешь глаза и мечтаешь. Время идет. Иногда ты поднимаешь голову и видишь: вот он, Затаившийся, он уже здесь. Он находит Банду четырех и выколачивает из них признание, что они сделали с его лучшим другом...

Но ты понимаешь, что это всего лишь видение.

Ты спишь, а управлять сном невозможно. Потом ты не помнишь, что тебе снилось, райские кущи или кош-

мары, но это все равно лучше, чем задыхаться в темноте.

Но рано или поздно ты проснешься, совершенно обезвоженный. Ты не знаешь, вечер или утро за стенами сауны, завтрак это или ужин — какая разница. Завтрак или ужин — все равно он состоит из пары глотков вонючей воды из ведра. На дне полно песка и волос, но ты пьешь все. До последней капли.

Что-то грохочет? Ты отставляешь ведро и слушаешь. Нет, это не Затаившийся. Это не он открывает дверь. Скорее всего, мимо спортзала проехал грузовик.

Ты умрешь здесь, в этой сауне. Теперь ты это знаешь. Ты лежишь ночью в пустыне. Только ночью в пустыне холодно, а здесь — тропическая жара. Ты иссохнешь и превратишься в мумию.

А пот можно пить? Даже если и можно — и что? Это твой собственный пот, твоя влага, и пота становится все меньше и меньше. Это уже и не пот, а покрывающая все тело маслянистая пленка.

А мочу? Ты голый, и тебе надо помочиться... можно попробовать.

Горькая на вкус, но все же жидкость. Один глоток, все, что тебе удалось добыть.

Ты подползаешь к двери. Щель под дверью — миллиметра три, не больше, но ты все равно изгибаешься и пробуешь заглянуть. Там все, как всегда. Блики от ламп на белом кафельном полу.

Весь мир притворяется, будто ничего не случилось, будто Банды четырех не существует.

Наконец, уже почти в бессознательном состоянии, ты заползаешь на верхнюю полку и дотягиваешься до банки с неизвестной жидкостью. И выпиваешь ее содержимое. Теплая, кислая, густая жижа, но ты допива-

ешь до дна. Жажда такова, что тебе все равно, что течет в глотку.

Допиваешь и крепко сжимаешь губы, чтобы не вырвать.

Ты должен удерживать жидкость в организме, иначе тебе не выжить.

Но ты же и не хочешь выжить? Ты хочешь умереть... и для чего тогда вся эта борьба, минута за минутой?..

И ты ложишься на пол. Что сейчас? Суббота? Воскресенье?

Все. Сил бороться больше нет.

— А может быть, я и умер там, на полу, — сказал Ян и поднял на нее глаза. — Юпсик, скорее всего, Царство Небесное.

Он даже не заметил, как растянулся на полу и положил голову на колени Рами. Она покачала головой:

— Ты не умер.

Рами наклонилась над ним, приоткрыла рот, и он увидел кончик ее языка. Ян ждал второго в его жизни поцелуя, но она приблизила губы к его глазам и языком закрыла веки — сначала правое, потом левое.

И только когда он зажмурился, прижалась к губам и осторожно засунула кончик языка ему в рот.

Этот поцелуй был еще лучше, чем первый. Ян словно летел по ночному небу в окружении звезд, а тело ее прижималось к его телу и было гораздо мягче и гибче, чем можно было ожидать.

Она отняла губы, перевела дыхание и спросила:

— Но тебя все же спасли?

Он кивнул.

Ему хотелось бы пролежать так всю жизнь и не думать про эту проклятую сауну.

И наконец ты слышишь какой-то звук. Что-то гремит в раздевалке.

Ты открываешь глаза. В сауне по-прежнему очень жарко, но тебя бьет озноб.

Опять – шарканье шагов.

– Алло? – Мужской голос.

Ты пытаешься подняться на колени, но сил не осталось, и ты падаешь на дверь, ударяешься руками и лбом и пытаешься постучать...

Дверь открывается, и ты медленно валишься ничком на кафельный пол.

В душевой очень холодно. Ты опять проваливаешься в темное беспмятство. На несколько секунд, потому что, когда ты открываешь глаза, твой спаситель по-прежнему стоит рядом и смотрит на тебя с удивлением.

Теннисист. Седоволосый. И усы седые. Тренировочный костюм. В руке у него – деревянная щетка, и ты постепенно понимаешь, что это та самая щетка, которой Банда четырех заклинила дверь в сауну, перед тем как удрать.

Теннисист смотрит на тебя, вытаращив глаза. Будто ты показал ему ловкий фокус, когда вывалился из бани.

– Ты что... был там? – задает он идиотский вопрос.

Ты кашляешь, судорожно хватаешь ртом воздух, но ответить ему не можешь. Во рту все пересохло, и ты не в состоянии пошевелить языком. Ползешь мимо своего спасителя, мимо его белых теннисных туфель и медленно, хватаясь за стену, встаешь на ноги.

Ты жив. Чуть не падая, делаешь два шага, наклоняешься над раковиной, дрожащей рукой поворачиваешь

кран и пьешь, пьешь, пьешь, пьешь... Пять глубоких глотков, шесть, семь, восемь. Внезапно и сильно заболел живот – вода слишком холодная.

– Тебя кто-то там запер?

Он ждет ответа. Но ты только качаешь головой и на подгибающихся ногах выходишь из душевой.

Наконец-то на свободе. Тебя трясет от холода, но мысль встать под душ и включить теплую воду в голову не приходит. Цела ли твоя одежда?

Цела. Джинсы, майка, свитер, куртка – все на месте. Банда четырех оставила твою одежду на месте. Или просто забыли про свою угрозу.

Ты натягиваешь футболку, потом шерстяной свитер, куртку, трусы. Именно в таком порядке.

Джинсы... надо быстро надеть джинсы и уходить, но сначала посмотреть на часы.

Теннисист не хочет оставить его в покое. Он заходит в раздевалку:

– Как тебя зовут?

Ты не отвечаешь на вопрос. Вместо этого задаешь встречный. Голос хриплый, как у больного ангиной.

– Какой сегодня день?

– Воскресенье. У нас сегодня игра. – Он смотрит на часы. – Двадцать пять минут второго.

Половина второго, воскресенье.

Посчитай. Зажмурься и посчитай.

Ты провел в горячей сауне почти двое суток – сорок шесть часов.

«РЫСЬ»

Можно ли назвать это счастливым концом? Вильям нашелся, родители могут спокойно вздохнуть после двух дней адových мук.

И в детском садике настроение получше.

У всех, кроме Сигрид. Она взяла больничный и лечится у психотерапевта. Кризисное лечение.

А его самого опять допрашивала полиция.

Прямо ничего не было сказано, но что-то они подозревали. Через день после того, как Вильям нашелся, к нему приходили и осматривали его квартиру. Ну и пусть. Никаких следов не нашли и не могли найти. Он опять побывал в бункере. Все выкинул, отнес подальше и сжег.

А еще через два дня его вновь пригласили в полицию.

Допрос проводила та же женщина, что и тогда, и доброжелательности у нее не прибавилось.

— Вы последний, кто видел мальчика в тот день в лесу... И вы же его нашли.

— Это не так, — терпеливо разъяснил Ян. — Нашел его не я, а этот пенсионер... не помню его имени.

— Свен Аксель Ольссон.

— Да... именно он нашел Вильяма. А мне повезло увидеть их вдвоем.

— А до того?

— В каком смысле — до того?

— Как вы думаете, где был Вильям до того, как вы его нашли?

— Не знаю... наверное, бродил в лесу.

— Вильям говорит, его заперли.

— Заперли? В каком доме?

— Я не сказала, что это было в доме.

— Нет, не сказали... но где еще можно...

— У вас есть какие-то соображения, кто мог его запереть?

Ян покачал головой.

— Вы верите каждому его слову? Пятилетний мальчик...

Она замолчала, не сводя глаз с Яна.

Молчание было почти невыносимым, и Яну пришлось напрячься, чтобы не начать болтать и предлагать всякие теории — это только усилило бы ее подозрения.

Но что-то надо сказать...

— И как Торгни себя чувствует сейчас?

— Кто? Какой Торгни?

Ян уставился на нее. Он произнес не то имя.

— Простите, Вильям... как он себя чувствует? Его передали родителям?

— Он чувствует себя нормально, — кивнула инспектор. — По обстоятельствам, конечно.

Наконец она отпустила его. Без всяких извинений. И проводила долгим внимательным взглядом.

Плевать. Вильям возвращен родителям, и он, Ян, свободен от подозрений. Может, и не свободен, но никаких улик против него нет.

Но странно — он вышел из здания полиции с чувством разочарования.

Слишком быстро все закончилось. А он планировал другой срок. Сорок шесть часов.

44

Леген пьет желтоватое вино из треснувшей кофейной чашки. Яну он тоже налил вина в большую чашку и усадил на стул в кухне, сбросив на пол пачку рекламных листов:

— Это тебе.

— Спасибо, спасибо.

Яну вовсе не хочется утолять жажду сомнительной желтоватой жидкостью. Он размышляет, как бы ухитриться потихоньку вылить так называемое вино, чтобы не заметил хозяин.

Квартира Легена захламлена сверх всяких мыслимых пределов, но Яну очень нравятся их спокойные беседы. Он пришел с работы и, даже не заходя домой, позвонил в дверь соседа — была настоятельная потребность хоть с кем-то поговорить. Но... насколько можно верить Легену? И что он может рассказать? Рассказать-то он может многое, но на это надо решиться.

— Думаю, скоро выпадет снег, — сказал Ян.

— Похоже на то. — Леген отхлебнул своего вина. — Время колоть дрова, если они у кого есть. Когда я был маленький, у нас был дровяной сарай, но туда сваливали все подряд, так что для дров и места не было. Зато там можно было посидеть, побыть самому с собой немного...

Столько слов подряд Ян слышит от Легена в первый раз. Видимо, вино развязало соседу язык. Но Леген будто прочитал его мысли и внезапно замолчал. Настала очередь Яна заполнять паузы.

— Я в воскресенье заглянул в подвал... Там пациенты.

— Да, там вечно беготня... — сосед опять отпил вина, — но нам-то беспокоиться было не о чем. Мы в прачечной, у нас своя работа... Почти тридцать лет, — задумчиво произносит он. — Белье спускают вниз, мы посылаем его назад... стирание, понятно. А в карманах чего только не найдешь... Бумажники, баночки с лекарствами... чего только не найдешь.

— Там и часовня есть.

— Да, только мы туда не ходили... Они там делают что хотят. Особенно когда высокое начальство отбывает по домам...

Ян возвращается домой и берется за карандаш, чтобы закончить «Сто рук принцессы». Это последняя книга, где он еще не подправил рисунки и не добавил новые. Четвертая сказка Рами.

Заканчивает четыре рисунка, потом работает красками. Первый, второй... на третьем вдохновение иссякает, и он достает свой старый дневник.

Медленно листает и пытается вспомнить, о чем думал, когда был подростком. Иногда удается... в середине тетради он находит фотоснимок, вырезанный из местной газеты.

Ян помнит, когда он его вырезал. Это было через шесть лет после истории в «Рыси». Фотография из спортивного отдела газеты. Групповой снимок победителей футбольного турнира для юниоров. Дюжина одиннадцатилетних подростков, а в середине стоит вратарь с мячом под мышкой и улыбается Яну.

Вильям Халеви. Ян узнал его еще до того, как прочитал подпись под фотографией.

Он долго рассматривает снимок. Спокойная, веселая мордашка... во всяком случае, надо надеяться, что события шестилетней давности не оставили в его психике никакого следа. Играет в футбольной команде, значит, много друзей. А когда у человека много друзей, в его жизни все складывается хорошо.

Впрочем, откуда ему знать... но он надеется, что это так.

Ян встает и снимает с полки Ангела. Это Ангел-передатчик. Ангел-приемник остался в Санта-Психо. Лампочка мигает весело и ярко — он вставил новые батарейки. Несколько раз он собирался включить его, но расстояние слишком велико. Чтобы надеяться на что-то, надо подойти ближе. Намного ближе.

Он долго рассматривает дисплей, потом встает, берет рюкзак и куртку. Темную куртку.

Не едет на велосипеде, не садится на автобус. Идет пешком. Той же дорогой, что в воскресенье, — делает большой круг через лес, через ручей у больницы, на пологий откос. До ограждения метров двести.

В темном небе над больницей быстрой чередой плывут еще более темные, почти черные облака.

Он совсем близко. Темно... темно, как бывает темно только в ноябре. В декабре повсюду зажигаются рождественские огоньки, и становится веселее. Но сейчас темно. И у него нет необходимости прятаться за елями. Он может забраться на самую вершину холма. Прокрасться, как рысь.

Ограждение освещено прожекторами и похоже на пустую театральную сцену, но во дворе темно, там прячутся неясные тени. Ян понимает, что тени эти существуют только в его воображении. Бледный свет горит в окнах, но в большинстве из них жалюзи опущены. Больные прячутся от мира.

Яну кажется, что за ним наблюдают. Не люди, нет, вся огромная больница пристально следит за каждым его движением.

Весь мрачный, холодный фасад усталился на него — пристально и с подозрением. Его пробирает озноб. Больше всего ему хочется опять укрыться в лесу, но он упрямо пробира-

ется к самому краю откоса, к огромному валуну на опушке, оставленному когда-то отступившим ледником, как войска оставляют убитых на поле боя. Странно, но туда ведет хорошо утоптанная тропа. Видимо, люди приходят сюда и смотрят на больницу. Фантазируют, какие чудовища скрываются в ее стенах.

— А бананов вы не принесли? Как же! Для обезьян-то!

Он до сих пор помнит этот пронзительный вопль Рами, когда в Юпсик явилась делегация господ в костюмах. Что-то вроде учебной экскурсии. Наверное, какие-нибудь политики из управления коммуной. Костюмы посмотрели на нее с ужасом и поскорее ретировались.

Зона действия Ангелов — триста метров. До больницы даже меньше, и он по-прежнему вне предела досягаемости прожекторов.

Налево за больницей — подготовительная школа, но ее не видно. Скрыта ельником и стеной.

Он смотрит на часы — четверть десятого. Самое время. Быстро расстегивает «молнию» на рюкзаке, достает Ангела и переключает из режима *Standby* в режим работы.

Прислоняется к валуну и напряженно думает. Мало того что он не знает, с чего начать, — он совершенно не уверен, что она его слушает. И не может назвать ее имя — а вдруг Ангел попал к кому-то еще?

Наконец, он подносит микрофон к губам:

— Алло! Алло, Белка...

Никто не отвечает. Ничего не происходит.

Он смотрит на больницу и принимается считать окна. Четвертый этаж, седьмое окно справа. Свет там есть, если он правильно сосчитал в темноте. Бледный потолочный плафон.

Плафон закрыт металлической решеткой... чтобы никому не пришло в голову его разбить? Наверное...

Он набирает воздуха и пробует опять:

— Если ты меня слышишь, попробуй показать...

Он смотрит на седьмое окно. Чего он ждет? Что в зарешеченном окне покажется тонкая женская фигура?

Никто не показывается. Но что-то происходит... в окне внезапно гаснет свет. Несколько секунд окно остается совершенно темным, потом свет зажигается вновь.

По спине бежит холодок, точно ему за шиворот вылили стакан ледяной воды.

— Это ты, Белка?

Свет снова гаснет и через несколько секунд зажигается снова.

— Очень хорошо. Выключаешь свет — значит «да». Свет продолжает гореть — значит «нет».

Свет гаснет. Контакт есть.

— Ты знаешь, кто я?

Свет мгновенно гаснет.

— Ян Хаугер... это я посылал тебе письма. Это я сидел когда-то вместе с тобой в детской психушке. В Юпсике.

Свет не гаснет. Почему? Да потому что это никакой не вопрос, сообщает он.

— Тебя зовут Мария Бланкер?

Окно становится темным, через пару секунд свет включают опять.

— У тебя было раньше другое имя?

Вспышка темноты. Снова свет. *Да.*

— Алис Рами? Так тебя звали?

Да.

Наконец-то. Теперь он уверен, что говорит с Рами, и ни с кем другим. У него тысяча вопросов, но ни одного, на который можно ответить «да» или «нет».

Время идет, в голове бухает большой барабан. Он проваливает свою неизобретательность и выпаливает неожиданно:

— Рами, можем мы встретиться? Только ты и я?

Абсурдный вопрос из-за шестиметрового ограждения.

Но после короткой паузы свет гаснет и зажигается снова.

— Замечательно... Скоро ты меня услышишь. Спасибо.

За что он ее благодарит?

Ян смотрит на освещенные окна больницы, и вдруг ему хочется оказаться там, за зарешеченным окном, за колючей проволокой. За стеной. Вместе с Рами.

Он опускает Ангела в рюкзак и уходит в лес. Домой. Надо закончить иллюстрации к ее сказкам, тогда он сможет их ей показать. Когда они увидятся.

Кто она теперь? Зверомастер... Когда-то она создала зверя-хранителя, белку, а теперь создала Яна, чтобы он помог ей выбраться из каменного дома на необитаемом острове, где умирает больная ведьма. Она создала Яна — Зверя-Защитника.

ЮПСИК

Они так и сидели рядом. Рами положила ладонь на его руку, на повязку на запястье. Ян все ей рассказал — о двух сутках в запертой сауне, о попытке утопиться в пруду... Нельзя сказать, чтобы ему стало намного легче, но — что сделано, то сделано, и он об этом не жалел.

И Рами слушала, не перебивая, как будто этот рассказ имел для нее какое-то значение. Он закончил свое повествование, и она тихо спросила:

— А ты кому-нибудь об этом рассказал?

Ян покачал головой:

— Нет... но они-то уверены, что рассказал. Во всяком случае, один из них. Торгни. Он звонил мне три дня назад. И он напуган, по голосу было слышно. Они уверены, что я наступал на них. — Ян опустил голову. — Я знаю, они ждут меня в школе. Они будут продолжать...

Он замолчал. Ему становилось страшно даже при мысли о Банде четырех. Он спрятался за колючей проволокой Юпсика — а им никуда не надо прятаться. Они на свободе, они счастливы, у них друзья. Много друзей. А у него только Рами.

— Если бы можно было... — продолжил Ян тихо. — Если бы было можно нажать кнопку... Если бы была такая кнопка — р-раз, и все кончено. Я даже и сопротивлялся-то не очень. Пока они тащили меня в сауну... думал, что лучшего я и не заслуживаю...

— Нет. — Голос Рами прозвучал неожиданно громко и решительно.

— Да.

Наступило молчание.

— Я ими займусь, — неожиданно сказала она.

— Как это?

— Пока не знаю... Но как только я уйду отсюда, я ими займусь.

— И когда же это будет?

— Скоро.

Ян посмотрел на нее и понял. Рами не сказала «когда меня выпишут», она сказала «когда я уйду». Она имела в виду побег.

— И как же ты уйдешь?

— У меня много знакомых.

Она встала, подошла к черной драпировке на стене и приподняла ткань. Там стоял старый черный телефон.

— Работает? — спросил Ян.

Она молча кивнула.

— Хочешь кому-то позвонить?

Ян отрицательно покачал головой. Звонить ему было некому.

— А я иногда звоню своей сестре в Стокгольм. И вообще... кому хочу, тому и звоню.

Ее уверенность заразила Яна.

— У меня есть школьный каталог. Можешь посмотреть на их фотографии. Имя, адрес — там все есть.

— Уже что-то...

Ян хотел сказать ей что-то, что прозвучало бы весомо, глубоко, благородно, но Рами его опередила:

— Кстати, и ты можешь кое-что для меня сделать.

— Что?

Она поднялась с загадочным видом:

— Пошли... я тебе покажу.

Рами вывела его в коридор, быстро огляделась и повела к ординаторской. Часы на стене показывали полседьмого, значит, сотрудники уже разошлись по домам. Дверь в ординаторскую заперта, но рядом с дверью висел большой плакат с десятком подписанных фотографий.

Рами показала на фотографию улыбающейся женщины с косой челкой в больших очках:

— Это она.

Ян тут же опознал женщину на снимке. Это была та, которую Рами называла Психобалаболкой. Под фотографией подпись: *Эмма Халеви, психолог.*

— Это она помешала нам закончить концерт? — спросил он. — И заперла тебя в Дыре?

— Она. И это она украла мой дневник.

Ян кивнул — он помнил ярость Рами.

— Она читала его. У меня была точно такая же тетрадь, как я тебе дала. Дневник. Я исписала пятьдесят страниц, но она его украла.

Ян не отводил взгляд от фотографии.

— Завтра меня здесь не будет, а когда меня не будет, сделай что-то, чтобы ей стало страшно. Напиши ей на письменный стол. Или намалюй что-то на ее двери. Сделай так, чтобы ей стало страшно.

— О'кей. — Ян постарался, чтобы это «о'кей» прозвучало как можно более убедительно.

— Сделаешь?

Он медленно кивнул, точно согласился выполнить секретное и очень опасное задание. Конечно. Ради Рами он сделает все, чтобы напугать Психобалаболку. По-настоящему напугать.

45

— И что, я должна жалеть этих выродков? — Лилиан засмеялась и сделала большой глоток пива из бокала. — Они с этим сами прекрасно справляются. Сидят там за решеткой

и жалеют себя до слез... и все, как один, утверждают, что невинны.

— Разве?

— А то! Все педофилы и убийцы совершенно ни в чем не виноваты, ты же знаешь. Ни один из тех, что сидит там за перти, ни разу не признал себя виновным.

Ян промолчал. Он не мог с этим согласиться.

В тот же день, когда Лилиан схватилась с заведующей, он пошел в бар «У Билла». И конечно же встретил там Лилиан. Она сидела за столиком поодаль. И то, как она покачивала головой, будто кобра перед укротителем, свидетельствовало: в баре она уже давно.

Лилиан даже не заметила появления Яна. И она была не одна — напротив сидела Ханна со стаканом минеральной воды. Вид у них был такой, точно они доверяют друг другу невесть какие секреты: склонили друг к другу головы и шепчутся.

За стойкой сегодня Аллан. Яну так и не удалось завести в Валле хотя бы одного приятеля, но имена барменов он выучил.

Он заказал безалкогольное пиво и поначалу решил не нарушать их уединения. Хотел выбрать место где-нибудь подалее от женщин, но как туда пройти и остаться незамеченным? Ханна-то трезва как стеклышко... И вообще, почему он должен прятаться?

Он пошел прямо к их столику:

— Привет.

— Ян! — Лилиан широко улыбается. Похоже, рада, что он прервал их беседу.

Блестящие глаза Ханны, как обычно, не выражают ровным счетом ничего.

— А что ты пьешь?

— Легкое пиво... Мне завтра работать.

— Легкое пиво? — Лилиан хохочет и поднимает свой бокал. — У меня тоже легкое, но потяжелей.

Ян и Ханна молча смотрят, как Лилиан, запрокинув голову, делает большой глоток пива.

Лилиан опускает голову, и Ян замечает, что настроение у нее далеко не из веселых. Она смотрит в пустой бокал, встряхивается и продолжает свой монолог. Видно, у нее это большая тема — она говорила про Санта-Психо и в первый раз, когда он встретил ее в «У Билла». «Люкс-отель», — назвала она тогда больницу.

— Мне, конечно, интересно было поначалу, кто там сидит, но я никогда их не жалела. Я хочу сказать, что если кто-то говорит, что не делал того, что сделал, никого не убивал, никаких детей не насиловал... как можно такого вылечить?

Никто не отвечает. Яну все больше кажется, что глаза ее похожи на глаза несчастных, которых он видел в подвале больницы: блестящие, без глубины, точно нарисованные.

Она ставит бокал:

— Мне надо в туалет.

Пытается встать и тут же садится — мешает край стола. Отодвигает стул и неверной походкой уходит.

— Сколько она выпила?

— Не знаю. — Ханна пожимает плечами. — Уже, типа, хороша была, когда я пришла... и при мне три больших.

Ян покачал головой.

— Жалко ее, — продолжила Ханна.

— Многих жалко... Лео, к примеру.

— Да, ты уже говоришь. — Ханна посмотрела ему в глаза. — Ты много думаешь о детях, правда?

— Мне есть до них дело... — Ян вспомнил, что рассказал Ханне про Вильяма, и побоялся, что она воспримет его слова как нравоучение, на которое он никакого права не имеет. Ну и пусть. — До детей всем должно быть дело, Ханна.

— Мне тоже есть дело до детей.

— Разве? Я думал, тебя больше волнует Рёссель.

Она покачала головой:

— Нет... Вернее да, до Ивана мне есть дело, но... ты просто не понимаешь, о чем идет речь, Ян.

— Нет. Наверное, не понимаю.

Он допивает пиво. Надо попрощаться и идти домой.

Но Ханна словно удерживает его взглядом. Похоже, она решила что-то ему рассказать.

— Речь идет об Иване Рёсселе и... и Лилиан.

— Лилиан?

Она по-прежнему не отрывает от него глаз и глубоко вдыхает, словно собирается нырнуть:

— Я общаюсь с Иваном ради Лилиан.

Ян, изготовившийся было встать, вновь опускается на стул:

— Прости... что ты сказала?

— Иван много чего может рассказать... он знает много. И я пытаюсь вытянуть из него кое-что.

— Что?

— Готова! — Лилиан изображает клич вставшего с горшка ребенка. — Дорогие дети, меня вам только и не хватало. В руке у нее большой бокал пива. Когда только успела... Широко улыбается.

— Там, в туалете, сидит девица и рыдает. — Она садится рядом с Яном. — Черт, вечно в дамских уборных кто-то рыдает... правда, Ханна? Ты не знаешь почему?

Ханна остановилась на полуслове, бросив на Яна многозначительный взгляд:

— Мы уходим, Лилиан. Пора по домам.

— Уже? — искренне удивляется Лилиан.

— Уходим и тебя забираем. Я вызову такси.

— А... а как же пиво?

— Мы тебе поможем. — Она берет ее стакан, делает большой глоток и протягивает Яну.

Он без всякого удовольствия допивает кисловатое пиво:

— Пошли, Лилиан.

Через четверть часа они сажают Лилиан в такси и садятся сами. Ханна объясняет водителю дорогу к небольшому таунхаусу к северу от центра. Окна в доме светятся, и Яну показалось, что в окне стоит мужчина и смотрит на подъехавшую машину.

Нет, не показалось. Он узнал его — это тот самый, что провожал Лилиан на работу.

— Вы такие добрые... такие милые...

Лилиан по дороге расчувствовалась. Обнимает Яна, целует Ханну в обе щеки и, покачиваясь, бредет к крыльцу.

— О'кей! — Ханна поворачивается к шоферу. — Отвезите нас, пожалуйста, назад в центр... в «Казино».

- В казино?! — Ян обалдело уставился на Ханну.
— Никакое это не казино. Название такое — «Казино».

«Казино» расположилось на неприметной улочке в центре. Здесь гораздо меньше народу, чем в «У Билла», и почти одни мужчины. Яну почему-то кажется, что это не случайность. Несколько человек, все около пятидесяти, смотрят на большом экране матч итальянской футбольной лиги с таким видом, будто их любимая команда безнадежно проигрывает.

Почти все столики пусты.

Ханна заказывает два стакана сока и садится подальше от стойки, в совершенно пустом углу.

— «У Билла» небезопасно, — объясняет она Яну свой выбор. — Там полно народу из Санкта-Психо.

— Разве? И как они выглядят?

— Настороже, — коротко отвечает Ханна и после короткого молчания начинает разговор: — Ивану Рёсселю нужно с кем-то общаться. Что здесь плохого?

— Может, и ничего... — Ян вспоминает слова доктора Хёгсмеда и добавляет: — Но, знаешь... если хочешь помочь заблудившемуся, легко заблудиться самому.

Ханна поджимает губы:

— Я вовсе не заблудилась и знаю, что делаю.

— И что ты делаешь? Я имею в виду, с Иваном.

Ханна смотрит в сторону и после паузы отвечает:

— Пытаюсь заставить его рассказать кое-что.

— Что значит — кое-что?

— Что ему известно про Йона Даниеля.

Йон Даниель... откуда-то Яну известно это имя. Откуда? Из газет?

— Йон Даниель Нильссон бесследно исчез шесть лет назад. Был на школьной танцевальной вечеринке в Гётеборге — и словно испарился. Последний класс гимназии... С тех пор его никто не видел. Но Иван... Иван намекнул, что ему кое-что известно про Йона Даниеля.

Ян вспомнил. Он как раз в то время жил в Гётеборге, всего-то в пяти или шести кварталах от здания гимназии, где была вечеринка. Рёсселя подозревали в причастности к этому исчезновению, но признания так и не добились.

— А что у тебя общего с Йоном Даниелем?

— У меня — ничего. У Лилиан. Я же сказала.

— А Лилиан как в этом замешана?

— Йон Даниель — ее младший брат. Она и устроилась в подготовительную школу, чтобы установить контакт с Рёсселем. Наконец ей это удалось, и она попросила меня помочь... Другой вопрос, что с ней будет после всего этого. Как бы она не сломалась.

46

Уже половина третьего ночи, а Ян все еще сидит за компьютером. Ищет в Сети все, что относится к истории Йона Даниеля. Криминальная хроника за много лет. Йону Даниелю Нильссону было девятнадцать лет, когда он исчез с гимназического танцевального вечера. Кто-то из приятелей угостил его контрабандной водкой. Он сильно опьянел, его стошнило. Вышел из танцевального зала один — проветриться, проtrzeветь, а может, решил пойти домой. После этого его никто

не видел. Искали родители, искала полиция, но Йон Даниель как в воду канул.

Загадка так и осталась загадкой. Подозревали Рёсселя, но он ни в чем не признавался. Если верить Ханне, только в последние недели Рёссель стал намекать, что именно он последним видел мальчика в живых.

Ян читает и читает. Уже в глаза как песка насыпали, и вместо лица Йона Даниеля он видит перед собой мордашку пятилетнего Вильяма Халеви.

Пора кончать. Он выключает компьютер и ложится в постель.

На следующее утро Ян идет на работу с тяжелой головой. Лириан на месте. Они устало кивают друг другу.

— Все хорошо, Лириан?

Она в ответ мычит что-то нечленораздельное.

Похоже, опять с похмелья. Наверняка с похмелья, но Ян смотрит на нее совсем другими глазами. Она — жертва. Родная сестра исчезнувшего юноши.

Он хочет поговорить с ней, но из кухни слышится голос:

— Ян! Ты не мог бы подняться наверх за Матильдой?

Мария-Луиза.

— Конечно.

Он знает ее установку. Все должны быть чем-то заняты.

Отвести — привести. Сегодня несколько человек, но теперь он воспринимает эти визиты в подземный туннель как нечто само собой разумеющееся. Распорядок дня. Матильда, вслед за Матильдой — Лео.

Но с Лео рутинной работы не бывает. В лифте Ян касается его плеча:

— И что вы будете делать?

— Играть в карты.

— Ты уверен?

Лео кивает:

— Папа всегда играет со мной в карты.

— Попроси его что-нибудь рассказать.

Лео кивает. Но вид у него далеко не уверенный.

Какой-то безрадостный день. С Лилиан поговорить так и не удалось — все время какие-то дела. И она не проявляет никакого желания, даже не смотрит на него — все время с кем-то из детей. Но Лилиан не играет с ними — сидит и смотрит, иногда нехотя погладит кого-нибудь по голове, но такое ощущение, что ей трудно поднять руку.

Ханна тоже его почему-то избегает, она почти все время в кухне. Только Мария-Луиза настроена на разговоры.

— Как замечательно, что все это позади.

— Что?

— Эти ночные смены... Все утряслось, мы нашли для детей замечательные семьи. Я так за них рада!

— Думаете, у них все будет хорошо?

— Я не думаю. Я знаю.

— Меня немного беспокоит Лео. Он такой беспокойный...

— И у Лео все будет хорошо.

Ян внимательно смотрит на начальницу. Ой ли... все будет хорошо? У всех все будет хорошо?.. У большинства — да, но не у всех. Такие дети часто взрослеют с серьезными пси-

хическими проблемами. Многие прозябают в бедности, некоторые становятся преступниками. Это статистика, против статистики не возразишь.

И что это значит? Что их работа в «Полянке» — полная бессмыслица?

Без четверти шесть Ян в кухне. Все свидания закончились, и он заряжает последнюю партию тарелок в посудомоечную машину. Надо поторопиться — Лилиан уже в раздевалке. Ян гасит свет и почти успевает ее перехватить, но она уже хлопнула дверь.

Он запирает «Полянку» и почти бегом пускается ее догонять.

На улице ноябрьский промозглый холод, очень ветрено. Ян оглядывается — фигура в темной куртке направляется к центру. Он прибавляет шаг.

— Лилиан?

Она, не останавливаясь, поворачивается и смотрит на него потухшим взглядом:

— Что, Ян? В чем дело?

Первый импульс — пригласить ее в «У Билла», но он быстро гасит его. Ему вовсе не хочется туда идти.

— Можно с тобой поговорить?

— О чем?

Ян оглядывается. Из стальной двери в стене появляются две мужские фигуры. Судя по всему, дневная служба безопасности закончила смену.

На остановке люди ждут автобус. Глаза, которые видят, уши, которые слышат.

— Давай пройдемся вместе.

Лилиан особой радости не проявляет, но и не возражает. Они проходят мимо остановки и идут дальше.

Идут молча довольно долго.

— Хочешь поговорить о нашей подготовительной школе?.. Например, что еще мы можем сделать для детей?

Усталый, невеселый смех.

— Нет уж, спасибо. Я хочу домой.

— Тогда о Ханне...

Она идет, нисколько не замедляя шаг.

— Или об Иване Рёсселе.

Лилиан останавливается так резко, как будто наталкивается на невидимую стену:

— А ты его знаешь?

Ян качает головой и понижает голос:

— Мне Ханна кое-что рассказала.

Лилиан молчит. Прежде чем начать говорить, долго и внимательно смотрит на каменную громаду больницы.

— Я не могу говорить... сейчас не могу.

— Ну что ж... мы можем встретиться и позже.

Она задумывается. Или делает вид, что задумывается.

— Ты свободен завтра вечером?

Ян кивает. Свободен.

— Приходи ко мне домой. Часов в восемь.

— Поговорим?

Лилиан кивает.

— Обо всем?

Опять кивок. Она смотрит на часы:

— Мне надо домой, меня ждет старший брат... Мужа-то у меня нет... — Она делает несколько шагов, потом останавливается. — А ты знаешь, почему мы развелись?

Ян не отвечает. Он и не ждет объяснений, но она все равно продолжает:

— Он решил, что я одержима Иваном Рёсселем.

47

В четверг после ланча пошел первый снег. Тяжелые, влажные хлопья медленно падали с неба и постепенно засыпали двор «Полянки», причудливыми белыми языками ложились на автопокрышки качелей и песок в песочнице.

Ян долго смотрел в окно и пытался вызвать в душе отзвук детской радости: первый снег! Зима... что для него зима? Дополнительные, трудно снимаемые и еще труднее надеваемые одежды для детей. Нижние сорочки, шерстяные носки, неуклюжие влагонепроницаемые штаны на помочах, шапочки с наушниками... пока соберешь всех на прогулку, пора возвращаться. Режим!

Дети становятся похожи на маленьких роботов, с трудом передвигающихся по заснеженному двору.

Но куда денешься? Он терпеливо одевает детей и выходит с ними во двор. За его спиной Андреас и Мария-Луиза подшучивают друг над другом, смеются чему-то... у них сформировалась настоящая команда.

Ханна и Лилиан вышли покурить. Но эти не смеются. Шепчутся о чем-то, наклонившись друг к другу. Еще одна команда.

Мария-Луиза и Андреас.

Ханна и Лилиан.

Ян ни в какую команду по-настоящему не принят, поэтому он почти все время посвящает детям.

— Посмотри сюда, Ян! Посмотри сюда.

Малыши хотят, чтобы он посмотрел на их достижения: как ловко они качаются на качелях, какие замечательные замки строят из песка пополам со снегом. Ян хвалит их, помогает, но все время косится на Ханну и Лилиан. Ему очень хотелось бы услышать, о чем они разговаривают.

На крыльце появляется Мария-Луиза. Сигареты тут же гасятся, разговоры прекращаются. Ханна и Лилиан помогают собирать детей, но продолжают обмениваться многозначительными взглядами, как настоящие заговорщики.

Мария-Луиза, похоже, этого не замечает. Стоит на крыльце рядом с Яном и улыбается марширующим с прогулки детям:

— Какие умницы... — Она смотрит на Стену, и улыбка исчезает с ее лица. — Ты боялся чего-нибудь, когда был маленький, Ян?

Он отрицательно качает головой. Нет. Когда он был маленький, он ничего не боялся. Даже атомной бомбы. Ничего и никого не боялся, пока не повстречался с Бандой четырех.

— А вы?

— Нет... Я жила в маленьком городке. Там никто даже двери не запирает. Ни воров, ни грабителей... вообще никаких преступников. По крайней мере, об этом не говорили. Но там был приют для умалишенных, их отпускали иногда в город. Одежда у них была странная, так что сразу видно, откуда они появились. Вид вполне добродушный, мне нравилось с ними здороваться в автобусе — они были счастливы с кем-нибудь поговорить.... А остальные... сидит какой-нибудь, прямой, как кочерга, и смотрит перед собой, если, не дай бог, сумасшедший войдет. Боялись их... А мне каза-

лось, они очень добрые... — Она посмотрела на Яна. — Я здоровалась, они отвечали.

— И правильно, — одобрил Ян.

Мария-Луиза опять посмотрела на Стену и продолжила — очень тихо, будто сама с собой разговаривала:

— Все так ужасно стало... какие опасные люди есть на земле.

— А мы... мы своего рода спасатели.

Ян сказал это очень тихо, и начальница, похоже, его слов не услышала.

В тот же вечер Ян делает еще одну попытку наладить контакт с Рами. Притворяется, что идет домой после смены, но на полпути сворачивает, гуляет в квартале вилл — ждет, пока в больнице угаснет дневная суeta. Потом, опять не прямым путем, добирается до знакомого валуна над ручьем.

Снимает рюкзак, достает Ангела и включает, не сводя глаз с каменной громады клиники. Четвертый этаж, седьмое окно справа. Оно светится, как и в тот раз, но людей не видно.

— Белка, Белка, — шепчет он в передатчик.

Ничего не происходит. Свет горит, как горел.

Он пробует еще раз. Если Рами нет в палате или она спит, то почему включен свет? Или он всегда включен?

В конце концов он прекращает свои попытки, кладет Ангела в рюкзак и уходит. В этот четверг, в этот первый по-настоящему зимний день, он чувствует себя глубоко несчастным. Мало того — отверженным. Всеми отверженным. Ну, может быть, не всеми — дети его очень любят, но если играть с ними слишком много... тоже, наверное, подозрительно.

Подозрения ему ни к чему. Тогда Мария-Луиза не будет спускать с него глаз, так же как она не спускает глаз с Лириан.

О чем они говорили там, Лилиан и Ханна, на заснеженном газоне «Полянки»? О чем они вообще все время шепчутся? И почему замолкают, когда он появляется?

Домой он не идет. У него назначена встреча с Лилиан. Они должны поговорить об Иване Рёсселе.

48

Он поднимается на крыльцо таунхауса, звонит в дверь и ждет. Ждет и прислушивается. В доме слышны голоса — похоже, работает телевизор.

Открыла не Лилиан, а ее старший брат. Ян так и не знал его имени. Он кивнул Яну и крикнул через плечо:

— Минти!

Звук телевизора стих. Лилиан ответила что-то неразборчивое.

— Минти! Твой приятель по работе пришел.

Повернулся и ушел, даже не посмотрев на Яна. Через минуту в прихожей появилась Лилиан.

— Тебя зовут Минти?

— Иногда.

— Почему?

— Все время сосу мятные таблетки. — Она еле заметно усмехнулась. — Для свежести дыхания.

И голос тоже какой-то безжизненный. Но на этот раз Лилиан трезва. Она провела его в кухню и открыла холодильник. Ян успел заметить какие-то темные бутылки, но на столе появилось молоко.

— Хочешь горячего шоколада?

— С удовольствием.

Она ставит кастрюльку с молоком на плиту.

Садятся за стол. Где же веселая, разбитная Лилиан из бара «У Билла»? С кокетливой змейкой на щеке? Ее нет. Ян никогда не видел ее такой усталой, такой погасшей. Она ставит на стол две кружки с шоколадом:

— Значит, Ханна рассказала про Ивана Рёсселя.

— Рассказала.

— Что он сидит в Санкта-Психо?

— Да. Я много читал о нем.

— Еще бы не читал! Он же знаменитость. Суперзвезда...

А жертвы преступления остаются никому не известными... Кому охота говорить с человеком, который все время плачет... Так что мы горюем в тишине, а убийцы становятся кумирами.

Ян не возражает.

— А с Марией-Луизой ты тоже говорил на эту тему?

— Нет. Только с Ханной.

— Слава богу... — Лилиан шумно выдохнула и, как показалось Яну, немного оживилась. — Это хорошо. Мария-Луиза тут же передала бы руководству.

Они помолчали.

— А что передавать? — осторожно спросил Ян.

Лилиан ответила не сразу — очевидно, обдумывала, что говорить, а что — нет.

— Встреча... Мы хотим организовать встречу с Рёсселем. Ханна все организовала, ей помог один из охранников.

— Встречу? На какой предмет?

— Мы хотим получить ответ... попытаться заставить Рёсселя заговорить.

— О чем?

— О Йоне Даниеле.

— О твоём брате?

Она печально кивает.

— Его уже нет.

— Я знаю... я о нем читал.

Она вздыхает.

— Я должна узнать, почему и как все произошло. — Она не поднимает глаз. — А ответа нет. Все... все во мраке. Все время кажется, что это все не на самом деле, что ты спишь. У меня несколько месяцев было такое ощущение. А потом поняла, что не сплю... что его и в самом деле нет. Думала, пройдет, ан нет. Не проходит. Грызет и грызет. А с отцом еще хуже. Он уверен, что Йон Даниель жив. Сидит и ждет у телефона... Каждый день.

Ян не перебивает. Он чувствует себя, как психолог. Как Тони.

— Но ведь Рёссель не давал признательных показаний? — тихо спросил он, когда Лилиан надолго замолчала.

— Рёссель — психопат. Он неспособен чувствовать вину, поэтому и не признается. Рассказывает полуправду, потом отказывается от своих слов. Единственное, что ему нужно, — всеобщее внимание. Для него это игра.

— Ты его ненавидишь?

Она посмотрела на Яна с внезапной злостью:

— Йон Даниель погиб, ему было отпущено всего девятнадцать лет жизни. А Рёссель даже не наказан. О нем позаботились. У него бесплатное жилье, бесплатное питание... он здесь неплохо устроился, в Патриции.

Ян вспоминает бесконечные пустынные коридоры:

— Ты уверена, что там все так уж хорошо?..

Она кивает:

— Особенно для таких «звезд», как Рёссель. Он получает лечение, лекарства, ходит на психотерапевтические сеансы...

врачи греются в лучах его славы. А Йон Даниель... он лежит где-то, мертвый и всеми забытый. И моя жизнь катится под откос. Горе, ненависть... человек иссыхает. День за днем.

Поэтому ты и пьешь так много? — чуть не спросил Ян, но удержался. Ему очень хорошо понятно, какие чувства вызывает Рёссель в душе Лилиан. Он и сам испытал когда-то нечто похожее — к Торгни Фридману и Банде четырех.

— Так, значит, ты устроилась в подготовительную школу из-за Йона Даниеля?

— Думала, сама смогу разыскать Рёсселя... но не вышло. Наконец решилась и попросила Ханну. У нее что-то получается.

— А ты за нее не беспокоишься?

— Что она ходит в клинику? Нет... она же лично не встречается с Рёсселем. Обменивается записками. Никакого риска.

Ян не возражает.

— Никто, кроме Ханны, даже не знает, что я сестра Йона Даниеля. В газетах мое имя, как мне кажется, даже не упоминали, никаких интервью я не давала. Все это досталось родителям. Они держали его школьное фото и рыдали прямо в камеру. Умоляли: если кто хоть что-нибудь знает, сообщите! Сообщите! Никто ничего не сообщил... и нас постепенно забыли.

Она глубоко, с всхлипом, вздохнула.

Ян постарался быстро осмыслить ее рассказ. Ханна обменивается записками с Рёсселем...

— И что хочет сам Рёссель? Выйти на свободу?

Лилиан яростно поджимает губы. Она уже не такая безвольная, как в начале разговора.

— Рёссель не выйдет на свободу. Он на это рассчитывает, но на свободу он не выйдет. Он только поговорит с нами.

— Когда?

— В следующую пятницу. Вечером. В больнице будут пожарные учения.

Ян кивает.

— Будут репетировать экстренную эвакуацию. Все пациенты должны покинуть палаты. Так что в коридорах будет давка.

Ян вспомнил пустые взгляды больных в подвале. Больных из открытого отделения, которых он в полутьме принял за мешки.

— И что будет с Рёсселем?

— Охранник, с которым Ханна знакома... Карл пропустит Рёсселя в комнату свиданий.

— Где вы его будете ждать?

— Мы встретим его там и поговорим. Пусть расскажет, куда дел тело Йона Даниеля.

— Ты и вправду на это надеешься?

— Я не надеюсь, я знаю. Он обещал Ханне.

Ян сомневается:

— А если все пойдет наперекосяк?

— Все может быть... но мы постарались исключить всякий риск. Нас четверо, я, брат и двое друзей. Предусмотрели все. Я несколько раз приводила брата в «Полянку». Для, так сказать, рекогносцировки.

— Вечером?

— Да.

— Дети его видели.

— Ну да?

— Мира видела мужчину, он стоял около ее кровати. Так что вы не так уж осторожны, как вам кажется.

— Достаточно осторожны. — Она внимательно смотрит на Яна. — Теперь ты все знаешь. Ты с нами?

— Я? В каком смысле?

— Можешь помочь? Скажем, тому, кто будет стоять на стрёме?

— Не знаю... надо подумать.

Пациенты покидают палаты. Давка в коридорах. И Рами, конечно, тоже выпустят из палаты, как и всех остальных.

На следующее утро у Яна заказано время в домовой прачечной. Он спускается в подвал, раскладывает белье на столе — светлое отдельно, темное отдельно — и загружает две машины. Включает обе и поднимается к себе. По пути ему попадает табличка «ЛЕГЕН», и он останавливается. Не стоит, наверное, больше его беспокоить. Но вдруг он осознает, что Леген ему симпатичен. Сам по себе.

И звонит в дверь.

Не сразу, но дверь открывается.

— Привет! Хотел спросить, как дела.

— Нормально.

Леген не приглашает зайти, но и не уходит.

— Не хотите выпить кофе?

Пора уже хоть чем-то отблагодарить Легена за дважды занятый сахар. Но Леген задумчиво чешет в затылке.

— Темной прожарки? — неожиданно спрашивает он.

Ян растерялся:

— Что?

— Я спрашиваю — зерна темной прожарки?

— Да... думаю, да.

— Тогда хочу.

Он берет с пола пластиковый пакет и выходит на лестничную клетку, будто только и ждал, что его пригласят выпить кофе.

Они поднимаются к Яну.

— Тесновато. — Леген с любопытством осматривает составленную по стенам мебель.

— Это не мое, — вздыхает Ян и идет в кухню.

Через десять минут кофе готов, Леген сидит за столом. Ян достает из шкафа сладкие сухари.

— Как дела с вином?

— Крепкое... крепчает и крепчает.

Интонация довольная. Интересно, сколько ему лет? Наверное, семьдесят или около этого. Он ушел на пенсию года четыре назад. Или пять. Так что наверняка около семидесяти.

Они пьют кофе в молчании.

Внезапно Ян вскакивает — он же должен забрать белье в прачечной! Наверняка уже готово.

— Посидите пять минут.

На лестничной площадке он сталкивается с другой соседкой. Пожилая женщина. В руках у нее ворох белья, и выражение лица кислое — кислее не бывает. Очевидно, ее очередь вслед за Яном, и она пришла напомнить, чтобы он освободил машины.

— Извините... я прозевал время.

Она хмуро кивает. Ян бежит в прачечную, но она останавливает его вопросом:

— Значит, вы с ним приятели?

— С кем — с ним?

— С Вернером Легеном.

— Приятели? — Ян говорит тихо, чтобы Леген не услышал. — Не знаю... пару раз разговаривали.

— И вы у него были дома?

— Да... приходил попросить сахар. У меня кончился, а купить забыл.

Он улыбнулся, но тетка сохраняет похоронную серьезность.

— А у него оружие дома есть?

— Оружие? — оторопел Ян. — Какое оружие?

— Ножи, ружья... Я, как соседка, беспокоюсь.

Ян не очень понимает причины беспокойства, но на всякий случай кивает.

— Ну нет, вряд ли... — отвечает тетушка сама себе. — С годами-то...

И направляется вниз по лестнице. Ян после секундного размышления решает спросить:

— А раньше у него было оружие?

Она останавливается:

— Здесь-то нет... здесь он... нет.

— А в другом месте?

Она смотрит на него как на помешанного:

— Вы что, никогда не слышали, что он натворил в Гётеборге?

— Что?

— Он поубивал кучу народу. Что-то на него нашло. Бежал и убивал людей прямо на улице, среди бела дня, одного за другим. Ножом пырлял.

Ян оцепенел:

— Леген? Убивал прохожих?

— В доме все знают. Никто не хотел, чтобы он сюда вселился. Надо было оставить его в Санта-Психо.

— Оставить? — Ян уставился на нее с изумлением. — Он же *работал* там? В прачечной?

— В последние годы — да. Но там у них работает много бывших пациентов, насколько я понимаю... Эдакая смесь психов и докторов. А может, и доктора такие же.

Она опять вздохнула и пошла вниз.

Ян бежит за ней, быстро освобождает машины и возвращается.

Что это? Дверь в его квартиру приоткрыта. Он забыл ее захлопнуть.

Леген наверняка слышал их разговор.

И что делать? Как себя вести?

Старик так и сидит за кухонным столом. Подлил себе кофе — кружка почти полная.

— Пришел, значит..

Он раскурил свою трубку, пока Ян отсутствовал, но вид у него невеселый.

— Я слышал, что эта ведьма тебе говорила... так орала, что весь дом слышал. Глухая она, что ли?..

Ян не знал, что сказать. Тихо прошел к столу и сел. Почему-то ему трудно оторвать взгляд от правой руки Легена. В этой руке в тот роковой день был нож.

Но надо же что-то сказать...

— Вам нравилось работать в больнице?

Леген молча посасывает трубку.

— Я хочу сказать... вы же там провели очень много времени.

— Всю жизнь. — Леген выпустил наконец густой клуб довольно ароматного дыма. — Но я никого не убивал. *No, nein, njet...* Я и попал-то сюда из-за мамы.

Ян молча ждал продолжения.

— Мамаша была гулящая... у детей отцы все разные. Тридцатые годы... пила как подорванная, снимала парней по кабакам и нисколько этого не стеснялась. Ее и поместили в Патрицию, вроде бы лечиться от алкоголизма. В те годы Патриция была обычной психиатрической лечебницей. Общего, так сказать, профиля. А я еще ребенком был, ну и меня заодно сюда сунули. Здесь и остался.

— Значит, вы никого... ножом не пыряли?

— Сплетни, — коротко сказал Леген. — Сплетни потому и сплетни, что никогда не кончаются.

Ян кивает. *Людям надо доверять.*

— Тогда у меня есть вопрос... — медленно говорит он. — При пожарной тревоге... ну, если там, наверху, начнется пожар, что делает персонал прачечной?

— Это мы знаем, тренировались. — Леген отвечает так, будто он и до сих пор там работает. — Если не задохнемся от дыма, должны выключить машины и идти к выходу.

— Значит, лифтом не пользуетесь?

— А кто будет пользоваться лифтом, если он горит?

Оба замолкают. Леген прячет недокуренную трубку, достает из пластикового пакета литровую бутылку желтоватой жидкости и ставит на стол:

— Выпей. Может, не из самых удачных. Но сойдет... Все равно на выходе моча.

— Спасибо...

Опять тишина.

— Хочешь кого-то вытащить оттуда? — неожиданно спрашивает Леген.

— Нет, что вы! — машинально восклицает Ян. — Нет, я только хочу...

— Если да, то выбирай, кто заслужил... Таких немало. Многих так называемых больных надо бы поменять местами с идиотами здесь, на улицах. С этой ведьмой, к примеру.

ЮПСИК

Побег не удался. Ян понял это, когда услышал шум, крики в коридоре. И звук разбитого стекла.

Он прислушивался к суматохе за дверью, но ничего не предпринимал. Сидел и лихорадочно продолжал рисовать очередную серию о Затаившемся и Банде четырех. Крики, бег, звон и хруст осколков.

Где-то громко хлопнула дверь. Опять крики. Многоголовые, целый хор.

И все затихло.

Он подождал немного и осторожно выглянул в коридор.

Никого.

Постучал в дверь Рами — никто не ответил.

Теперь-то он знал, куда они ее отвели.

Спустился в подвал, огляделся и побарабанил костяшками пальцев в запертую дверь Дыры:

— Рами!

— Я здесь. — Голос, приглушенный толстой дверью.

— Что случилось?

— Меня заметила одна... и заверещала. Знаешь, как при видения верещат? Я ее ударила...

Она говорит про одну из бледных девчонок в отделении, сообразил Ян. Пациентка Юпсика.

— Значит, санитары изловили Белку...

— Они сразу меня схватили... я даже во двор не успела выскочить. Я отбивалась, кусалась, но их было четверо. Как в твоей банде, Ян.

Что на это сказать? Никого не победишь, Рами. Мы обречены на поражение.

Так он, во всяком случае, считал, пока не встретил Рами.

— И сколько они будут тебя здесь держать?

— Не сказали... Может, несколько лет. Но какое это имеет значение? Я знаю, что делать, когда выйду отсюда.

Больше вопросов Ян не задавал. Он знал, что Рами не сдастся никогда. Он долго сидел около двери и ждал. Чего? Он и сам не знал. Ему казалось — он, сидя здесь, перед запертой дверью, каким-то образом поддерживает Рами.

— Если ты опять задумаешь бежать... я с тобой, — сказал он наконец.

— Правда?

— Да.

Правда. Он не хотел покидать свое убежище в Юпсике, но с Рами был готов идти на что угодно и куда угодно.

— А ты знаешь, куда я поеду?

— Куда?

— В Стокгольм. Там моя старшая сестра.

— Так...

— Организуем группу. Будем давать концерты на площади Сергея. На собранные деньги запишем альбом.

— А как же наш договор?

Она помолчала там, за дверью.

— Этим можно заняться и позже... ты можешь выполнить свою часть договора и позже. И я выполню, будь уверен.

— О'кей, — сказал Ян и встал. — Мне надо идти, Рами... у меня беседа.

— Ну да... у тебя своя психобалаболка. Только дядька.

— Да... но он нормальный. Слушает.

— Я тоже тебя слушаю.

— Я знаю.

— Придешь вечером ко мне, если они меня выпустят?

Ян густо покраснел. Как хорошо, что она его не видит.

— Я... — начал он.

Я люблю тебя, Рами, — вот что он хотел сказать. И не сумел.

— Почему вы нас запираете?

— Запираем? — спросил Тони.

— В подвале ... в Дыре.

— Только в тех случаях, когда кто-то ведет себя буйно. Чтобы защитить ребят от самих себя. Мы же не навечно изолируем пациентов. Временно. Ждем, пока они придут в себя... вообще все вы здесь временно. — Он наклонился к Яну: — А как ты себя чувствуешь?

— Нормально...

— Подружился с кем-нибудь?

— Не знаю... может быть.

— Очень хорошо. А как с деструктивными мыслями, которые у тебя были? Все прошло?

— Думаю, да... — неуверенно сказал Ян.

— Скоро домой?

Они хотят от меня избавиться. *Все вы здесь временно.*
Его место нужно еще кому-то.

— Не знаю...

— Не знаешь... Но ты же не можешь оставаться здесь вечно?

Ян промолчал.

Если бы у Рами сработал план побега... если бы ее с ним не было, тогда почему бы не остаться в Юпсике на всю жизнь? Никогда больше не встречаться с Бандой четырех...

— Поедешь домой, опять пойдешь в школу. Тебя ждут друзья, начнется новая жизнь. И подумай, кем бы ты хотел стать.

— Кем бы я хотел стать?

— Да... какую профессию тебе хотелось бы иметь?

Ян никогда об этом не думал, но ответил почти сразу:

— Наверное, учителем.

— Почему?

— Заботиться о детях. Защищать их.

После беседы с психотерапевтом Ян долго бродил по коридорам. Скоро ужин, из телевизионной комнаты доносились неразборчивые голоса. Он спустился в подвал, но дверь в Дыру была открыта настежь. Рами выпустили.

Через четверть часа она пришла в столовую. Самой последней. Ян уже сидел за столиком у окна и с удовольствием ел спагетти с мясным соусом. Он поднял голову, но Рами не села рядом с ним — выбрала столик в углу. В последние дни они никогда не садились вместе. Никогда об этом не говорили, но оба не хотели, чтобы об их дружбе знал кто-то еще из больных или сотрудников Юпсика.

Но она все равно на него многозначительно поглядывала..

После ужина Ян вернулся в свою палату и долго сидел, ни о чем не думая. Смотрел на белую стену и ни о чем не думал. Ни о чем.

Скоро домой.

Но он вовсе не хотел домой... *Тебя ждут друзья.* Никакие друзья его не ждут. Только Банда четырех.

Через полчаса Ян услышал, как открылась и закрылась дверь в соседней палате.

Выждал немного.

В девять часов свет в коридоре погас. Горели только плафоны приглушенного дежурного света.

В четверть десятого он выскользнул из палаты и подошел к двери Рами.

Оттуда доносилось неразборчивое бормотание — Рами говорила с кем-то по украденному телефону. Он подождал, пока разговор закончится, и осторожно постучал.

Она чуть приоткрыла дверь. Совсем чуть-чуть, узенькая щелочка. Хотела, наверное, убедиться, что это он, а не кто-то другой.

— С кем ты говорила?

— С сестрой. Говорит, она меня ждет. Я ей нужна.

— Значит, ты в Стокгольм?

— Ты же знаешь.

— Когда?

— Завтра. Рано утром. Ты приедешь?

Ян кивнул и вынул из кармана записку:

— Здесь мой адрес... Они говорят, мне пора домой, так что все равно... Они хотят выписать меня из Юпсика.

Рами сунула записку в карман джинсов и пристально посмотрела на Яна:

— А ты *хочешь* остаться здесь?

— Иногда... Здесь спокойно. И ты здесь.

Она подняла руки и обняла его:

— Мы отомстим Балаболке и твоей Банде четырех. Обещаю.

49

ЧУДОВИЩНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ У ЛЕСНОГО ОЗЕРА

Ян сидит у себя дома и читает заголовки в старой газетной вырезке. Снова и снова.

Чудовищное преступление... Что имел в виду журналист? Преступление, совершенное чудовищем. То есть существом не таким, как мы. Не таким, как *я*, который пишет эту статью, и не таким, как *ты*, который ее читает.

Кем-то другим. Но кем?

Вечер пятницы. Он вернулся с работы. До пожарных учений ровно неделя. План Лилиан — припереть Ивана Рёсселя к стенке в комнате для свиданий — нисколько не изменился. Они с Ханной теперь шепчутся не только друг с другом, но и с Яном тоже. Какой смысл что-то от него скрывать, если он и так все знает? Лучше удостовериться лишний раз, что он по-прежнему их поддерживает.

Ян видел главного врача. Ехал на велосипеде с работы, а доктор Хёгсмед шел широким шагом. Узнал Яна и поднял руку. Ян улыбнулся в ответ.

Хёгсмед исчез за стальными воротами. Наверное, пошел в свой кабинет проверять на ком-то другом свой шапочный тест.

Хёгсмед наверняка замечательный психиатр, но ведь он и понятия не имеет, что происходит по ночам во вверенной ему судебно-психиатрической лечебнице!

Не знает, что из «Полянки» в больницу ведет подземная дорога, не знает про тайную переписку и встречи в комнате свиданий. Уверен, наверное, что в Санта-Патриции все идет точно по плану, составленному им и его начальством.

Но ведь это в самой природе человеческой природы — нарушать правила. Ян в этом уверен — и дети, и взрослые постоянно испытывают потребность делать не только то, что им разрешено.

Что ж... осталась неделя. Время не остановить.

Он нашел нужную картонную коробку и достал дневник — ту самую тетрадку, что когда-то подарила ему Рами. Вернее, не подарила, а взяла со склада в Юпсике и отдала ему.

На первой странице приклеен поляроидный снимок, тот самый, что Рами сделала в первый же день их знакомства. Странно... каким юным и здоровым он выглядит, несмотря на то что смерть побывала у него в гостях за сутки до этой фотографии. Чуть не погибший от обезвоживания в сауне, одуревший от снотворных, весь в крови от бритвенных порезов и чуть не утонувший в пруду. Все это было за двадцать четыре часа до того, как Рами вошла к нему в палату. И все же он приподнял голову и смотрит прямо в камеру...

В дневнике не только его записи. Там хранятся и сложенные в несколько раз газетные вырезки. Может, именно из-за этих вырезок он и сохранил дневник. Иногда, по вечерам, Ян доставал дневник и перечитывал слегка пожелтевшие листки.

Сразу за обложкой тетради лежал газетный разворот с большой черно-белой фотографией, сильно увеличенной, судя по ряби: крутая скала торчит над водой.

ЧУДОВИЩНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ У ЛЕСНОГО ОЗЕРА

А дальше подзаголовок.

Два мальчика убиты на пикнике

Ян перечитывал эту заметку уже пятнадцать лет и знал текст почти наизусть.

Два мальчика, пятнадцати и шестнадцати лет, были убиты вчера неизвестным преступником. Они спали в палатке на скале у лесного озера недалеко от Нордбру.

Убийца, по данным полиции, свалил палатку и наносил ножевые удары прямо через ткань, после чего свернул палатку, подкатил к краю скалы и сбросил в воду. Тяжело раненные юноши не смогли выбраться из палатки и погибли от утопления.

Дальше шли еще две колонки текста: интервью с полицейским комиссаром и всякие журналистские рассуждения и догадки.

Была и еще одна вырезка.

ТРЕТЬЯ ЖЕРТВА

Мальчик с тяжелыми черепно-мозговыми травмами найден у дороги

Неизвестный водитель легкового автомобиля сбил шестнадцатилетнего юношу и скрылся с места происшествия. Юноша найден в среду утром в канаве недалеко от Нордбру. Без сознания, с разбитой головой, переломанными ногами и множеством ссадин. Его, по-прежнему в бессознательном состоянии, перевезли в Западный госпиталь.

Полиция не исключает связи с двойным убийством на озере менее чем в километре от дороги.

– Возможно, три мальчика решили переночевать в палатке в лесу. Кто-то напал на них с ножом, – предполагает комиссар Ханс Торстенссон из местной полиции.

Нельзя исключить, что все три преступления совершены одним и тем же человеком. Он зарезал двоих, а потом сбил машиной третьего, попытавшегося убежать с места преступления. Однако такую гипотезу комиссар Торстенссон предпочитает не комментировать.

– Следствие будет продолжаться, пока не будут получены ответы на все вопросы, – сказал он.

Интересно, помнит ли кто-нибудь еще про эту историю? Дело было, ни больше ни меньше, пятнадцать лет назад. Родные погибших? Они-то, само собой, помнят, но жизнь идет дальше. Родители, братья и сестры продолжают жить. Они не забыли, но как-то преодолели горе. Более или менее.

Но не все. Лилиан, к примеру, так и не смогла вернуться к нормальной жизни.

Полиция, несмотря на обещания комиссара, через пару лет сдала дело в архив. А может, и раньше. Сложили все материалы в папку и отправили на полку, где хранятся дела о нераскрытых преступлениях.

И вполне возможно, никто, кроме Яна, об этом не помнит.

Один инвалид, двое убитых.

Но кем?

Этот вопрос не оставлял Яна все эти годы. Чувство облегчения понемногу исчезло, и остались вопросы.

Он давно уже ничего не писал в дневнике. Но сейчас, перелистав, находит чистую страницу и пишет отчет. Подробный отчет для себя самого. О «Полянке», о людях, о его тайных ночных посещениях Патриции. Обо всем. И заключает вот чем.

Я приехал в Валлу, чтобы найти Рами, но не только за этим. Я работаю с подранками, несчастными детьми, и стараюсь делать все, чтобы им было хорошо.

Еще мне хотелось начать жить настоящей жизнью, завести друзей, но ничего не получается. Возможно, потому, что между мной и остальным миром стоит Рами.

В этом он никогда Рами не признается. Но поговорить с ней он обязан, и чем быстрее, тем лучше.

Ян смотрит на часы. Четверть десятого. Еще не поздно для велосипедной прогулки.

Лилиан готовится к пожарным учениям. Ян тоже.

50

Ночное небо над больницей затянули черные тучи, начал моросить дождь. Ян то и дело вытирает со лба ледяные капли. В поисках защиты от дождя он забрался в густую березовую поросль. Здесь получше.

Он приседает на корточки с Ангелом в руке. Санта-Патриция возвышается над ним темной скалой, и у Яна там друг. Все остальное — холод, дождь — не имеет значения.

— Белка! Белка! Ты на месте? — шепчет он в микрофон, не отводя взгляд от громадного фасада. Седьмое окно на четвертом этаже.

Свет гаснет и зажигается вновь.

Сигнал четкий и недвусмысленный. Рами опять в палате. Ян выдыхает с облегчением.

— Ты по-прежнему хочешь на свободу?

Свет опять мигает.

Да.

— И чем скорее, тем лучше?

Да.

Свет мигает быстро, никаких сомнений его вопросы не вызывают. Накачанная лекарствами или дезориентированная женщина так быстро не отвечала бы.

— Я тоже очень хочу тебя увидеть. Узнать, что случилось после Юпсика. Ждал от тебя ответа, но ты так и не ответила... Знаю, что ты выполнила свою часть договора, остановила Банду четырех. Но как ты это сделала? Мне ты сказала, что у тебя есть люди, которые могут с этим помочь, так что я... Кто они, эти люди?

Затаившийся, подумал Ян. Но кто он, этот Затаившийся? Он не знает.

Лампа в окне горит ровным желтоватым светом.

— Я должен кое-что тебе рассказать... Я уже десять лет назад получил диплом — воспитатель детского сада. И на первой же моей работе я увидел мальчика по имени Вильям. Его привела мама, и я узнал ее... Это была Психобалаболка из Юпсика. Твой психотерапевт. Ты же помнишь ее? И ты просила меня что-то сделать... наказать ее, как ты сказала.

Молчание. Ян подошел к главному в своем рассказе. Он когда-то мечтал об этом — рассказать все Рами. Но сейчас он никакой радости и никакого триумфа не чувствовал — с удивлением понял, что чуть ли не просит прощения.

— Как-то в лесу я заманил Вильяма в старый бункер и запер его там. С ним ничего не случилось — у него были вода, еда, одеяла, игрушки... Но родители чуть с ума не сошли. Особенно Балаболка. Несколько недель была сама не своя.

Ну вот и все. Теперь она знает.

— А теперь — путь из больницы. — Он смотрит на окно, но Рами не видно. И она его не видит. — В следующую пятницу, вечером, у вас будут пожарные учения. Всех будут эвакуировать — понарошку, конечно. Все палаты открывают. Ты это знаешь?

Свет мигнул.

— Ты должна отделиться от остальных, — продолжает Ян. — В твоем отделении есть медицинский склад. Дверь в него должна быть открыта, я зажал язычок бумажкой. А в складе, за шкафом, старый, забытый бельевой лифт. Он ведет прямо в подвал.

Свет мигнул опять. Рами поняла.

— Я буду ждать тебя внизу. Мы выйдем вместе.

Получится ли? Уверен ли он, что все пройдет гладко? Нет, не уверен, но предпочитает об этом не думать. Он ждет ответа.

И получает. Свет гаснет и зажигается. Последний раз.

— Хорошо... скоро увидимся, Рами.

Он выключает Ангела и с облегчением покидает лес — уж очень одинокое место в такую погоду. Но скоро его одиночеству придет конец.

Через двадцать минут Ян звонит в дверь Лилиан, и она открывает дверь. Брат не показывается. Она не пускает Яна дальше прихожей. Вид загнанный, ей не до пустой болтовни.

— Ты решился, наконец?

Ян кивает. Он никак не может избавиться от застрявшей на сетчатке картинки: мигающий свет в окне на четвертом этаже.

Да. Он решился.

— Будешь с нами?

— Да. Могу остаться в «Полянке». Когда вы подниметесь к Рёсселю, я буду ждать внизу у лифта.

— Нам нужен водитель. У тебя ведь есть машина?

— Есть.

— Можем мы ей воспользоваться? Надо быстро собраться и быстро исчезнуть.

Она совершенно трезва. И вид у нее не загнанный, как поначалу определил Ян, а предельно собранный. На втором этаже слышны чьи-то шаги.

— Значит, вы будете говорить с Рёсселем... Только это?

— Только это.

Она смотрит ему прямо в глаза.

Ян не отводит глаз и внезапно вспоминает слова доктора Хёгсмеда — психопатов вылечить почти невозможно.

— А как вы думаете, почему Рёссель согласился встретиться с вами? Хочет облегчить совесть? Стал хорошим человеком в больнице?

Лилиан опускает голову:

— Мне совершенно все равно, кем стал Рёссель. Лишь бы сказал правду.

В понедельник на утренней планерке «Хорошее настроение» Мария-Луиза рассказала о предстоящих в пятницу пожарных учениях.

— Серьезное мероприятие, — сказала она. — В условиях, приближенных к боевым. — Она еле заметно улыбнулась собственной шутке. — Тревога по полной программе. Приедет полиция, и пожарники, и спасатели. Но это вечером, нас это не касается. «Полянка» будет закрыта.

Не так уж и закрыта, подумал Ян и перехватил взгляд Лилиан. Вид у нее усталый, но собранный. Пахнет мятными пастилками. Минти.

Рабочая неделя продолжается, день за днем. И вот уже пятница.

Ян забирает Лео после свидания с отцом. Он даже успел увидеть его, правда мельком, когда выходил из лифта. Невысокий мужчина с большими руками в больничной одежде. Помахал сыну на прощание, и Лео помахал в ответ.

Мальчик спокоен и молчалив.

— Тебе нравится встречаться с папой? — спрашивает Ян.

Лео молча кивает. Ян кладет руку ему на плечо. Остается надеяться, что Санта-Патриция не оставит его, когда он вырастет. Святая. Святая Патриция. Настоящая. Не больница, конечно.

За Лео пришли приемные родители. Ян провожает его, а когда поворачивается, ловит на себе довольный взгляд Марии-Луизы.

— Как хорошо ты управляешься с детьми, Ян. Девушки постоянно нервничают, а у тебя все спокойно и весело.

— Какие девушки?

— Ханна и Лилиан... они очень волнуются, когда им надо отводить детей в клинику. И это можно понять. — Она улыбнулась. — Не так-то легко привыкнуть к мысли, что там люди... такого сорта.

— Такого сорта... ты имеешь в виду — больные?

— Ну да. Больные, заключенные... как хочешь называй.

Она продолжает улыбаться. Но Ян не может заставить себя улыбнуться в ответ.

— Я привык, — медленно произносит он. — Я ведь тоже был в таком положении.

Улыбка исчезает с лица Марии-Луизы. Она смотрит на Яна непонимающе.

— Я лежал в детской психиатрической клинике. Детской и юношеской. Мы называли ее Юпсик. Но там тоже было ограждение, как и в Санта-Патриция. Буйные и напуганные подростки. Два сорта, как ты выразилась. Буйные и напуганные.

— И почему тебя туда направили? За что?

— Ни за что. Я был из напуганных. Меня страшил окружающий мир.

Продолжительное молчание.

— А я и не знала... ты никогда не рассказывал, Ян.

— Случая не было. Но я несколько этого не стыжусь.

Мария-Луиза кивает — ну как же, понимаю, понимаю... она все понимает. И Ян осознает, что теперь она будет смотреть на него совершенно иными глазами.

Весь день он то и дело ловит на себе ее испытующий и настороженный взгляд. Как же — подвел свою начальницу. Показал, что у него в душе есть тайные трещины.

Ну и хорошо. Через трещины проникает свет.

Последнее, что он делает, — впикивает свой дневник вместе с книжками Рами в личный шкаф. Там уже места нет — куртки, зонтик, книги... но когда она в пятницу выйдет из Святого-Психа, он откроет шкаф и покажет ей книги с новыми рисунками.

Потому что на этот раз она *выйдет* из больницы. Он ей поможет. На этот раз все должно получиться.

ЮПСИК

Ян знал, что существует единственная лазейка из Юпсика — незапертое вытяжное окно над плитой в кухне. Повара отказывались работать в чаду и время от времени открывали это окно. Проветривали. Кухня помещалась с задней стороны строения, дверь в кухню тоже не запиралась. Но в кухне почти всегда были люди. Так что, если хочешь бежать, надо встать ни свет ни заря.

Он проснулся в шесть — поставил будильник на своих часах. Когда он зажужжал, Ян проснулся и почувствовал рядом с собой гибкое тело.

Это была Рами. Глаза ее были открыты.

Он быстро провел рукой по простыне — сухая. Слава богу. Она подняла голову и поцеловала его в лоб:

— Следующая остановка — Стокгольм.

Охотнее всего Ян остался бы в постели. Бежать из Юпси-ка ему вовсе не хотелось, но он кивнул. Они встали.

Оделись, не зажигая свет, и выскользнули в коридор, как две серые тени. Дневник и одежду он положил в сумку. Толстое покрывало с кровати — под мышкой. У Рами тоже были сумка и гитара в футляре.

— Ты возьмешь гитару?

— Я же сказала — мы будем петь и играть в Стокгольме. На улицах, в метро.

Ян петь не умел, но промолчал.

Все двери закрыты. В конце коридора дверь в ординаторскую. Ян задержался у этой двери — тоже заперта. Дежурные, наверное, десятый сон видят.

В кухне двери вообще не было. Свет погашен, ни души.

— Я открою, — прошептала Рами.

Она прислонила футляр с гитарой к мойке, встала на стул, открыла шпингалет и дернула створку на себя. В комнату ворвалась струя морозного воздуха. Рами с шумом потянула носом.

— Стокгольм, — произнесла она мечтательно, как заклинание.

Вскочила на плиту, ни секунды не задумываясь, выпрыгнула из окна, схватила стоящий на каменной веранде садовый стул, оглянулась на Яна и побежала к ограждению. Он стоял в проеме окна и медлил.

О, дьявол, подумал он, повернулся и выбежал в коридор. Остановился у ординаторской, изо всех сил постучал

кулаком в дверь и вернулся в кухню. Ян не знал, есть ли там кто, — во всяком случае, он не ждал ответа.

— Где ты пропал? — нетерпеливо крикнула Рами страшным шепотом.

— В туалете... — соврал Ян, вскочил на подоконник и спрыгнул во двор. — Стол!

Они с Рами детально разработали план побега. Взяли вдвоем тяжелый стол с веранды и бегом перенесли к ограде. Рами водрузила стул на стол, Ян вскарабкался на него и, стараясь не потерять равновесия, попытался набросить покрывало на спираль колючей проволоки. Удалось только с третьего раза: покрывало толстым слоем легло на гигантскую растянутую пружину.

Было очень холодно, но Ян вспотел. Он исподтишка оглянулся на здание больницы и заметил, что в ординаторской зажегся свет. У окна две головы. Молодая практикантка, он не знал ее имени, но она была на концерте. И Йорген. Отсюда видно, как он натягивает сорочку. Они, наверное, спали вместе, так же как и они с Рами.

— Ты первая. — Он решительно кивнул Рами.

Она весила меньше, чем он, — хоть и высокая, но худенькая и гибкая. Прыгнула на ограждение и, цепляясь за ячейки сетки, полезла вверх. Белка... теперь она и вправду стала белкой. Легко перевалилась через колючую спираль и спрыгнула по ту сторону забора.

Они посмотрели друг на друга сквозь стальную сеть. Он перекинул ей гитару — каким-то чудом футляр легко перелетел через ограду, и она поймала его по ту сторону.

— Твоя очередь.

Ян подпрыгнул и вцепился в ограждение. Он-то белкой не был, удерживался на сетке разве что силой воли. Стальные шипы царапали ладони даже через покрывало, но он заставил себя добраться до верха, осторожно перевалил через спираль и спрыгнул вниз.

И в эту самую минуту услышал, как кто-то барабанит в оконное стекло. Обнаружены...

Открылась дверь, их окликнули по имени. Ян нервно сглотнул, но не оглянулся. Схватив свои вещи, они побежали. Рядом, не отставая, но и не обгоняя друг друга. Уже без десяти семь. Скоро начнет светать, но не видно ни души.

Планов у них не было — только побег. У Яна никакой запасной одежды, а в бумажнике пятьдесят крон.

— Мы свободны, — сказала Рами. — Стокгольм!

Первый раз он видел Рами возбужденной, почти счастливой. Она смотрела на него горящими глазами, щеки покраснелись, на губах играла радостная улыбка. Он невольно улыбнулся ответ, и вдруг понял, что все это значит.

Ему четырнадцать лет, и он безнадежно влюбился.

Тропинки парка вокруг больницы по-прежнему пустовали, и беглецы были видны как на ладони.

Утреннюю тишину разорвал звук автомобильного мотора — из-за здания Юпсика вывернулся маленький «фольксваген». Улыбка исчезла с лица Рами.

— Это они!

Большой футляр с гитарой мешал ей бежать, и Ян перехватил его. Тропинка поворачивала налево, а дальше шла вдоль небольшого, но довольно широкого ручья. Через

пару сотен метров ручей пересекал узкий деревянный мостик.

— Туда! — крикнула Рами.

На другой стороне ручья — небольшая роща, а за ней начинался центр города.

Они помчались к мосту и едва успели его перебежать, как по ту сторону ручья резко затормозила машина. С водительского места решительно выпрыгнул Йорген, за ним — растерянная практикантка.

Рами бежала быстрее, чем Ян с гитарой, и уже была на полпути к роще.

Затаившийся, разумеется, тут же взорвал бы мост, но у Яна не было динамита.

Йорген был уже на мосту, и бежал он куда быстрее Яна.

Все. Бежать им не удастся. Ян знал это с самого начала.

— Рами!

Он из последних сил догнал ее, протягивая на бегу гитару и пятьдесят крон.

Она не остановилась, но замедлила бег и посмотрела на него. Тонкая, высокая фигурка в утреннем свете, любовь его жизни.

— Возьми... И беги, я их задержу.

Несмотря на спешку, Рами прижалась щекой к его лицу, прошептала: «Помни договор!» — и помчалась к лесу, будто гитара придала ей новые силы.

Он сделал несколько шагов, но из него словно выпустили воздух. Тяжелая рука легла ему на плечо.

— Сдавайся, беглец!

Йорген. Он тоже задохнулся, но говорил спокойно, даже весело.

Через мост. Назад. В Юпсик.

— Вы меня отправите в Дыру?

— Дыру?

— Ну, этот ваш карцер в подвале...

— Ну нет... Во-первых, это не карцер, а изолятор. А вторых, туда попадают только буйные. Ты же не дерешься, Ян, не кусаешься...

Ян покачал головой — это правда. Он не дерется и не кусается.

— Это ты стучал в дверь?

Ян молча кивнул.

— Зачем? Ты хотел, чтобы тебя поймали? Да, Ян?

Ян промолчал.

Он оглянулся. Практикантка скрылась в лесу, пытаясь догнать Рами.

Йорген подвел Яна к «фольксвагену», посадил и крикнул, чтобы она возвращалась.

В машине было тихо. Ян слышал только собственное дыхание.

Хотел, чтобы тебя поймали?

Хочешь, чтобы поймали Рами?

Через минуту практикантка появилась из леса и пошла к мосту, разводя руками. Они пару минут разговаривали, потом Йорген достал телефон, коротко с кем-то поговорил и вернулся к машине:

— Поехали.

И они поехали назад, в Юпсик. В Юпсик, надежно защищенный от внешнего мира колючей проволокой и расторопными санитарами.

Яна поймали, и он был этому рад.
И он знал, что Рами рада не меньше — она на свободе.

51

Ожидание в темноте. После неудачного побега из Юпсика прошло пятнадцать лет.

Он один в подвале больницы, но это ненадолго. Он ждет Рами в прачечной, у старого бельевого лифта.

Пятница, вечер, без двадцати десять. Собственно говоря, по плану Лилиан Ян должен был находиться в «Полянке», но он покинул свой пост. Открыл люк в полу убежища и прошел в прачечную. Как и говорил Леген, здесь никого не было. Правда, он обратил внимание на новую деталь: на стене мигали какие-то желтые лампочки. Наверняка как-то связано с предстоящей репетицией пожарной эвакуации.

Он прислушивается, не слышно ли шаркающих шагов в часовне. Нет, все тихо.

Никого, кроме него, здесь нет. И скоро с ним будет Рами. Во всяком случае, он так надеется, и если зажмуриться, то можно услышать ее голос:

*Ян и я, я и Ян,
День и ночь, ночь и день.*

Он встряхивается — надо быть начеку.

Он вез Лилиан и троих мужчин в «Полянку» на своем «вольво», и в голове глухо бил большой барабан, который музыканты называют бочкой.

Одного из мужчин он знал — старший брат Лилиан. Двое других не представились, но они были заметно моложе, и Ян

предположил, что это друзья ее убитого брата, Йона Даниеля.

Ханны с ними не было, и в ее отсутствии Лилиан была особенно напряжена. Яну даже показалось, что ее бьет дрожь. Зачем-то накрутилась — ярко-красная губная помада, темные тени на веках... полный абсурд. Для кого? Для охранника Карла? Или для Ивана Рёсселя?

Ян поставил машину как можно более незаметно, рядом с большим дубом, подальше от «Полянки» и, уж во всяком случае, вне досягаемости больничных камер наружного наблюдения.

Никто не произнес ни слова.

Лилиан быстро докурила сигарету, вышла из машины. Остальные двинулись за ней.

В подготовительной школе не горела ни одна лампа, и они не стали зажигать свет.

— Ты останешься здесь, Ян. — Лилиан повернулась к нему. — Хорошо?

Ян молча кивнул.

— И если кто-то появится... ну, в общем, если что не так — сразу звони.

Она вышла на лестницу в подвал, трое молчаливых спутников последовали за ней, и Ян закрыл за ними дверь.

Значит, так. Карл доставляет Рёсселя в комнату свиданий, и его там встречают четверо. Вряд ли он сумет что-то сделать против четверых. Остается только надеяться, что Лилиан и ее спутники сумеют заставить его заговорить. Ян им помочь ничем не может.

У него своя программа.

После их ухода он сидел четверть часа в раздевалке и ждал. Ничего не происходило. Подошел к окну и посмотрел на больницу. Окна светились, но людей не видно.

Пора. Он взял запасную карточку и открыл дверь в подвальный коридор. Там горел свет — Лилиан то ли не хотела, то ли забыла его выключить.

Пора.

Он стоит в прачечной. И что он скажет Рами, когда откроется люк лифта?

Привет, Алис. Поздравляю с возвращением из Дыры.

Эту фразу он заготовил заранее. А потом? Скажет, что думал о ней все эти годы? Что влюбился в нее с первого дня в Юпсике? Как он любил ее... и как боялся возобновить контакт с внешним миром? Настолько боялся, что в то утро попытался воспрепятствовать их побегу, разбудил охрану...

Яна задержали. Она скрылась. Наверное, беспрепятственно доехала на поезде до Стокгольма, к сестре. Во всяком случае, в Юпсик она не вернулась.

Никто о ней не упоминал. Она уже была вне пределов их служебной ответственности, так о чем говорить?

А через неделю выписали и его. Он даже не разговаривал со своим психологом после попытки побега, и вдруг — симсалабим, его выписывают. Должно быть, Тони посчитал, что его психический статус стабилизировался, и препятствий к выписке не нашел.

За ним приехал отец. Он не улыбался.

— Ну как? Разобрали тебя на части и свинтили вновь? — только и спросил он.

И в понедельник Ян пошел в школу. Ночь перед этим почти не спал. Лежал с открытыми глазами и думал о Банде четырех, о Торгни и его приятелях, представлял, как убегает от них, словно мышь от кошки, по бесконечным школьным коридорам.

Он пошел в школу один. Как всегда. Друзей у него как не было, так и нет. Неважно. Рано или поздно он повстречается с Бандой четырех, он это знал. Но удивительно — страха не было. Весна, последние числа апреля, скоро конец учебного года. Не надо заглядывать вперед. Как говорят, будет день — будет пища.

После уроков он учился играть на ударных — выбивал палочками тремоло на телефонном каталоге. Или рисовал комиксы — историю Затаившегося.

Рами никаких признаков жизни не подавала. Ни телефонного звонка, ни открытки из Стокгольма.

Последнюю неделю учебного года выпускники-девятниклассники посвящали по традиции пикникам и палаточным экскурсиям. В четверг утром Ян пришел в школу и сразу заметил — случилось что-то необычное. Ученики собирались в группки и о чем-то перешептывались. О каком-то «чудовищном преступлении».

— Неужели правда? — слышалось там и сям.

Никто напрямую к Яну не обратился, но из обрывков разговоров он понял, что в лесу под Нордбру случилось нечто ужасное. Кто-то умер. Кого-то *убили*.

А потом учитель все рассказал. В лесу убиты два девятиклассника, а один получил тяжелые травмы. После этого поползли слухи и не умолкали до летних каникул.

Ян воспринял всю эту историю с мрачным удовлетворением. Банда четырех уничтожена. В живых остался только Торгни Фридман.

Договор. Рами каким-то образом выполнила свое обещание.

Но она о себе так и не дала знать. Много позже, через пять лет, он увидел в витрине единственного в Нордбру музыкального магазина диск с именем РАМИ.

Он купил диск. Это был ее дебютный альбом, только что выпущенный. И одна из песен называлась «Ян и я».

Вот она и подала о себе знак. А как же это еще понимать?

Как раз в то время он начал работать в детском садике «Рысь». А осенью увидел, как психотерапевт Эмма Халеви привела своего сына Вильяма в соседнее отделение садика, и сразу вспомнил Юпсик. Психобалаболка, подумал он.

Договор.

Ян вспоминал свои подростковые годы — и вдруг удивился сам себе: ему за все это время даже в голову не приходила мысль поинтересоваться, *почему* Рами заперли в Sancta-Psicho. Почему и за что.

Что она такого сделала, что ее отправили сюда, да еще в закрытое отделение?

Он не знает, да и не хочет знать. Он ждет ее в подвале.

Он прислушался — где-то завывали сирены. На дороге. Звук все усиливался.

Пожарные машины?

На стене внезапно зажглась еще одна лампочка, на этот раз красная, и начала мигать с равномерными интервалами. Сигнал тревоги. Скорее всего, сигнал тревоги.

Он посмотрел на часы — без четверти десять. Для учений рановато.

Внезапно задрезжал и задергался мобильник в кармане. Он вздрогнул.

— Алло? — сказал он тихо.

Наверное, Лилиан. И что он ей скажет?

— Привет, Ян. Это Мария-Луиза.

Ян сжал изо всех сил мобильник и тут же отпустил. Так и раздавить можно.

— Добрый вечер, Мария-Луиза. Что-то случилось?

— Да... можно сказать, случилось. Я всем подряд звоню, но никто не отвечает. Хотела тебя спросить — ты не видел Лео? Лео Лундберга?

— Лео? Нет... а что?

— Лео сбежал от своих приемных родителей. Играл во дворе. Стемнело, они спустились его забрать. А его и след простыл.

Ян слушает и совершенно не представляет, что на это сказать. Ему сейчас не до детей, но что-то же он должен ответить.

— Лео — мой любимец, — говорит он.

Мария-Луиза отвечает не сразу. Она, очевидно, не поняла, что он хотел сказать. По правде, он и сам не понял.

— Важно его найти... Ты сейчас где, Ян? Дома?

— Да... — понизив голос, говорит он и чувствует себя разоблаченным.

— Хорошо... теперь ты знаешь, что случилось. Мы уже подключили полицию. Если что-то увидишь или узнаешь, сообщи им. Или мне.

— Само собой... Я позвоню.

Ян нажимает кнопку отбоя и переводит дух. Лео... его вечная неуемность, вечное беспокойство. Плохо, что он сбежал, но этим занимается полиция, и Ян ничего не может сделать. Он должен быть там, где он есть. Ради Рами.

И через несколько минут он наконец слышит звук, которого ждал, — с лязганьем и скрипом заработал барабан бельевого лифта.

Сердце екнуло и забилося. Он подошел поближе к люку. Звук нарастает, слышно, как погромыхивает кабина.

Лифт с глухим стуком останавливается. Несколько секунд молчания. Дверца медленно приоткрывается. Там кто-то есть.

Сердце вот-вот вырвется из груди. Ян делает шаг к лифту.

— Ты здесь, — шепчет он. — Наконец-то... Добро пожаловать... поздравляю...

Из кабины появляется рука, за ней нога в джинсах. Спустя мгновение нога безжизненно падает на пол.

— Рами?

Ян приближается к лифту — и дальнейшее происходит очень быстро. Слишком быстро — он не успевает среагировать. Тяжелая дверь с грохотом распаивается и со всей силы бьет его в грудь. У него перехватывает дыхание от боли, и он тяжело опускается на пол.

Какое-то шипение, воздух белеет, Ян падает на спину. Глаза невыносимо щиплет, он не может вдохнуть.

Слезоточивый газ. Кто-то направил на него баллончик со слезоточивым газом.

Рядом с ним тяжело падает тело. Несмотря на ручьем текущие слезы, Ян успевает разглядеть глубокую ре-

заную рану на шее и почувствовать горячую липкую кровь на руке.

Мужчина. Охранник. Он узнает его — Карл. Ударник из «Богемос», тот, кто обещал помочь поговорить с Рёсселем. Кажется, он умирает.

— Карл?

Или уже мертв. Не шевелится, футболка почернела от крови.

Ян пытается проморгаться и сфокусировать зрение. В лифте что-то шевелится, какая-то тень. Помимо умирающего охранника, в кабину втиснулся еще кто-то ...

С трудом выбирается из тесного пространства... кто это? Алис? В больничной одежде: спортивная курточка, серые хлопковые брюки, белые кроссовки.

Больной. Пациент. Заключенный.

Но не Алис.

Мужчина.

Он наклоняется над Яном и хватает его за руки. От него пахнет дымом, слезоточивым газом и еще чем-то... бензином?

— Не дури, — говорит он тихо. — Расслабься.

Теперь Ян не может пошевелить руками — они крепко связаны пластиковым браслетом. Почтище наручников.

Незнакомец сует баллончик в карман и поднимает Яна с цементного пола. Лицо его в тени, но Ян видит, что помимо баллончика с газом у него есть и еще кое-что. В правой руке он сжимает нож.

Нет, не нож. Опасная бритва, вся в крови.

— Я знаю, кто ты. — Голос хриплый, но спокойный, даже монотонный. — Ты мне все про себя рассказал.

Ян успевает поразиться несоответствию — мягкий, ласковый голос и мгновенные, уверенные движения рук. Он рывком поднимает Яна с пола:

— Ты сможешь мне выйти отсюда.

Ян моргает. Он ничего не может понять.

— Кто ты?

— Погляди сам.

Он быстро поднимает левую руку, и Ян узнает его.

Иван Рёссель. С Ангелом в руке. Он выглядит старше, чем на экране компьютера, у него появились морщины, выющиеся волосы отросли почти до плеч, и в них появилась седина.

Ян закашлялся — действие газа еще не прошло.

— Рами, — шепчет он, с трудом переведя дух, и показывает на Ангела. — Я дал его Рами.

— Ты дал его мне.

— Рами должна сюда спуститься и...

— Никто сегодня сюда не спустится. Никого больше не будет. Только мы вдвоем — ты и я.

Он толкает Яна и подносит к его шее лезвие бритвы:

— Пошли, приятель. А это... — он носком кроссовки тычет в неподвижное тело, — мы спрячем в лифте. Бери его за руки.

Ян повинуется грубому тычку в спину. Неловко хватается связанными руками за ворот Карла и, словно во сне, тащит его к лифту.

— Суй его туда. Не тяни резину...

Ян приподнимает тяжелое тело. Как его затолкать в тесный лифт? На поясе Карла пустое гнездо для баллончика с газом и целый пучок белых пластиковых браслетов — точ-

но таких, каким связаны его руки. Браслетов, готовых замкнуться на чьих-то запястьях.

Ему все же удается запихать Карла в кабину, но он успевает выдернуть пару браслетов и сунуть их под свитер. Кажется, Рёссель не заметил.

— Пошли.

Яну ничего не остается, как следовать за Рёсселем. Вернее, вести его за собой. Из прачечной в смотровую, из смотровой в коридор к убежищу. Остановиться он не может — каждый раз, как он замедляет шаг, получает чувствительный пинок в загривок и чувствует прикосновение к шее холодной бритвенной стали.

Глаза невыносимо жжет, руки в крови.

Что случилось? Что же там, наверху, произошло? Откуда у него бритва?

Как Ивану Рёсселю удалось покончить со здоровенным, обученным охранником? Как они оказались в лифте?

А Рами? Это же она должна была спуститься на лифте!

— Не заблудись... — говорит Рёссель. — Если что, смотри на бумажные метки...

И в самом деле — клочки бумаги еще с тех пор лежат на полу. Но Ян не заблудится. Он здесь как дома. Через коридоры, через убежище — в подземный туннель «Полянки», по-прежнему ярко освещенный лампами дневного света.

Около лифта Ян останавливается.

— Они тебя ждут там, наверху... — тихо говорит он. — Ты ведь знаешь, правда? Семья... они хотели поговорить с тобой об исчезнувшем юноше. О Йоне Даниеле...

— Хотели поговорить? — Рёссель покачал головой. — Они хотели *убить* меня, а не поговорить. Карл продал меня им. За деньги.

— Нет... они просто хотели узнать...

— *Они хотели меня убить*. Они хотели меня убить, и я это знаю совершенно точно. — Он сильно толкнул Яна по направлению к лестнице. — Мне, кроме тебя, верить некому. Уходим.

Рёссель все время говорил тихо и внятно. Учитель. Привык объяснять и читать наставления.

Он пинками заставляет Яна подняться по лестнице.

— Открывай.

И Ян открывает дверь магнитной карточкой. Что ему остается делать?

Они проходят через раздевалку. Мимо шкафчика Яна, где лежат книжки Рами с его иллюстрациями. Как он хотел показать их ей!

На крючке висит одежда Андреаса — куртка и кепка. Рёссель, ни секунды не задумываясь, надевает их на себя, открывает наружную дверь и выводит Яна во двор.

Ночь холодная, куда холодней, чем казалось Яну, когда он час назад приехал в «Полянку». Но от холода боль в глазах немного стихла.

Он смаргивает слезы и оглядывается. На парковке больницы пульсируют красные и голубые мигалки. Пожарные учения в разгаре. Он с самого начала обратил внимание, что от Рёсселя пахнет дымом.

Рёссель даже и не смотрит в сторону больницы:

— У тебя есть машина?

Ян кивает. Незапертая «вольво» стоит в ста метрах от «Полянки».

— Пошли.

У машины Рёссель лезет Яну в карман брюк, достает оттуда мобильник и сует в куртку Андреаса.

Еще одно быстрое движение рукой с бритвой — и Ян чувствует, что руки его свободны.

— В машину, приятель.

Он заталкивает Яна на водительское место, бросает Ангела на сиденье рядом, а сам садится сзади.

В машине запахи еще сильнее — дым, слезоточивый газ, бензин.

— Поехали.

Рами...

— Я не могу вести машину. Ничего не вижу.

— Дорогу-то ты видишь. Главное, отъехать от психушки. Держи прямо, потом я подскажу.

— Где Рами? — делает Ян последнюю попытку.

— Забудь ее. Никакой Рами в этой каталажке нет... Ты говорил со мной. Все время говорил со мной, и больше ни с кем.

— Но это же Рами написала эти...

Рёссель прижимает бритву к его шее.

— Поезжай, — говорит он с угрозой. — А то будет как с Карлом. От уха до уха...

Ян поворачивает ключ и нажимает на педаль газа. Все бессмысленно.

Рёссель ни на секунду не отнимает лезвие от его шеи, и ему ничего не остается, как вести машину подальше от Сан-

кта-Патриции, от стены, от «Полянки»... от возможности когда-либо вновь увидеть Алис Рами.

Подальше от огней города. В темноту.

52

В эту ночь Ян везет убийцу. В руке убийцы опасная бритва. Но в то же время Ян понимает, что убийца из каких-то соображений не хочет его убивать. Чем-то Ян ему интересен. Рёссель, не отнимая бритву от шеи Яна, дотянулся до панели, подкрутил регулятор тепла и заботливо спросил:

— Не слишком жарко?

— Нет.

Усыпляющее шипение вентилятора печки. На улице мороз, а в машине лето. Холодит только стальное лезвие у шеи.

— Сверни направо, — спокойно произносит Рёссель на перекрестке.

Ян послушно сворачивает направо. Глаза жжет поменьше, зрение понемногу восстанавливается.

На улицах никого, только два такси попались навстречу.

— Прямо.

Ян продолжает прямо.

Они минуют центр, потом пустые, плохо освещенные улицы промышленного района и выезжают на гётеборгскую автомагистраль. Там тоже никого.

— Прибавь.

Их обгоняет на большой скорости груженная фура. По обе стороны дороги — мерцающие огоньки хуторов. Вот и все признаки жизни. Вечер пятницы, холодно, люди прячутся по домам. Дорогу, само собой, никто не охраняет. Ее и днем-то

никто не охраняет — на сотни километров ни одного полицейского.

— Вот мы и выехали из города, — с той же учительской интонацией произносит Рёссель. — Наедине с природой.

Ян не отвечает. Он ведет машину.

Через десять минут следует новый приказ:

— Сверни вон там.

Знак «Р». Стоянка. Площадка отдыха, освещенная двумя фонарями — один на въезде, другой на выезде. Пусто.

Ян сворачивает и тут же тормозит — хочет остаться поближе к кругу света от фонаря. Странно — Рёссель не протестует.

— Заглуши двигатель...

Ян послушно поворачивает ключ, и в уши ударяет неправдоподобная, магическая тишина. Он словно оглох.

Рёссель глубоко вздыхает:

— Наконец-то... наконец-то он исчез... Запах больницы исчез.

Исчез? Пахнет, как и раньше, — газ и бензин. Или какая-то зажигательная жидкость.

— Что произошло в больнице?

— В больнице был пожар. Как и намечалось, — усмехается он. — Я заранее натаскал в палату растворителя из художественной мастерской. Стащил зажигалку, вылил растворитель в коридоре и поджег.

Он отнял бритву от шеи Яна, и Ян решил на следующий вопрос:

— Ну и?..

— Хаос, естественно. Уже не учения, а настоящий пожар. Когда план не работает, всегда хаос. Я спокойно дошел до склада, там было открыто — входи на здоровье. Но в по-

следнюю секунду план тоже поменялся... мне попытались помешать.

— Его звали Карл.

— Я знаю. Вряд ли ему теперь нужно имя.

А ведь Рёссель ни разу не назвал его по имени, мелькнула мысль. Ни разу.

— Запах исчез... В больнице пахнет одиночеством. Бесконечные коридоры одиночества. Как в монастыре... — Он вдруг наклонился к уху Яна: — А ты, приятель? Ты тоже одинок?

Пустая стоянка. Ян с трудом подавляет желание отрицательно помотать головой — лезвие слишком близко к шее.

— Иногда.

— Только иногда?

Собственно. Никто не вынуждает признания, но он отвечает, как есть:

— Нет, не иногда... Часто.

— Я так и думал. — Рёссель доволен ответом. — От тебя пахнет одиночеством.

Только не делать резких движений.

— Я ждал другого человека... ее зовут Рами. Алис Рами.

— Никакой Рами в больнице нет.

— Я знаю... она называет себя Бланкер. Мария Бланкер.

Рёссель раздраженно заворочался на заднем сиденье:

— Ты ничего не знаешь. Мария Бланкер — не Рами. Это ее сестра. И палата ее на третьем этаже.

— Сестра Рами?

— Я-то знаю все, — спокойно и уверенно сказал Рёссель у него за спиной. — Я слушаю, читаю письма, складываю простенькие пазлы... Я знаю все и про всех.

— Я писал Марии Бланкер. И она отвечала.

— Письма... это такая штука — никогда не знаешь, куда они попадут. Ты писал мне. Я платил Карлу... совсем немного, и он давал мне читать все письма. Все до единого, по выбору и без выбора. И я читал, читал, читал... А твое письмо отличалось от прочих, и мне стало любопытно. Так что я тебе ответил. Четвертый этаж, седьмое окно справа... Это моя палата. И ты подкинул мне этот приемничек и стал вызывать Белку. А я тебе отвечал. Да — выключу свет, нет — оставляю гореть. Помнишь?

Ян помнил.

Никакой Рами. Только Рёссель. Все время Рёссель.

Что он там написал, в этом письме? О чем нашептывал Ангелу?

Обо всем. Он-то думал, что говорит с Рами, и говорил обо всем. Так много чего было ей сказать...

— Значит, конец.

Ян беспредельно устал. На душе черная пустота. Но если он двинется с места, в шею вопьется бритва Рёсселя.

— Ничего подобного. Никакого конца. Самое начало. Все продолжается. — Рёссель внезапно опускает руку с бритвой. Лезвие исчезает из поля зрения, но он продолжает тихо, как будто говорит сам с собой: — Это чувство... пустая широкая дорога в ночи... чувство свободы. Пять лет вокруг меня были только стены и бетонная ограда. Пять лет... и все это позади. Я оставил все там.

Ян осторожно поворачивает голову:

— Все оставил там? И письма, которые тебе писали... их же, наверное, сотни. Тоже оставил?

— Само собой. Я же сказал — все.

— И письма Ханны Аронссон?

— Ханны... да. — Яну показалось, что Рёссель произнес это имя с удовольствием. — Тоже оставил. Ее ведь не было сегодня, правда? Она где-то еще?

Все ясно. Рёссель провел всех.

Он психопат. Он неспособен чувствовать вину, вспомнил Ян слова Лилиан. Единственное, что ему нужно, — всеобщее внимание.

Ян попытался представить Рёсселя в роли учителя. С этими мягкими, вкрадчивыми интонациями... наверное, его любили ученики. И не только ученики — он наверняка внушал доверие всем: прохожим на улицах, на дорогах, в кемпингах. Совершенно безобидный субъект.

Добрый день, меня зовут Иван, я сейчас в отпуске, а вообще я учитель... Не мог бы ты помочь мне занести вон тот стол в мой кемпер? Да-да, вон тот, он, похоже, никому не нужен. Кофейный, да... Я понимаю, время позднее, но, может быть, я могу пригласить на чашечку кофе? Или что-нибудь покрепче? У меня есть и пиво, и вино... Да, конечно, заходи первый, заноси свой край. Осторожно, там темно, вообще ничего не видно. Хорошо, проходи дальше...

В машине было очень тепло, но Яна зазнобило.

— Скоро поедет, — прошептал Рёссель ему в ухо. — Дорога такая широкая... попутешествуем вместе.

Ян собрал всю свою решимость:

— Мы должны ехать назад, в больницу.

— Зачем это?

— Затем, что люди начнут сходить с ума, зная, что ты... что ты на свободе.

Рёссель то ли закашлялся, то ли хохотнул.

— Тебе надо не обо мне думать... — Он помолчал. — Как раз то, о чем я говорил. Свобода выбора. Все дороги перед тобой. У меня есть чем заняться на свободе. Писать книги, замаливать грехи... Я им обещал рассказать, где их пропавший мальчик... это был бы хороший поступок, правда?

— Да. Очень хороший.

— Ну вот, видишь... а можно заняться и другими вещами. Такими, о которых предпочитают вслух не говорить. Тем, о чем ты все время думаешь.

У Яна пересохло во рту. Он, как замороженный, слушает мягкий, вкрадчивый голос.

— Ты меня совсем не знаешь. — Он решается наконец повернуть голову.

— Еще как знаю. Я тебя знаю. Ты мне все рассказал. И это хорошо... Всегда приятно поделиться секретами.

— У меня... — начал было Ян, но Рёссель прервал его:

— Так что выбирай.

— Что я должен выбирать?

— Ты же мечтаешь кое о чем, правда?

— О чем я мечтаю?

— Осуществить свои фантазии... — Рёссель показал на Ангела на переднем сиденье. — Я же слышал твои мечты. Кто-то сильно обидел тебя, когда ты был маленьким, и с тех пор ты мечтаешь о мести.

Ян смотрит на пустую дорогу. Ему хочется заткнуть уши и не слушать, но это не в его силах.

— И тебе надо выбрать между добром и злом... спасти семью Лилиан от мучений или отомстить обидчику. И что ты выберешь?

Ян молчит. Ему кажется, машина совершенно выстыла. Со всех сторон подступает непроглядный мрак.

— Мстителей делает случай... подворачивается случай, возможность отомстить... Но для этого должна быть почва. Фантазии... вроде твоих.

— Нет.

— Да. Ты мечтал заплатить кому-то той же монетой. Запереть мальчишку, например.

Ян покачал головой. Мрак, мрак... темная, бесконечная ночь.

— Не мальчишку...

— Мальчишку, мальчишку... ты будто смотришь фильм в голове, правда? У каждого есть свои любимые фантазии.

Ян кивает. Уж он-то это знает точно.

— Фантазии... они как наркотик, — тихо произносит Рёссель. — Нет, не так. Они и есть наркотик. И чем больше фантазируешь, тем сильнее он действует. Мечтаешь кому-то отомстить — и ты представляешь себе эту месть с новыми и новыми деталями. Ты просто обязан причинить ему зло. Совершить ритуал. И от фантазий этих избавиться невозможно, пока их не воплотишь в жизнь. — Он опять наклонился к Яну. Очень близко. — И что бы ты выбрал? Делать зло или добро?

— Выбрал? Я не могу выбрать.

— Но ты обязан. Примириться или отомстить? Посмотри на дорогу, вон там она раздваивается... Так что ты должен выбрать именно сейчас.

Ян моргнул, посмотрел на дорогу и закрыл глаза.

Выбирай же.

53

Не нужно жать педаль газа, не нужно держаться за баранку — «вольво» несет на гребне черной волны, мчащей их от Санта-Психо. На восток.

В машине двое — он и Затаившийся. Мелькают щиты с названиями городков, похожими на детские считалки: Вара, Скара, Хува, Кумла и Арбуга. И сплошная стена елей у дороги.

Ян рассказывает Затаившемуся свою версию. Ему кажется, он знает, как Затаившийся отомстил Банде четырех.

Пятнадцать лет назад, в начале лета, ты взял свой кемпер и колесил по лесам средней полосы. Искал место, где бы его поставить, — естественно, не на виду. И вдруг наткнулся на лесное озеро. Там никого не было, но на противоположном берегу стояла маленькая палатка.

Ты поставил машину, прошелся немного, оценил место и вернулся в кемпер. Может быть, ты и пил что-то, пока смеркалось. Наверняка пил... пил и пил, а потом тебе стало любопытно, что за палатка стоит на том берегу. И ты пошел туда.

Оказалось, три паренька празднуют окончание школы. Ты сказал, что ты учитель, попытался познакомиться. Но они подняли тебя на смех, даже, может, обозвали как-нибудь. Педдо, педрила или что-нибудь в этом роде. Ты в ярости вернулся в кемпер и выпил еще. Потом лежал и ждал, пока стемнеет. А в темноте вернулся к палатке, только уже с ножом...

Затаившийся молча слушает. Слушает, как он прикончил двоих ножом и сбросил палатку в озеро, как третьему удалось бежать, но он догнал его на машине.

— Не помню... — произносит он наконец. — Возможно, так и было...

— Именно так и было, — кивает Ян. — Но один из них уцелел.

— Да, один уцелел... пока.

Ян ведет и ведет машину, без остановок и отдыха, почти до Нордбру. Он заезжает на парковку, выключает мотор, и они спят несколько часов.

Никто их не беспокоит.

На горизонте медленно занимается рассвет. Начинается утро.

Ян просыпается, будит Затаившегося и сует ключ в замок зажигания.

В половине десятого утра они въезжают в город его детства. Подмерзшие улицы пусты — суббота.

Машина доезжает до центра, Ян притормаживает и сворачивает налево. Он точно знает, куда им нужно, и машина катится по известному ему маршруту, как трамвай по рельсам. Теперь уже их никто не остановит.

И вот они у цели. **ОСТОРОЖНО! ЗДЕСЬ ИГРАЮТ ДЕТИ.** Типичный район вилл, типичная улица в районе вилл. Здесь живет его смертельный враг с женой и маленьким сыном.

Кирпичный дом номер семь. Такая же терракотовая коробка, как и остальные.

Ян останавливается на противоположной стороне улицы. Отсюда видно кухонное окно дома номер семь. Там горит свет, у стола, склонив голову, сидит женщина в халате.

Жена Торгни Фридмана ничего не знает про фантазии. Завтракает в одиночестве.

— Мы его пустили, — с досадой говорит Затаившийся.

Ян заводит мотор, и они возвращаются в центр. В голове непрерывно гудят барабаны.

Он паркует машину на улице, пересекающей ту, где втиснулся скобяной магазин Торгни Фридмана. Он делает все по правилам: платит за стоянку, поправляет волосы, разглаживает куртку. Надо выглядеть достойно и аккуратно.

Затаившийся натягивает кепку на лоб и протягивает руку:

— Дай мне ключи... может, придется быстро исчезнуть.

Ян после секундной задержки отдает ему ключи. Они идут бок о бок по торговой улице и заходят в лавку. Над дверью весело звякнул колокольчик. Затаившийся входит, но никто не обращает на него внимания. Собственно, и внимания обращать некому: час ранний, и в лавке только один посетитель.

И хозяин лавки.

Торгни стоит за прилавком и показывает покупателю новые модели граблей для листьев, похожие на какие-то шаманские музыкальные инструменты. Даже демонстрирует телодвижения, которыми якобы достигается наилучший результат. Смешно.

Ян идет направо, где топоры, ломы... оружие. Как ни крути, все эти предметы не что иное, как самое настоящее оружие. Оружие для убийства. Уголком глаза он видит Затаившегося — тот подошел к полке с охотничьими ножами.

Ян сосчитал — осталось семь штук самых мощных колунов, с почти метровым топорищем из гикори¹. Ян выбирает один, взвешивает на руке и чувствует убедительную тяжесть закаленной стали.

¹ Гикори (*hickory*) — американский орех.

Он много раз проигрывал в голове последнюю битву с Бандой четырех, и главную роль всегда играл Затаившийся. Но не сегодня.

Он подходит к прилавку, дожидается, пока любитель сгребать сухие листья расплатится и уйдет, и встает прямо перед Торгни. С топором в руках. Торгни улыбается — хороший покупатель. Колуны — товар дорогой.

Ян не улыбается в ответ. Слишком часто в своей жизни он заискивал перед Торгни.

— Я выбрал вот этот, — говорит он негромко.

— Хороший выбор, — кивает Торгни. — Собрались дров запастись перед зимой? Знаете...

Больше он ничего сказать не успевает — его прерывает топот детских ног.

— Папа, смотри! Кошки готовы!

Ян, вздрогнув, поворачивает голову. Маленький мальчик, сын Торгни, с рисовальным блокнотом в руке.

— Молодец, Филип... Я скоро приду. — Он кивает Яну и задает стандартный вопрос: — Это все?

— Нет. — Ян кладет руку на топор. — Не все. Ты меня не помнишь?

Торгни смотрит на него непонимающими глазами.

— Не знаю... по-моему... — начинает он, но Ян его прерывает:

— Ян Хаугер.

Торгни задумывается и медленно качает головой — нет, не помню.

— Триста девяносто крон, спасибо.

Он достает из-под прилавка большой пакет, чтобы положить туда покупку, но Ян не отпускает топориче:

— Я хотел умереть, лишь бы с тобой не встречаться.

С лица Торгни будто сползает маска. Маска владельца магазина. Он растерян. Что хочет Ян? А Ян хочет вызвать дух того пятнадцатилетнего Торгни, который травил его в детстве и чуть не убил. Не может быть, чтобы ничего не осталось.

Он не отпускает топор и продолжает — спокойным, мягким тоном, будто разговаривает с ребенком:

— Вы с приятелями гасили об меня сигареты, а потом заперли в сауне и включили агрегат.

Торгни молча слушает и, похоже, не понимает.

— *А потом заперли в сауне и включили агрегат.*

— Я?!

— Ты и трое других.

— Зачем?

Ян не отвечает. Барабанный бой в голове все настойчивей.

— Я знаю, что ты меня помнишь. Ты, Петер Мальм, Никлас Свенссон и Кристер Вильгельмссон... Твои друзья. Те, которых убили в лесу.

— Я знаю, что там случилось.

Ян косится в сторону. Он не видит Затаившегося, но знает, что тот где-то у него за спиной.

— Кристер зарезал Никласа и Петера, — тихо продолжает Торгни. — Прямо в палатке...

Ян недоуменно смотрит на него.

Торгни говорит с каждой минутой все громче и быстрее:

— Кристер зарезал Никласа и Петера! Они поехали с палаткой на озеро. В последнюю школьную неделю. Ме-

ня там не было, так что я не все знаю... почему-то поссорились. Петер, как всегда... ему обязательно надо было сломать человека, подчинить его себе. А Кристер не выдержал. У него был с собой нож... Дождался, пока Никлас и Петер уснут, заколол их прямо через палатку и сбросил в озеро. Побежал, ничего не видя от страха, и угодил под машину.

Ян медленно покачал головой:

— Это не Кристер. Это был...

— Это Кристер. Он у нас всегда был как бы... второй сорт. Конечно, тусовался он с нами, но был в самом низу.

— Я был в самом низу.

— Нет. Ты для нас ничего не значил... просто оказался на дороге.

Яна что-то словно ужалило. И он повернулся.

Затаившийся исчез.

И Торгни завертел головой:

— Филип? Где Филип?

Ян бросается к выходу. Чуть не сбивает с ног вошедшего покупателя и вылетает на морозную улицу. На улице народу прибавилось. Ни одного знакомого лица.

Он видит свою «вольво», выезжающую с парковки. За рулем — Затаившийся, а рядом с ним маленькая головка. Пятилетний мальчик.

Ян бежит наперерез, машет руками, но Затаившийся даже не смотрит в его сторону. Сворачивает направо.

— Рёссель!

Мальчик, похоже, услышал его крик, повернул голову и посмотрел, но машина не останавливается.

Ян прекрасно понимает, куда везет мальчика Затаившийся. В лесной бункер с бетонными стенами. Он запрет его там — но на этот раз не на два дня. На недели, месяцы, может быть, навечно. Разве не об этом мечтал Ян? Последняя месть Банде четырех — похитить ребенка.

— Рёссель! Остановись!

Ему показалось, Рёссель повернул голову в его сторону, но скорости не снизил.

Ян бежит изо всех сил вдоль тротуара... что это? Машина замедлила ход и остановилась... нет. Красный свет. Рёссель показывает правый поворот и скрывается из виду вместе с сыном Торгни Фридмана. Бесследно. Навсегда.

Ян ничего не может предпринять. Что он наделал? Он горько, до боли в горле, раскаивается, что поддался на уговоры Рёсселя. Поддался? Разве это был не его выбор?

Примириться или отомстить? Он решил мстить.

Он ошибся в выборе.

54

Он сидит за рулем, следит за дорогой... Этот путь в ночи — уже не фантазия. На этот раз он выбрал иное. Он не поедет в Нордбру с Рёсселем, не будет встречаться с Торгни Фридманом, не примет участия в похищении его пятилетнего сына.

Как живо он представил себе все это, как наяву... но зато теперь у него нет никакого желания мстить. Он давно знает, что все фантазии о свирепой мести кончаются одинаково: ужас, раскаяние и одиночество.

Они ехали по ночной трассе уже почти час. Пригороды Гётеборга. Собственно, дорогу указывал Рёссель. Как только

Ян сделал свой окончательный выбор, он отнял бритву от его горла.

— Я знал, что ты так решишь, — только и сказал он.

Рёссель сидит, развалившись на просторном заднем сиденье «вольво».

— Все правильно... скоро въедем в лес, и покажу тебе могилу. Я держу свое слово.

— А потом? Вернешься в больницу?

— А как же...

— Там есть хорошие психологи. Они тебе помогут.

— *Психологи...* — хохотнул Рёссель. — Психологи хотят подогнать ответы под свои шаблоны. Какое у тебя было детство, не было ли в роду умалишенных... Им надо найти причину: что там такое случилось в моем кошмарном детстве, что я колесил по стране на кемпере и отлавливал юнцов. Но такой причины нет! Мир, оказывается, не укладывается в их папки с психологическими моделями. Хочешь услышать, почему я это сделал?

— Нет. Не хочу.

— Потому что я злодей. — Рёссель будто и не заметил ответа. — Потому что я — наследник Сатаны, повелитель жизни и смерти... А может, и не поэтому. Может, потому, что сопляки эти были пьяны и беззащитны, а я трезв и силен. Еще проще. — Он оттолкнулся от спинки сиденья и наклонился к Яну: — А может, я вообще ни в чем не виновен?

Яну вовсе не хочется выслушивать его признания.

— А ты был когда-нибудь в лесах под Нордбру?

— Нордбру? Нет... так далеко на север я не забирался.

Врет? Может быть, и нет... Может быть, простой ответ, который его подсознание вложило в уста Торгни Фридмана,

и в самом деле все объясняет: один из Банды четырех сам убил двоих приятелей. Они издевались не только над Яном, но и над своим товарищем тоже — и он не выдержал.

В самом деле, Рёссель прав: мир не в одну модель не укладывается. Фундаментальная черта мироздания — непроглядная тьма. Ян вспомнил, как на уроке рисования учитель показывал «Черный квадрат» Малевича. Тогда это показалось ему розыгрышем.

Случайно глаз его падает на датчик топлива — стрелка вошла в красный сектор. Сейчас загорится желтая лампочка — он не заправлялся перед поездкой.

Впереди на дороге сияет логотип «Статойла» — желтая подкова на синем фоне.

— Пора залить бензин.

Молчание. Он смотрит в зеркало заднего вида — Рёссель опять откинулся на спинку и, похоже, дремлет. Ян решает обернуться — бритва лежит рядом на сиденье, рука — на баллончике со слезоточивым газом.

Ян решительно сворачивает на заправку, забитую темными фурами, подъезжает к колонке и достает из бумажника карточку. Наклоняется, чтобы выйти из машины, и в живот ему упираются взятые в последнюю секунду у Карла пластиковые наручники.

И что? Попытаться обезвредить Рёсселя, если представится возможность?

Или... может же так случиться: на заправку заезжает патрульная полицейская машина. Сдать им Рёсселя? Но тогда он никогда не узнает, где могила брата Лилиан.

А он именно за этим сюда и приехал. Рёссель обещал показать, где он закопал Йона Даниеля.

Ян набирает пин-код, сует пистолет в горловину бензобака и нажимает на курок, поглядывая на заднее сиденье. Голова и лицо Рёсселя не видны, скрыты крышей, Ян видит только грудь и ноги в серых больничных брюках. Неужели он и в самом деле заснул?

Он осматривается.

Ярко освещенные колонки выстроились по стойке «мирно». На стоянку въезжает еще одна четырнадцатиметровая фура.

Щелчок отсекателя. Бак полон. Он вынимает пистолет и бросает взгляд на машину.

На заднем сиденье никого нет. Рёссель исчез.

Исчез со своей бритвой и слезоточивым газом на поясе.

На парковке ни души. Но десятка полтора фур стоят чуть не в полуметре друг от друга, пройти между ними — как оказаться в лабиринте.

Он встает на четвереньки и смотрит им под брюхо. Никого. Никаких серых штанов.

Его внезапно охватывает чувство страшной усталости. И безнадежности. Все зря.

— Ты, случайно, не меня разыскиваешь? — Голос за спиной.

Рёссель.

— Ты и в самом деле подумал, что я могу сбежать?

Ян качает головой. Они понимают друг друга — он и Рёссель. Они едут к могиле, и ни тот, ни другой выходить из игры не собираются. Что будет потом — увидим.

— Где ты был?

— Кое-какие дела... Купил на заправке вот это. — Ян только что заметил, что под мышкой у него две шоферские ло-

патки. — И вот это. — Рёссель поднимает руку с литровой бутылкой водки. — Дальнобойщики, знаешь, едут со всей Европы. У них почти всегда можно купить спиртное.

— На какие деньги?

— На твои. — Он протягивает Яну его же бумажник. — Ты бросил его на сиденье, когда пошел заправляться.

Ян взял бумажник и сунул в карман:

— Мне спиртное не нужно.

Рёссель отвинтил пробку и сделал большой глоток:

— Еще как! Сегодня нам понадобится все: и лопатки, и водка.

Дальше, дальше, сквозь ночь, сквозь тишину, сквозь замерший в ожидании рассвета ельник.

Рёссель немного уgomонился, но продолжает давать указания:

— Сверни здесь налево.

Круговая развязка, а от нее отходит довольно узкая улица. Гётеборг большой. Ян никогда не бывал в этой части города, но у него есть ориентир — зубчатая горная цепь на горизонте. Значит, они где-то в северо-восточной части, в районе Утбю.

— А теперь направо. — Рёссель делает глоток из бутылки. — И потом еще раз направо.

Ян сворачивает — направо, потом еще раз направо. Длинная прямая улица. Светофоров уже почти нет, дома попадаются все реже и реже. Мимо мелькнул указатель. ТРА-СТВЕГЕН. Улица Дроздов.

Этот указатель — последнее напоминание, что они в городе. Дальше домов нет. Улица незаметно перешла в заби-

рающуюся все выше лесную дорогу, петляющую между поросшими кустарником крутыми откосами.

— Здесь, — решительно произносит Рёссель. — Дальше не проедешь. Оставляем машину здесь.

Ян тормозит и зажигает свет в салоне.

Взгляд в зеркало — Рёссель опять отпил из бутылки. Почему он зажмуривается при этом?

— Лекарство... — Он передает бутылку Яну.

Ян тоже делает глоток, совсем небольшой. Вдруг его осеняет — он достает из кармана на дверце лист бумаги и ручку:

— Нарисуй карту.

— Карту?

Ян кивает:

— Карту. Неровен час, заблудимся в лесу... а карта останется. Люди будут знать, куда мы пошли.

Когда-то, девять лет назад, он мысленно рисовал карту птичьего озера...

— Ты же помнишь дорогу к могиле, правда?

— Я не умею рисовать...

— Зато я умею. — Он рисует две параллельные линии и пишет крупно: «Траствеген». — И куда дальше?

— Рисуй тропинку налево... — помедлив, говорит Рёссель.

Он рассказывает, где подъем, где спуск, называет ручьи и валуны по дороге. Ян был прав — Рёссель часто вспоминал это место. Он сохранил его в памяти.

— А вот здесь, на скале, поставь крестик. — Рёссель заметно приободрился. — И напиши, что я нашел юнца на

садовой скамейке уже мертвым. Взял с собой и похоронил в лесу.

Признание... Письменное признание. Для Лилиан и ее семьи. Наконец-то.

Ян дописывает текст и показывает карту Рёсселю.

— Профессионал, — усмехается тот. — Теперь пошли.

Ян кивает и кладет карту на сиденье.

Предстоит ночная смена.

Ян достает из багажника лопаты, заворачивает их в ваявшееся там же старое одеяло. И Ангела — у него не оказалось фонарика, и Ангел — единственный источник света.

Рёссель с наслаждением потягивается. Его апатию как рукой сняло — он выглядит собранным и решительным. Перепрыгивает придорожную канаву и уверенно углубляется в лес. Молодая поросль, карабкающиеся по склонам ели, голые, в пятнах мха скалы.

Вскоре исчезают последние огни домов. Они в лесу.

Метров через триста они останавливаются. Ян поднимает Ангела и видит нагромождение матово лоснящихся гранитных валунов, тысячи лет назад принесенных сюда ледником, а за ними — почти вертикальная скала. Где-то журчит родник.

— Будем подниматься?

— Здесь не поднимешься. — Рёссель покачал головой. — Надо обходить. С другой стороны поположе.

Ян не без труда находит узкую тропинку, огибающую каменный завал. Рёссель уже карабкается в гору — уверенно, не останавливаясь, словно все эти годы держал в голове карту местности.

Ян намеренно держится на пару шагов позади. Ему представился Карл с перерезанным горлом. Если у Рёсселя по-прежнему с собой бритва, надо быть начеку.

Метров через двадцать Рёссель останавливается перевести дыхание:

— А представляешь, каково было тащить его сюда?

— А он еще был жив? Йон Даниель? Или ты убил его там, наверху? — Конечно, он не поверит Рёсселю, что тот нашел парня мертвым.

— Я вообще его не убивал. — Рёссель говорит с такой интонацией, будто он устал отвечать на этот дурацкий вопрос. — Он умер у меня в багажнике. Кто знает, какой дряни он напился в тот вечер. Задохнулся собственной блевотиной, — брезгливо добавляет он. — Так что моей вины в его смерти нет.

— Он бы жил, если бы ты оставил его в покое. Другие же тоже пили эту дрянь.

Рёссель пожал плечами.

— Мог бы и не напиваться как свинья, — сказал он и молча полез дальше. Все время почему-то оглядывался, словно желая убедиться, не поджидает ли его невидимый враг.

Несколькими метрами выше Ян различает крутой обрыв на фоне ночного неба, и в тот же момент Рёссель исчезает из виду. Ян следует за ним. Оказывается, здесь небольшое, почти плоское плато над лесом — часть видимой издалека горной цепи.

Рёссель дожидается его с лопатой в руке. Убедившись, что Ян никуда не делся, подходит к одинокой сосне.

— Вот сюда я и пришел в ту ночь... Бродил тут и раньше, так что местность знакомая. Последний раз незадолго перед... перед *этим* был сильный зимний шторм. Бурелом... И сосенку эту тоже наклонило, так что все корни были видны. И пустая яма.

Ян поднимает Ангела. Плато метров пятнадцать — двадцать шириной. С другой стороны — обрыв, а внизу — то самое дикое нагромождение валунов.

Здесь, на плато, никакой поросли, ни одного кустика — только эта сосна. И никаких следов ветровала — дерево растет прямо, хотя хвоя местами пожелтела и осыпалась.

— Где он?

— Здесь. — Рёссель подошел к сосне. Голос его звучит совершенно механически, как у робота. — Я принес тело сюда, сбросил в яму, уперся в ствол и выровнял дерево. И все... исчез парень.

Ян посветил на сосну Ангелом:

— Она умирает.

— Теперь — да...

Рёссель отходит на шаг от дерева и расстилает на земле одеяло. Потом говорит:

— Комай... рядом со стволом.

Ян смотрит на корни... копать будет нелегко. Думает о корнях, о тайнах... а главное, о своем выборе.

Поднимает лопату. С размаха всаживает в землю и начинает копать.

Копать трудно — земля неподатливая и твердая, к тому же мешают корни. Рёссель стоит по другую сторону сосны с лопатой в руке, но не копает — смотрит, как это делает Ян. Рядом с сосной растет холмик выкопанной земли. Время от

времени Ян нажимает кнопку на Ангеле и светит в увеличивающуюся яму, но ничего не видно.

— Продолжай.

И Ян продолжает.

Некоторые корни настолько толсты, что перерубить невозможно, приходится выковыривать из-под них землю буквально по горсточке.

Он останавливается передохнуть и смотрит на часы. Без четверти час. Руки болят, но он не обращает внимания и снова приступает к работе.

Еще один корень... или это не корень? Нет, это что-то другое.

Человеческая кость. Он замирает на полувзмахе, опять включает Ангела и видит, что не ошибся: перед ним пожелтевшая, с прилипшими комьями земли человеческая кость.

А вот еще. И еще. Кости и лохмотья полусгнившей ткани.

Рёссель удовлетворенно кивает:

— Продолжай.

— Я могу его повредить...

— *Его?* Не *его*, а *что*. Всего лишь тело. Труп.

Ян начинает осторожно разбирать землю. Молча. Осторожно подкапывает землю вокруг, в основном руками. Постепенно появляется весь скелет. Но за эти годы корни выросли, некоторые кости поломаны, другие отсутствуют.

Через полчаса от влажной стены раскопа отделяется большой камень и тихо скатывается в яму.

Нет, не камень. Это череп. Яну вовсе не хочется его рассматривать, но он сразу замечает, что кое-где на черепе сохранились остатки полуистлевшей кожи, похожие на тонкий пергамент.

Рёссель молча спускается в яму, достает по одной кости и передает Яну. Ян раскладывает их на одеяле. Череп тоже.

Наконец работа закончена. Костей больше нет.

— Все? — спрашивает Ян.

— Вроде бы все... — Рёссель вылезает из ямы, делает глоток водки из бутылки, морщится и неожиданно улыбается: — Осталось завершить все это дело.

Стоит, опершись на лопату.

— Завершить?

Ответа на вопрос он не получает, но внезапно слышит шорох за спиной.

Шорох шагов.

Рёссель смотрит ему за спину:

— Добро пожаловать...

— Здравствуй, Иван, — тихий голос в темноте.

Женский голос.

Ян поворачивает голову, поднимает Ангела и видит знакомое лицо.

— Привет, Ян.

Ханна Аронссон. На руках у нее маленькое тельце. Ребенок. Он спит, но почему-то с повязкой на глазах.

Или его усыпили.

Мальчик.

55

Через пятнадцать секунд Ян приходит в себя.

Рёссель. Пока Ян мучительно соображал, как здесь очутилась Ханна и что это за мальчик, — резкий замах лопатой, удар по правой голени под коленом, и Ян как спол

повалился на скалу, ошеломленный резкой болью и внезапно подступившей тошнотой. И тут же провалился в небытие.

— Все прошло нормально? — слышит он голос Рёсселя.

И ответ Ханны:

— Да... пришлось только подождать, пока он останется один.

— Хорошо...

Ян постепенно приходит в себя. Холод начинает проникать сквозь одежду. Он открывает глаза. Две тени в нескольких метрах от него.

— Он тебя не видел?

— Нет... никто меня не видел.

Рёссель опустил лопату и, похоже, расслабился. Делает шаг вперед, обнимает Ханну и целует в щеку. Очень неуверенно, движения неуклюжие — видно, что либо отвык от близости с женщиной, либо никогда и не привыкал.

— Я уже начал скучать...

Теперь Ян узнал и мальчика. Это Лео. Лео Лундберг из подготовительной школы. Пять лет от роду, исчез из приемной семьи, разыскивается — Ян вспомнил вечерний звонок Марии-Луизы.

Широкая черная повязка на глазах. Мальчик дышит, но он, скорее всего, усыплен — безвольно висит на руках у Ханны.

У Яна то и дело темнеет в глазах от боли, но он видит, как в театре теней, — Рёссель берет Лео у Ханны и кладет рядом с ямой под сосной.

— Здесь ему и место приготовлено, — слышит он.

Боль в голени понемногу отпускает, и Ян приподнимается на локте.

Но Рёссель, очевидно, не выпускал его из виду.

— Не шевелись, — тихо, но с угрозой произносит он.

Ян согласно кивает, но все равно садится. Пытается встретиться глазами с Ханной:

— Что вы делаете? Зачем вы притащили сюда Лео?

— Мы? — Рёссель пожимает плечами. — Мы никого сюда не притаскивали. Это ты его притащил.

— Я?

— Это место преступления. Здесь все завершается. Ты даже карту нарисовал... Карта с признанием, что ты натворил. Лежит в машине и ждет полицию. Ты же от первого лица писал.

Ян слышит его слова, но на Рёсселя даже не смотрит. Он не сводит глаз с Ханны:

— А ты какое имеешь к этому отношение, Ханна?

Она бросает на него короткий взгляд и тут же отворачивается. Только глаза блеснули в свете Ангела — пустые и блестящие. Как всегда.

— Очень сожалею, — говорит она, не глядя на него. — Очень и очень сожалею, но ты слишком уж хорошо нам подходишь... И ты можешь спасти Ивана, если признаешься в преступлениях, в которых его подозревают.

— Даже не собираюсь. — Теперь он понял, откуда у Рёсселя бритва. Ханна!

— Ты же и раньше похищал детей...

Только сейчас Ян сообразил, что они задумали. Он — убийца, полиция найдет его мертвым рядом с двумя жертвами, старой и новой, пятилетним ребенком. И с бритвой

в руке — ужаснулся содеянному и сам себя полоснул по горлу. А Ханна с Рёсселем тем временем исчезнут. Рёссель с помощью Ханны запросто может вернуться в Санта-Патрицию еще до рассвета. Никто и не заметит его отсутствия. Но вина в преступлениях будет с него снята, и его быстро отпустят на свободу.

Folie à deux. Симбиогенный психоз. Один на двоих. А может, и любовь. Любовь через стену. Ян вспомнил — доктор Хёгсмед предупреждал его, как опасно вступать в доверительные отношения с психопатами.

— Ты запуталась, Ханна.

Она резко замотала головой:

— Я знаю, что делаю. И делаю это только для того, чтобы Иван опять стал свободным человеком. Ты бы сделал то же самое для своей Рами.

Лео... как спасти Лео?

— Давай, Ханна. — Рёссель протягивает ей лопату черенком вперед. — Покажи свою силу.

Ханна долго смотрит на лопату, потом отрицательно качает головой и тихо произносит:

— Я не могу.

— Всего лишь тело... он ничего не чувствует.

— Я не могу!

Ни она, ни он на Лео не смотрят.

Только Ян.

Лео лежит у ямы. Сначала Ян думает, что ему показалось... Нет, не показалось. В свете Ангела он совершенно ясно видит — Лео пошевелился. Конечно, повязка не дает ему открыть глаза, но чем бы его там ни усыпила Ханна — хло-

роформом или чем-то в этом роде, — действие начинает проходить.

Но медленно. Надо продолжать отвлекать их.

— Рёсселя не отпустят на свободу, Ханна. Он убил охранника... перерезал Карлу горло.

Она резко поворачивается к Рёсселю:

— Это правда?

— Я сделал то, что должен был сделать. Теперь твоя очередь.

— Я не могу.

— Еще как можешь.

Лео закопошился. Сейчас проснется окончательно.

В метре от Яна лежит Ангел. А еще ближе — его лопата.

Рёссель вздыхает и достает бутылку. Делает глоток и добродушно кивает:

— Ладно... я сам.

Ян протягивает руку и сжимает черенок лопаты.

Ханна, не отрываясь, смотрит на Рёсселя:

— Иван, мы вовсе не должны...

Но он не дает ей договорить:

— Должны. — И все это холодным, не терпящим возражений тоном.

Но теперь пришло время Яна. Одним движением он встает на колени и дотягивается до лопаты.

— Лео! — кричит он изо всех сил. — Беги отсюда! Беги!

Ханна удивленно поворачивается, и Рёссель делает шаг... но у Яна в руке лопата.

А Лео уже на ногах.

Ян что есть силы бьет по камню, где лежит Ангел. Хруст металла и пластика, свет гаснет. Темная осенняя ночь, видны только огоньки далеких домов внизу. Он выставляет лопату перед собой:

— Беги, Лео! Беги на свет!

И снова барабанный бой в голове. Даже не бой — дробь, фортиссимо, несколько ударов в секунду.

Он видит, как Лео срывает с себя повязку, как мечется маленькая фигурка.

— Беги!

Ян поднимается на ноги, опираясь на черенок.

— Ни с места! — рычит Рёссель, вскидывает лопату и наносит удар — резко, как теннисист при подаче. Еще раз, и еще, и еще. На третий раз ему удается выбить лопату из рук Яна, и она со звоном бьется о камни.

Но и от лопаты Рёсселя мало толку — черенок лопнул посередине. Он бросает ее и достает что-то из кармана.

Бритва.

— Прыгай, — говорит он на удивление тихо.

Ян выставляет перед собой руки и пятится. Нога сильно болит и к тому же плохо слушается. Он спотыкается о какой-то камень или, может быть, корень совсем рядом с обрывом и чуть не падает.

Пытается убедить себя — никакой опасности, никакого обрыва, но страх высоты уже впился сосущей болью в солнечное сплетение.

Рёссель делает быстрое движение, и Ян не успевает увернуться — тыльную сторону ладони заливают кровью. Он даже не чувствует боли.

Рёссель опять поднимает бритву.

— Прыгай, — говорит он сквозь зубы. — Может, обойдется.

Ян не двигается. Смотрит на занесенную руку Рёсселя и лихорадочно шарит под свитером. Оружия у него нет, зато есть взятые у Карла пластиковые наручники. Тонкие, но прочные, с самозахлестывающейся петлей.

Он вытаскивает одну такую петлю и резко выбрасывает руку. Петля захватывает обе руки, его и Рёсселя, — неважно. Он дергает, и оба запястья — его и Рёсселя — стянуты прочной удавкой. Рёссель пытается переложить бритву, но Ян успевает перехватить и левую руку.

Они держат друг друга, как два танцора в смертельном танце на краю обрыва.

Рёссель пытается вырваться, но Ян из последних сил его удерживает.

И закрывает глаза. Лео... лишь бы Лео удалось бежать. Лишь бы он услышал крик Яна и быстро принял решение. Бежать отсюда, бежать со всех ног. К свету.

— Кончай, — шипит Рёссель. — Кончай, пока не сдох.

Куда делись его мягкие учительские интонации? Зверь, хищник, прячущийся за обаятельными манерами школьного учителя.

Ян пытается обрести равновесие, но это ему не удается. Они медленно, толчками, в смертельном объятии приближаются к краю обрыва. Странно, успевает подумать Ян, они оба — он и Рёссель — дышат в одном и том же ритме.

— Пора, приятель! — рычит Рёссель.

Яну не за что схватиться, чтобы попытаться удержаться на краю обрыва. Только за Рёсселя.

Лео исчез. У дерева только одна тень. Ханна. Она, словно парализованная, смотрит на них и не двигается с места.

Но Лео исчез! Ушел от хищника, скрылся в лесу. Он сильный мальчик, он выживет.

Это победа.

За его спиной обрыв. Но он не сомневается. Всего лишь шаг в темноту...

И он делает его. И увлекает с собой Рёсселя.

56

— У всех все нормально?

Тихий вопрос Марии-Луизы повисает в воздухе.

Ханна сидит не шевелясь и молчит. Так же, как и все остальные. Сказать ей нечего. Она все же пришла на работу и пытается сохранить спокойное выражение лица, хотя ей и дышать-то трудно. Все пошло не так, как задумано. Сидит, словно на тонкой ветке в нескончаемый шторм, и не знает, выдержит ветка или обломится.

Среда. После пошедших вкривь и вкось пожарных учений «Полянка» была закрыта. Слухи о Свята-Патриции росли и множились с каждым днем. Газеты изощрались в домыслах, по радио рассуждали об урезанных ресурсах на закрытую психиатрию, по телевидению показывали стену и запертые на четырехметровый стальной брус ворота.

Молчание. Мария-Луиза вопрос не повторяет.

— К нам пришел доктор Хёгсмед. Он хочет поделиться кое-какой информацией, заполнить, так сказать, пробелы. Думаю, все мы нуждаемся в каком-то... — Она не может по-

добрать нужное слово и обреченно машет рукой. — Прошу вас, доктор.

— Спасибо, Мария-Луиза. — Хёгсмед все это время сидел в дальнем конце стола с опущенной головой и закрытыми глазами. Вид такой, будто не спал по меньшей мере неделю. Он встrepенулcя, выпрямил спину и обвел взглядом присутствующих: — Да... события приняли довольно драматический оборот. Драматический и даже трагический. Как вы знаете, в пятницу должны были состояться большие противопожарные учения, репетиция тотальной эвакуации персонала и пациентов. Задача сложная, но вышло еще сложнее, чем мы думали. Еще до начала учений на четвертом этаже сработала пожарная тревога. *Настоящая* тревога, никакого отношения к учениям не имеющая.

Он замолкает ненадолго. За столом — мертвая тишина. Ханна не отводит глаз от окна, где высится серо-зеленая бетонная стена.

— Естественно, люди растерялись. Никто не знал, где учения, а где настоящая опасность пожара. Поэтому контроль над отделениями был ослаблен, а кое-где и вообще утрачен. Пациенты фактически получили возможность свободного передвижения по клинике. И, как результат, произошло нападение на одного из охранников на четвертом этаже... со смертельным исходом. Один из наших самых опасных пациентов... он же и поджег что-то, в результате чего сработала автоматическая пожарная тревога.

Иван, подумала Ханна. Опасный пациент? Да, может быть, и опасный. Но в то же время нежный и заботливый... полный любви и сострадания.

Андреас и Мария-Луиза. И доктор Хёгсмед. И она. Больше никого на пятиминутке нет. Стулья по обе стороны рядом с ней пусты.

Обычно на одном из них сидит Лилиан, но она взяла больничный.

На втором стуле сидел Ян Хаугер.

Ханна видела, как Ян рухнул с обрыва. Он и Иван, тесно обнявшись, как неразлучные любовники. Ни один не уступил, не сдался на милость победителя.

Она зажмурилась в ожидании удара их тел о камни там, внизу. И дождалась.

Все стихло. Потом она услышала слабый стон под обрывом.
— Иван? — крикнула она.

Еще один стон. Иван? Или Ян? И снова все стихло.

Она повернулась и побежала. Маленький Лео куда-то делся, но она не стала его искать. Это была не ее идея, а Ивана — похитить Лео и свалить на Яна Хаугера. Она даже радовалась, что Лео сбежал.

Продралась сквозь лес, села в прокатную машину, выехала на трассу и, не останавливаясь, к трем часам ночи добралась до дому.

Заперла дверь и спустила в туалет перчатки и шприц из под валиума — все, что может связать ее с исчезновением Лео.

И легла в постель, повторяя, как детскую считалку:

«Ничего. Ничего не знаю».

Ничего не знаю про пожар, ничего не знаю про Ивана Рёсселя, ничего не знаю про Яна Хаугера и его постоянную тоску по Алис Рами. Ничего не знаю.

Но что будет теперь? Она с ума сходила от неизвестности, от того, что, как ни старалась, не могла предугадать дальнейшего развития событий.

Утром позвонила Лилиан.

— Ничего не произошло, — мертвым голосом ответила Лилиан. — Вообще ничего. Иван в комнате свиданий не появился. И Ян куда-то исчез. Вообще никто не появился, и мы поехали домой.

— Жаль... — сказала Ханна.

А что еще сказать? Она охотнее всего вообще прервала бы этот разговор, если бы не один вопрос:

— Тебе полиция не звонила?

— Нет... а с какого перепугу им мне звонить? Пронюхали что-то?

— Не знаю... не думаю.

Если и не пронюхали, то скоро пронюхают. Могила брата Лилиан открыта. Когда найдут трупы Ивана и Яна Хаугера на камнях, найдут и останки Йона Даниеля и обязательно свяжутся с семьей. Для них — облегчение, а для Ханны главное — не оказаться в чем-либо замешанной.

Ничего не знаю.

Она ничего не знает.

Лилиан помолчала.

— А... вот еще что. Тебе не звонила Мария-Луиза вечером?

— Звонила.

— Тогда ты, конечно, знаешь, что Лео Лундберг исчез?

— Да... знаю.

Лилиан снова помолчала.

— Ты можешь что-то про это рассказать? — внезапно спросила она.

— Ничего... — Ханна вздрогнула. — Ровным счетом ничего.

Ханна повесила трубку.

Ничего.

Лежала в постели и думала об Иване. Много месяцев она тосковала по нему, мечтала помочь, любой ценой вытащить из этой проклятой больницы. Все, что им досталось, — несколько жарких, но коротких разговоров в комнате для свиданий, под наблюдением падкого на деньги охранника Карла. Один раз, всего только один раз, они были близки — на матрасе, в убежище.

Но Ивана больше нет, и как же ей его не хватает!

Странно, но вдруг она поняла, что ей не хватает и Яна Хаугера.

Хёгсмед сделал паузу, глубоко вдохнул и продолжил:

— Значит, за один вечер несколько происшествий. Не сразу, но все же мы разобрались с ситуацией. Все больные оказались на месте, кроме... кроме нашего самого опасного пациента. — Хёгсмед почему-то избегает называть его по имени. — Но и его в конце концов нашли. Мертвым... вместе с... — он покосился на Марию-Луизу, — вместе с одним из наших сотрудников, который, как мы предполагаем, помог ему бежать. Я говорю о воспитателе Яне Хаугере. Он в больнице. Получил тяжелые повреждения, но пока жив.

Молчание. Никто не произносит ни слова. Молчит и Ханна.

Ян жив.

Мысли заметались. Она слышала, как доктор тяжело вздохнул и добавил:

— За набор персонала отвечаю я, и, конечно, я же и несу личную ответственность за прием на работу Яна Хаугера.

Мария-Луиза перебивает его, не поднимая глаз от салфетки на столе:

— Откуда вам было знать? Ян был сама надежность, хотя... кое-какие тревожные сигналы имелись. Например, совсем недавно он рассказал мне, что у него были психические проблемы. Правда, давно: в подростковом возрасте он лечился в спецбольнице детской и юношеской психиатрии.

Доктор Хёгсмед горестно кивает и продолжает свой отчет. Рассказывает о Лео Лундберге, который в пятницу вечером внезапно исчез из приемной семьи. К розыску была подключена полиция, но в конце концов он объявился на хуторе под Гётеборгом. То есть версия с побегом Лео отменяется. Его привезли туда на машине.

Под конец Хёгсмед рассказывает, что Яна Хаугера нашли без сознания на камнях в лесу, недалеко от того хутора, куда прибежал Лео. Пациент, которому он помог бежать, лежал под ним, мертвый. Они оставили машину на дороге, а в машине обнаружилось письменное признание.

— Думаю, это своего рода предсмертная записка самоубийцы... Хаугер и пациент вырыли могилу в лесу, но, прежде чем, обнявшись, броситься со скалы, почему-то отпустили мальчика.

И опять никто не произносит ни слова. Андреас выглядит совершенно убитым. Ханне остается надеяться, что и в ее взгляде читается такое же горе и недоумение.

— Как себя чувствует Лео? — Мария-Луиза наконец решается на вопрос.

— Он в целости и сохранности... Почти ничего не помнит, но это, может быть, и хорошо. Он качался во дворе на качелях, кто-то подошел сзади, обнял его и... врачи нашли след инъекции в локтевой ямке, так что, вполне возможно, его усыпили.

Ханна сжимает кулаки под столом. Что рассказал полиции Лео? Что он помнит из того, что произошло ночью на скале? После валиума он был не в себе, к тому же на глазах повязка... ее-то он, во всяком случае, вряд ли помнит. И что скажет Ян, когда очнется... если он очнется? Поверит ли ему полиция?

Она наклоняется вперед:

— Я сейчас вспоминаю... Ян как-то мне рассказывал... — Все повернулись к ней, и она продолжила: — Не знаю, имеет ли это какое-нибудь значение... как-то он во время прогулки оставил одного мальчику в лесу.

— Вот как? — Хёгсмед уставился на нее пронзительным взглядом. — Когда это было?

— Когда — я точно не знаю... в каком-то детском саду, где он работал. Много лет назад.

Мария-Луиза тоже смотрит на нее. Неодобрительно — мало сказать.

— И ты мне ничего не сказала, Ханна?

— Я знаю, что должна была... Но я думала... я решила, что это просто-напросто глупая шутка. Ян же казался таким надежным, правда? И дети его обожали...

Хёгсмед прокашлялся.

— Собственно, я не должен этого говорить... но полиция была у него дома в выходные. Сделали много довольно со-

мнительных... я бы даже сказал, подозрительных находок. В частности, он рисовал комиксы... длинная серия комиксов со всякими ужасами, весьма и весьма насильственного содержания. Если отшелушить детали, речь, можно сказать, идет о навязчивой идее мести... Еще одна интересная деталь: один из соседей Хаугера когда-то работал в Санта-Патриции, и Ян неоднократно расспрашивал его о возможностях побега.

Молчание. Ханна опускает голову.

— Бедный Ян, — тихо произносит она и добавляет, заметив, что все уставились на нее: — Я имею в виду... надо было ему как-то помочь. Мы все должны были быть более внимательны к его духовной жизни.

— Антисоциальные идеи очень трудно обнаружить, — утешает ее доктор Хёгсмед. — Диагноз подчас не под силу даже опытному специалисту.

И опять молчание. Долгое, ничем не прерываемое молчание.

— Ну вот... — говорит Хёгсмед, перелистав свои бумаги. — Вот и все, что я хотел вам сказать.

— Большое спасибо, доктор, — проникновенно произносит Мария-Луиза, сжимает руки на груди и улыбается Андреасу и Ханне. — Конечно, у всех есть вопросы, но мы займемся этим позже. Скоро начнут приводить детей.

Ханна быстро встает. Конечно, пора браться за работу. Все должны видеть, что происшедшее касается ее очень и очень опосредованно. Для нее это — обычный рабочий день.

И что? И в самом деле — обычный рабочий день в начале долгой, долгой зимы. Не считая того, что Ивана и Яна нет, а Лилиан на больничном.

Хлопает входная дверь.

Дети, думает она, надо срочно надевать маску доброй, обожающей детей, все понимающей воспитательницы.

И в самом деле, это Жозефин. На ней толстый темно-зеленый зимний комбинезон. За ее спиной возникают приемные родители. Девочка широко улыбается Ханне, теперь у нее выпал и второй передний зуб.

— Снег идет! — радостно кричит она.

— Разве? — Ханна выглядывает в окно — крупные, как мотыльки, хлопья медленно опускаются на землю. На улице — минус. Есть надежда, что снег останется лежать.

— Вот и замечательно. — Она улыбается в ответ. — Придут остальные, и мы пойдем играть в снегу. Будем делать снежных ангелов. А пока раздевайся.

Жозефин быстро снимает комбинезон и исчезает в игровой.

Можно расслабиться.

— Извините, — слышит она голос за спиной. — Вам не попадались здесь детские книги... такие, знаете, не типографские... сделанные от руки?

Ханна резко поворачивается:

— Простите?

Вопрос задала приемная мама Жозефин. Или опекунша, можно и так назвать. Женщина лет тридцати в серой шерстяной шапочке и узких черных очках.

Ханна почти никогда с ней не встречалась — Жозефин обычно приводил и забирал пожилой мужчина.

— Летом я оставила здесь несколько таких книг... Собственно, четыре штуки. Я написала их для старшей сестры, но ей не разрешили их взять.

Ханна прекрасно знает, о чем она говорит. Те самые книжки с картинками, что ей давал Ян. Но она качает головой:

— Понятия не имею... Но, пожалуйста, вы можете поискать. Может, они где-то здесь.

— Правда?

— Конечно. Проходите.

Женщина снимает зимнюю обувь и расстегивает куртку.

Ханна наблюдает:

— Вас зовут Алис Рами?

Женщина выпрямляется и кивает, но вид у нее настороженный. Смотрит прямо в глаза:

— Откуда вы это знаете?

— Я слышала о вас.

— Вот как? — не особенно приветливо спрашивает она, но Ханна все равно продолжает:

— Да... вы ведь музыкант?

— Была когда-то... много лет назад.

— И что случилось?

Рами вздыхает:

— Много чего... Моя сестра заболела. Ей становилось все хуже и хуже, да и я чувствовала себя не особенно... Так что с музыкой пришлось покончить.

Все понятно. Она говорит о своей старшей сестре, Марии Бланкер.

— Но она... ваша сестра то есть... получает необходимое лечение?

Господи, что за формулировка...

Алис Рами кивает, и Ханне очень хочется узнать, за что ее сестру поместили в Санта-Психо. Но вместо этого она спрашивает:

— Вы надеетесь, она скоро выпишется?

— Да... Мы надеемся. Ради Жозефин.

— Замечательно... Я знаю, как это — ждать кого-то.

— Вы тоже ждете?

Ханна задумчиво покачала головой:

— Нет... уже нет. Раньше ждала. Ждала одного мужчину... замечательного по-своему человека.

Они замолчали. Из кухни послышались голоса, и на пороге появились Мария-Луиза и доктор Хёгсмед. Хёгсмед спрашивает что-то о личном шкафчике.

— Да, был... у него был личный шкаф. Он заперт, конечно, но у нас есть резервный ключ.

Ханна переводит взгляд на Рами. Вот она... женщина, которая снилась Яну Хаугеру всю осень. Он отчаянно искал ее — но не там. А она была совсем близко. Ну не ирония ли судьбы?

И так и не нашел. Ему так и не удалось получить ответы, но, может быть, Ханне стоит попробовать? Лилиан... вряд ли ей удастся восстановить дружбу с Лилиан. Почему бы не попробовать с Рами? Ей сейчас очень одиноко. Иван погиб, и она чувствовала себя брошенной и никому не нужной.

— Пойдемте. Давайте искать книги вместе.

За спиной какой-то шум.

Мария-Луиза открыла шкафчик Яна. Он был так набит, что какие-то вещи вывалились на пол. Дождевик, велосипедный насос и несколько книг.

Ханне вовсе не хочется смотреть на его личные вещи. Она поворачивается к Рами:

— Можем поискать в ящиках с книгами...

Но та вроде ее и не слушает. Она смотрит на что-то, не отрывая глаз:

— Вот же они...

Рами права — книги лежат на полу под шкафом Яна. Ханна прекрасно их знает. «Зверомастер», «Ведьмина болезнь», «Вивека в каменном доме» и «Сто рук процессы».

Четыре сказки об одиночестве.

Ханна хочет остановить Рами, но куда там... Та быстрым шагом подходит к шкафчику, втискивается между Марией-Луизой и Хёгсмедом, подбирает книги с пола и начинает листать.

— Кто-то в них рисовал... смотрите! Вы не знаете кто?

Она поднимает глаза на Ханну, но та молчит. Перед глазами у нее лицо Яна Хаугера.

На полу осталась еще одна книга. Ханна не видела ее раньше — она лежала под остальными.

Старая черная тетрадь с фотографией на обложке: с больной койки прямо в камеру смотрит светловолосый мальчик.

Рами встает, не отводя взгляда от фотографии:

— И этот снимок я знаю... Я сама его сделала. Очень, очень давно... много лет назад. — Открывает тетрадь и читает имя: — Ян Хаугер. Он здесь работает?

Марии-Луизе явно неприятен этот вопрос.

— Нет, — говорит она. — К сожалению, он здесь уже не работает... А вы его знали?

Рами медленно наклоняет голову. Ханна чувствует, как откуда-то из живота поднимается панический ужас. Хочет что-то сказать, но Рами не обращает на нее внимания — перелистывает густо исписанные и разрисованные страницы.

Потом опускает дневник и тихо, задумчиво улыбается:

— Да, я его знала. Мы были друзьями — Ян и я.

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Распорядок дня	9
Часть 2. Ритуалы	227

Литературно-художественное издание
Национальный Bestселлер

Юхан **Теорин**

Санкта-Психо

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Шеф-редактор *Юрий И. Крылов*

Редактор *Т. Варламова*

Ведущий редактор *А. Гришина*

Выпускающий редактор *Л. Данкова*

В оформлении обложки использованы материалы
по лицензии © *shutterstock.com*

Дизайн и художественное оформление: *Е. Васильева*

Компьютерная верстка: *А. Дятлов*

Корректор *Л. Мухина*

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

Подписано в печать 30.10.2014 г.

Формат 60x90/16. Гарнитура «FreeSet». Усл печ. л. 26,04

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»

109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано: Публичное акционерное общество

«Т 8 Издательские Технологии»

109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5, комната 6

Тел.: 8 495 221-89-80